

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2024 Том 21 № 2

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикирева Улданий Максутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канагараджа Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аmineva Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуицева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламаюжа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 20.06.2024. Выход в свет 27.06.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 16,97. Тираж 500 экз. Заказ № 613. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 21 No. 2 (2024)

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editors

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA
Suresh Canagarajah, PhD, Professor, Pennsylvania State University, Philadelphia, USA

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Aminova, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*
Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

Киров Е.Ф. Понимание смысла предложения и текста	185
Петров А.А. Об антропонимах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ненцы, эвены, чукчи	195
Шарина С.И. Локальные эпические традиции эвенов: лингвистический аспект	213

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Семенова В.Г., Мельничук О.А. Картина мира северян в очерке «Путевые заметки (Из жизни Жиганского улуса)» А.И. Софронова-Алампа	223
Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Юзефович И.В. Прецедентный текст «русский хлопок»: исторические обертоны в романе Б. Чепрунова «Колонизаторы»	237
Овчеренко У.В., Щенникова Н.В. Хронотоп романа Д. Накипова «Круг пепла»	250
Токарева Н.А. Этническая и языковая самоидентификация Намжила Нимбуева в поэтическом дискурсе	260
Туманова А.Б. Репрезентация модусных смыслов в транскультурном художественном тексте	280

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Шаронова Е.А., Шаронов А.М. Опыт автоперевода поэтом-билингвом лирического стихотворения с русского языка на эрзянский	295
--	-----

ДИСКУРС

Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М., Никонов Н.М. Жанровые характеристики медицинского плаката о диабете	308
---	-----

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Муратова Е.Ю. Художественный феномен картины Ивана Крамского «Неизвестная» в живописи и литературе	340
--	-----

ЭССЕ

Кулиева Ш.А., Маркова Е.А. Кочующие в мирах	355
Пьянкова В.И. Статус жанра романа и метаромана в аспекте новой литературной эстетики	365

CONTENTS

LANGUAGE IN SYSTEM

- Kirov E.F.** Understanding the Meaning of a Sentence and Text 185
- Petrov A.A.** On the Anthroponyms of the North, Siberia and the Far East Peoples: Nenets, Evens, Chukchi 195
- Sharina S.I.** Local Epic Traditions of the Evens: Linguistic Aspect 213

LITERARY DIMENSION

- Semenova V.G., Melnichuk O.A.** Northerners' World Image in the Essay Travel Notes (Life in Zhigansky District) by A.I. Sofronov-Alampa 223
- Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Yuzefovich I.V.** The Case (Precedent) Texts "Russian Cotton": Historical Overtones in the Novel "The Colonizers" by B. Cheprunov 237
- Ovcherenko U.V., Shchennikova N.V.** Chronotope of D. Nakipov's Novel "The Circle of Ash" 250
- Tokareva N.A.** Ethnic and Linguistic Self-Identification of Namzhil Nimbuyev in Poetic Discourse 260
- Tumanova A.B.** Representation of Modus Meanings in a Transcultural Literary Text 280

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

- Sharonova E.A., Sharonov A.M.** Experience of Self-Translation of a Lyric Poem from Russian into Erzya by a Bilingual Poet 295

DISCOURSE

- Ebzeeva Yu.N., Dugalich N.M., Nikonov N.M.** Genre Characteristics of a Medical Poster about Diabetes 308

PHILOSOPHY AND CULTURE

- Muratova E.Yu.** The Artistic Phenomenon of Ivan Kramskoy's Painting "Unknown" in Painting and Literature 340

ESSAY

- Kulieva Sh.A., Markova E.A.** Nomads across the Worlds 355
- Pyankova V.I.** The Genre of the Novel and the Meta-Novel in the Aspect of the New Literary Aesthetics 365

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194

EDN: SZXTYT

Научная статья / Research article

Понимание смысла предложения и текста

Е.Ф. Киров^{ORCID}

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
✉ evg-kirov@mail.ru

Аннотация. Благодаря концепции Г.П. Мельникова проясняется алгоритмика понимания смысла, заданного конкретным дискурсом. В простых случаях понимания в языковом сознании человека группой ментальных актеров-актантов разыгрывается маленькая драма предложения / высказывания, сценарий которой задан предикатом (Сеше — Теньер). Здесь понимание равно видению ситуации (мизансцены) и является начальным этапом. На втором этапе происходит приравнивание увиденного к жизненной метафоре или гештальту (Лакофф и Джонсон). И.А. Мельчук и его Лингво-комбинаторный словарь (созданный совместно с А. Жолковским) составил третью часть теории понимания, четвертой частью которой следует считать концепцию речевых действий Остина и Серля. Все эти лингвистические концепции хорошо согласуются в духе системологии Г.П. Мельникова и образуют в целом теорию понимания.

Ключевые слова: актанты, сирконстанты, метафора, пропозиция, РА, текст, дискурс, системология

История статьи: поступила в редакцию 18.12.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Киров Е.Ф. Понимание смысла предложения и текста // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 185–194. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194>

© Киров Е.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Understanding the Meaning of a Sentence and Text

Evgeny F. Kirov

Moscow City University,

4 2nd Selskohozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

✉ evg-kirov@mail.ru

Abstract. Thanks to the concept of G.P. Melnikov, the technology of text's meaning understanding is clarified. In simple cases of understanding in the linguistic consciousness of a person, a group of mental actors plays out a small drama of a sentence / utterance, the script of which is set by a predicate (Seshe — Tenier). Here, understanding is equal to seeing the situation (mise en scene) and is the initial stage. At the second stage, what is seen is equated with a life metaphor or gestalt (Lakoff and Johnson). I.A. Melchuk and his Linguistic-combinatorial dictionary (created jointly with A. Zholkovsky) made up the third part of the theory of understanding, the fourth part of which should be considered the concept of speech actions by Austin and Searle. All these linguistic concepts agree well in the spirit of G.P. Melnikov's systemology and form a theory of understanding as a whole. The problem of the multiple layers of the text is perfectly visible in the literary texts of Ch. Aimatov, whose 95th Anniversary coincided with a similar anniversary of G.P. Melnikov.

Key words: actants, sirconstants, metaphor, proposition, RA, text, discourse, systemology

Article history: received 18.12. 2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Kirov, E.F. 2024. "Understanding the Meaning of a Sentence and Text." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 185–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194>

Введение

Итак, все началось с оговорки Альбера Сеше в работе «Очерк логической структуры предложения» [1] о том, что предложение — это маленькая драма, которую в нашем сознании разыгрывает группа актеров. Собственно, эта оговорка и породила революцию, приведшую к осознанию того, что такое простое понимание (понимание как видение) в первом приближении. Произошло это, прежде всего, в трудах Л. Теньера, а позже Ч. Филлмора и других авторов (вопрос о количестве и составе актеров дебатировался до сих пор, и последний из существующих набор актантов предложен А. Мустайоки и др. в «Функциональном синтаксисе русского языка» [2]).

Обсуждение

Флаг надвигающейся революции в теории понимания подхватил французский славист Л. Теньер, как уже было сказано, который в «Маленькой русской грамматике» [3], а затем в большой монографии «Основы структурного синтаксиса» [4] все уже сделал явным, создав первый вариант теории пони-

мания, которая сводится к восприятию внутренним взором (видения) игры актеров / акторов в драме предложения / высказывания, названных им актантами и сирконстантами / обстоятельствами, например, в высказываниях типа *Саша пришел только что, Машина новая, Даша идет на экзамен* и т.д.

Дело построения теории понимания было продолжено Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [5], которые прояснили древнюю логическую максиму, что понятно только то, что уже является известным, — через построение теории метафоры. Если высказывание *Саша пришел...* констатируется после ссоры с кем-то, например с Машей, то для его правильного понимания необходима уже концептуальная метафора или сложный метафорический гештальт (скорее, метафорический фрейм, по М. Минскому [6]), который гласит: *Любовь — это война...* Тогда это высказывание может быть правильно понято в общем контексте этих речевых действий — как некий поступок Саши, т.е. шаг к примирению).

Сценарий пьесы, равной предложению / высказыванию, задается предикатом, например: *Мой брат играет в теннис. Он в теннисе хорош* (предикат в предложении является не всегда глаголом, но Теньер строит сугубо глаголоцентричный синтаксис, как будто второго из приведенных выше предложений не существует вовсе ни во французском, ни в русском языках).

После разыгрывания своих ролей в текущей онлайн-пьесе предложения / высказывания актеры покидают сцену и занимают исходное положение в готовности сыграть новый сценарий, заданный предикатом уже в новом предложении.

Мы, в отличие от Л. Теньера и вслед за «Русской грамматикой» [7] и русской грамматической традицией, считаем, что основной смысл фразы зависит не от одного глагола, а от связки сказуемого и подлежащего, выраженного именем, т.е. от предиката и субъекта как главных членов предложения в равной мере, например: *Джо написал письмо Мэри* (предикативный центр образуют **предикат** и **субъект**), и понимание РА происходит, если мы правильно определим субъект и предикат речевого акта как действия в коммуникативной интеракции.

Второстепенные актанта (актеры массовки) являются распространителями основного смысла в лемме (т.е. схеме предложения) и в целом играют второстепенную роль, как и сирконстанты высказывания.

Такое предложение / высказывание в случае олицетворения структурно ничем не отличается от варианта с одушевленным субъектом, например, в высказывании: *Капля камень точит* — все происходит подобным образом, как и в предложениях / высказываниях, где выступает Джо: в обоих случаях одушевленный или олицетворенный актер воздействует на объект или на реципиента (если он одушевлен). Также в них использована одна и та же схема поверхностного предложения S-P-O, восходящая еще к Аристотелю.

По мере усвоения языка набираются как в случае освоения родного языка, так и в случае освоения иностранного языка новые схемы предложений в режиме нон-стоп. Как писали Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Пожалуй, к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек» [5. С. 59].

Л. Теньер же считает актора обычным и зависимым от глагола актантом, равным другим актантам в пропозиции, и в своем вербоцентричном динамичном синтаксисе представляет систему актантов как граф зависимостей, на вершине которой господствует глагол.

Мы повторим еще раз, что центром предложения является связка субъекта и предиката. Тогда принципиальная схема предложения приобретет другой вид: $\frac{(S-P)}{O}$. И именно от этого зависит, насколько верно будет распознан субъект и само действие; это и есть верное понимание речевого действия.

Со времени хомскианской революции в синтаксисе логическую пропозицию стали называть в лингвистике глубинным предложением, противопоставленным поверхностному предложению, что намного понятнее и предполагает то и другое во взаимосвязи [8]. Л. Теньер вплотную подошел к понятию глубинного и поверхностного предложения, которое было разработано Н. Хомским [8] уже после смерти Л. Теньера.

Важным пунктом в теории Л. Теньера является обстоятельство действия как таковое, которое Теньер назвал сирконстантом. Это очень важно для теории понимания, потому что действие всегда сопровождается сирконстантами, даже если они не выражены физически — это значит, что они нулевые. В высказывание как бы имплицитно, по умолчанию, всегда встроены сирконстанты **здесь** и **сейчас**, которые известны в филологии благодаря работам М.М. Бахтина (см. его концепцию хронотопа [9]). Однако учитывая философию И. Канта о тесной связи настоящего с прошлым и будущим, следует расширить число подразумеваемых сирконстантов до 4 элементов, включая элемент **до того** в прошлом — и **потом** в будущем. Но без пространственно-временной рамки сирконстантов **до того**, **здесь и сейчас**, **а потом**, присутствующих хотя бы в нулевой (подразумеваемой) форме, высказывание и предложение невозможны.

Что же структурирует актанты и сирконстанты глубинного предложения в пропозиции? Л. Теньер в своем динамическом синтаксисе использует очень удачную экстраполяцию из физической химии, — понятие **валентности**, которое структурно организует актанты в пропозиции, например, в центре высказывания (по нашей системе счета). В нашей системе счета, когда актер не является простым актантом и не образует простой левой валентности, как у Теньера, а скоординирован вместе с предикатом в центральную связку: *Раскольников убил* (это предикативный центр) *старуху топором не из-за денег* — модель трехвалентна, так как в ней присутствуют, кроме центра:

реципиент **старуху**, инструмент **топором** и сирконстант причины **не из-за денег**. Этот ряд примеров может быть продолжен.

В других типологиях актантов названы еще посессор, экспериенсер, реципиент, источник, инструмент, тема место, нейтрал (см. «Функциональный синтаксис русского языка» А. Мустайоки [2]). Особо интересен в этой конструкции нейтрал, но должен в будущем быть открыт и актант *либеро*, принимающий любую роль в предложении, и актант *ноль*. Тем более что ноль лежит на поверхности, например, ревизор у Гоголя в «Ревизоре» является типичным нулевым актантом.

Ч. Филлмор в своей типологии назвал актанты падежами внутренней структуры предложения (см. статьи «Дело о падеже» [10] и «Дело о падеже начинается вновь» [11]), но это лишь новое название для актантов Л. Теньера.

Важно подчеркнуть, что между актантом пропозиции и поверхностным членом предложения существует понятное семиотическое отношение символизации: субъект глубинного предложения (пропозиции) символизируется подлежащим поверхностного предложения, сказуемое символизирует предикат пропозиции, объект символизируется прямым или косвенным дополнением, признак предмета символизируется согласованным или несогласованным определением. Разного рода обстоятельства (причины, цели, места, времени и т.д.) поверхностного предложения символизируют соответствующие сирконстанты пропозиции [13]. Семиотическое соотношение символизации просто и ясно позволяет понять, как говорящий или пишущий зашифровывает смыслы в высказываниях, а слушающий или читающий их дешифрует методом метафорической синонимизации и кумулятивно соединяет результаты в общую идею текста/дискурса. Символизация как лингвосемиотический процесс пронизывает всю лингвистику от фонологии до лингвистики текста и внешне похожа на концепцию актуализации Ш. Балли, которую мы понимаем как часть теории символизации. Ш. Балли пишет, что «для того, чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать». Там же Ш. Балли продолжает, что «функция актуализации заключается в переводе языка в речь, в соотношении слов и выражений с реальными представлениями говорящего с действительностью. Актуализировать понятие – значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально; оно выражает представление какого-нибудь одного рода (вещь, процесс или качество)» [12. С. 87]. Ш. Балли полагает, что актуализация происходит с помощью «актуализаторов», которыми во французском языке являются окончания и служебные слова. Мы считаем, что символизация происходит по законам семиотики и требует, чтобы она выражалась материальными или нулевыми средствами. Таким образом, дискурс — это актуализированный текст (Ш. Балли — Н.Д. Арутюнова), т.е. текст — это дискурс до актуализации, до

включения его в жизнь. В предельных случаях формально текст при предварительной подготовке может совпадать с дискурсом, но никогда не совпадает с ним по существу: ему не хватает жизненного и интенционального действия с результатом этого действия, реакции на него (перлокуцией, по словам Дж. Остина).

Эта система метафор и составляет трудность перевода и суть того круга языка, о котором говорил В. фон Гумбольдт [14]. В языках активного и эргативного строя своя труппа актеров, но в пересказе всегда можно выразить мысль на любом языке. Трудность в изучении каждого неродного языка зависит от степени сложности метафорической системы и технологии ее символизации через актанты и сирконстанты пропозиции в глубинном предложении, а также символизации этих элементов членами поверхностного предложения — главными и второстепенными членами его. В этом состоит вся суть понимания как такового.

Теория речевых актов (ТРА), созданная Дж. Сёрлом и Дж. Остином, придает синтезу упомянутых теорий законченный вид и гласит, что первичным составным элементом дискурса является речевой акт (РА) как речевое действие, имеющее результат, т.е. перлокутивный эффект. Катарсис тоже относится к перлокутивным эффектам, но только по отношению к художественному дискурсу. РА, как известно, является речевым действием, при помощи которого мы добиваемся практических перлокутивных эффектов, используя в жизни чаще нехудожественные дискурсы. В этом смысле предложение РА ничем не отличается от других действий человека, и на время его практического использования совокупность РА является дискурсом, будучи включенной в жизнь.

Текст — это потенциальный дискурс. Дискурс — это совокупность РА, т.е. РА — это составляющая часть дискурса, соответственно, СФЕ — это составляющая часть текста. Так все составляющие и основные единицы языка и речи получают соотношение друг с другом: РА соответствует высказыванию, а СФЕ соответствует целому из РА, у которого еще нет лингвистического термина.

Встает в связи с проблемой понимания во весь рост проблема сочетания слов и вещей (как в XIX в.). В целом традиция создания реальных словарей была сильна в нашей «словаретворческой» традиции, однако не было в русской лексикографии никогда словаря, который бы отражал реальную сочетаемость слов вслед за сочетаемостью вещей в реальном мире — комбинаторного словаря. Итак, первый словарь на русском языке, который учитывал реальную ситуацию, навеянную реальным положением дел в мире, был создан в Торонто и Вене, позже был издан в 1984 г. В Вене в славистическом альманахе — это толково-комбинаторный словарь (ТКС) И. Мельчука и А. Жолковского как составная часть теории «Смысл \Leftrightarrow текст» И.А. Мельчука.

Этот словарь важен и отдельно, как русский ТКС, и представляет важнейшее достижение сам по себе. Этот ТКС еще дорабатывался в Москве группой исследователей, которыми негласно руководил не занимавший никаких должностей академик Ю.Д. Апресян, и в 2016 г. в издательстве ЯСК увидел свет новый русский ТКС, расширенный и доработанный [15]. Таким образом, РФ превратилась в страну со своим ТКС и НКРЯ, где зеленые *бесцветные идеи (третья фраза в филологии — первая насчет «казнить» и вторая — «куздра» Л.В. Щербы)*, даже в переносе, спать не могут. Все дело в несочетаемости этих лексем, следующей из несочетаемости реальных вещей в мире, когда глагол *спать* из практики требует сочетания только с одушевленным живым существом: человеком, ребенком или животным, а также при олицетворении неживым объектом внешне подобной природы (в чем-то похожи, например, *лес* и *человек*). Нормально спать может в переносе *туман*, *озеро*, *пруд* и т. д., так как они могут быть олицетворены, но никак не может олицетворяться и спать прямо понятая абстрактная лексема «идея», если это не кличка собаки или лошади.

Заключение

Итак, *понимание* — это *схватывание* известной метафоры (Лакофф и Джонсон) на основе предзнания ее смысла, именно в этом смысле понять возможно только то, что уже известно (Сократические беседы). В этом смысле накопление метафор является перманентным процессом и характеризуется известной фразой «Век живи — век учись».

Итак, на первом этапе понимание простых случаев поясняется метафорой *понимать — значит видеть*, что согласуется с динамическим синтаксисом Л. Теньера. На втором и более сложном этапе понимание означает и схватывание переноса смысла (Лакофф и Джонсон). Схватить можно то, что видишь, и понять, — только то, что уже знаешь. Из вышесказанного следует, что всю методику перевода и РКИ следует выстраивать в соответствии с вышеупомянутыми элементами понимания и работать над ними.

1. Исходный пункт — смысловое задание, т. е. мысль-интенция, которую человек хочет выразить в РА, представленная чаще как очень сокращенная **внутренняя речь** (см. [16]). Выстраивание пропозиции из понятных только самому себе элементов на внутренней речи, которым может оказаться отдельный образ или элемент высказывания, приводит к развертыванию фразы по схеме предложения.

2. Методика формирования глубинного предложения (полной пропозиции) на основе развертывания компонентов будущего высказывания, понятного и слушающим, и самому говорящему благодаря жизненным метафорам, которые составляют общий для говорящего и слушающего общий фонд (в логике это общий фонд presupпозиций).

3. Символизация актантов пропозиции членами поверхностного предложения, принятыми в данном языке, по схеме предложения.

4. Определение валентности по технологии реальных ассоциаций из жизни на основании комбинаторных ассоциаций, — здесь сразу отбраковываются фразы типа «зеленые бесцветные идеи яростно спят» в силу некомбинируемости и несочетаемости актантов как бессмысленные из опыта, хотя и правильные грамматически. Значительную помощь при этом может оказать «Русский ассоциативный словарь» [17].

5. Методика построения поверхностного **простого** предложения по принятой в данном языке схеме простого русского предложения.

6. Методика формирования **сложного** предложения из простых субпредложений по схеме сложного предложения: сочинение и подчинение. Бессоюзие — это сложные нулевые конструкции, равные по грамматическому значению обычным сложносочиненным и сложноподчиненным предложениям, в них есть грамматическая семантика, но нет союза или СС, поэтому целесообразно их считать обычными сложными предложениями с нулевым показателем грамматической семантики [18].

7. Систематика метафор, фреймов и метафорических концептов изучаемого языка и культуры, которые набираются постоянно. Системные блоки метафор языка, доступных для обобщения и комплектования в более сложные метафорические конструкции, изучаются всю жизнь.

8. Опознавание метафор в поверхностном предложении по принципу многосмысленности предложения.

9. Методика понимания содержания предложения через уже известную метафору, метафорический концепт или фрейм: приравнивание к метафорике языка.

10. Кумуляция смыслов высказываний и понимание идеи дискурса/текста в итоге как соединение метафор. Адекватная реакция на речевое действие.

11. Перманентное формирование и расширение метафорики изучаемого языка с особым акцентом на переносный смысл. Говорящий также символизирует информацию, переводя свою внутреннюю речь во внешнюю, исходя из уже известной метафоры.

Таким образом, понимание — это всегда творчество двух субъектов, говорящего и слушающего, а схватывание — это творческий акт, приравнивание увиденной в ментальном театре ситуации к уже известной метафоре.

Суть системологии Г.П. Мельникова заключается в системном подходе к явлениям языка и культуры, приводящим к определению детерминанты языка, которая по отношению к русскому языку заключается в событийности изображаемого речевым действием. По-русски можно сказать «Аптека находится на углу», и перед нами встает целая картина изображаемого события: кто-то болеет или болеет кто-то из родственников, и человек ищет и находит

аптеку, покупает в ней лекарства... спешит. Такого нет в высказывании *The pharmacy is on the corner*. В изобразительности, художественности заключается детерминантное отличие русского языка от западноевропейских языков [19].

Именно так понимаются художественные тексты Чингиза Айтматова, доверху нагруженные двойным и тройным смыслом, трудные для схватывания метафорами, но неизменно приводящие читателя к катарсису как итогу художественной коммуникативной трансакции.

Список литературы

1. *Сеше А.* Очерк логической структуры предложения. М.: УРСС, 2003.
2. *Мустайоки А., Сабитова З.К., Парменова Т.В., Бирюлин Л.А.* Функциональный синтаксис русского языка / под ред. А. Мустайоки. М.: Юрайт, 2019.
3. *Tesniere L.* Petite grammaire russe (Маленькая русская грамматика). Paris: Henri Didier, 1934.
4. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
7. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
8. *Хомский Н.* Избранное / под ред. Энтони Арноува. М.: Энциклопедия-ру, 2016.
9. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
10. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.
11. *Филлмор Ч.* Дело о падеже начинается вновь. Новое в зарубежной лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 496 – 530.
12. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: URSS, 2001.
13. *Киров Е.Ф.* Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2. Языкознание. Т. 17. № 2. 2018. С. 15–25. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>
14. *Гумбольдт фон В.* О языке кави на о. Ява // Избр. тр. по языкознанию / под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 221–226.
15. *Мельчук Ю.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь. М.: Изд-во ЯСК, 2016.
16. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2007.
17. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь. М.: Институт русского языка Российской академии наук, 1996.
18. *Киров Е.Ф.* Нулевые единицы в русском предложении // Активные процессы в современной грамматике: материалы межд. конф. М.: Изд-во МПГУ, 2008. С. 88–92.
19. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели / РАН. Ин-т языкознания. М.: Наука, 2003.

References

1. Seshe, A. 2003. Essay on logical structure proposition. Moscow: USSR publ. Print. (In Russ.)
2. Mustayoki, A., Sabitova, Z.K., Parmenova, T.V., and L.A. Biryulin. 2019. "Functional syntax of the Russian language." Edited by A. Mustayoki. Moscow: Yuright publ. Print. (In Russ.)

3. Tenier, L. 1934. *Little Russian Grammar*. Paris: Henri Didier publ. Print. (In Russ.)
4. Tenier, L. 1988. *Basic structural syntax*. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
5. Lakoff, J., and M. Johnson. 2004. *A metaphor I live by*. Moscow: USSR publ. Print. (In Russ.)
6. Minsky, M. 1979. *Frames for the presentation of knowledge*. Edited by F.M. Kulakova. Moscow: Energy publ. Print. (In Russ.)
7. *Russian grammar*. Vol. 2. *Syntax*. Moscow: Science publ. Print. (In Russ.)
8. Chomsky, N. 2016. *Selected*. Moscow: Encyclopedia-ru publ. Print. (In Russ.)
9. Bakhtin, M.M. 1975. *The question of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Fiction publ. Print. (In Russ.)
10. Fillmore, Ch. 1981. “Case on case.” In *New in foreign linguistics*. Edited by V.A. Zvegintseva. Moscow: Progress publ., pp. 369–495. Print. (In Russ.)
11. Fillmore, Ch. 1981. “Case on case begins again.” In *New in foreign linguistics*. Edited by V.A. Zvegintseva. Moscow: Progress publ., pp. 496–530. Print. (In Russ.)
12. Bally, Sh. 2001. *General linguistics and questions of the French language*. Moscow: USSR publ. Print. (In Russ.)
13. Kirov, E.F. 2018. “Text and discourse in a semiotic relationship.” *Vestnik Volgogradskogo gos. Universita. Series 2. Criminology*, vol. 17, no. 2, pp. 15–25. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>
14. Humboldt, von W. 1984. *On Java Island Cavy language*. Moscow: Progress publ., pp. 221–226. Print. (In Russ.)
15. Melchuk, Yu.A., and A.K. Zholkovsky. 2016. *Interpretive-combinational Dictionary*. Moscow: YASK publ. Print. (In Russ.)
16. Vygotsky, L.S. 2007. *Thought and speech*. Moscow: Labyrinth publ. Print. (In Russ.)
17. Karaulov, Y.N. 1996. *Russian associative Dictionary*. Moscow: Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences publ. Print. (In Russ.)
18. Kirov, E.F. 2008. “Zero units in the Russian sentence.” In *Active processes in modern grammar*. Moscow: MPGU publ., pp. 88–92. Print. (In Russ.)
19. Melnikov, G.P. 2003. *Systemic typology of languages: principle, method, model*. RAS Institute of Linguistics. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Киров Евгений Фролович — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии, Институт гуманитарных наук, МГПУ. E-mail: evg-kirov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9836-5619; eLibrary SPIN-код: 3323-1648

Bio note:

Evgeny F. Kirov is a Doctor of Sciences (In Philology), Professor, Professor of the Philology, Department of Human Institute, Moscow City University. E-mail: evg-kirov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9836-5619; eLibrary SPIN-code: 33231648

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-195-212

EDN: KMELHG

Научная статья / Research article

Об антропонимах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ненцы, эвены, чукчи

А.А. Петров

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48

✉ petrovalexspb@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — изучение антропонимов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в сравнительно-сопоставительном плане. Автор рассматривает проблему бытования личных имен, фамилий, прозвищ, этнонимов в языках различных типов северных народов: уральских (ненцы), алтайских (эвены) и палеоазиатских (чукчи) в неразрывной связи с их этнической культурой. В сравнительном плане привлекаются антропонимы других северных этносов: эвенков, нанайцев, удэгейцев. Объектом исследования выступают антропонимы, а также языковые связи коренных народов Севера и русских в синхронном и диахроническом аспектах с позиций современной лингвистической контактологии. Предмет исследования — личные имена, фамилии, прозвища, этнонимы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ненцев, эвенов, чукчей. Методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный, фонетический, лексико-семантический и морфологический анализ. Теоретическая и практическая значимость исследования связана с малой степенью изученности данного вопроса, отсутствием специальных научных работ, посвященных проблеме антропонимов в компаративистском аспекте. Уделено внимание и контактированию языков и культур в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. По результатам работы выявлены факты, которые констатируют, что личные имена, фамилии, прозвища и этнонимы народов Севера отличаются большим многообразием, а их происхождение и бытование связаны с особенностями материальной и духовной культуры этносов; среди экстралингвистических факторов, повлиявших на языковой материал, одним из основных явилось близкое общение коренных жителей с русским населением региона. Автор приходит к выводам о том, что исследуемый материал — антропонимы, — прошёл непростой путь контактирования, взаимообогащения и развития; в заимствованных словах обнаруживаются прежде всего фонетические и лексические различия. В области грамматики выявлены основные способы образования антропонимов: морфологический (суффиксальный), основосложение, конверсия; приводятся наиболее употребительные словообразовательные и словоизменительные суффиксы, в том числе и те, что образуют мужские и женские имена и прозвища.

Ключевые слова: языки ненцев, эвенов, чукчей, русский язык, антропонимы, языковые контакты

© Петров А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 11.09.2023; принята к печати 19.02.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Петров А.А.* Об антропонимах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ненцы, эвены, чукчи // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 195–212. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-195-212>

On the Anthroponyms of the North, Siberia and the Far East Peoples: Nenets, Evens, Chukchi

Alexander A. Petrov

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen,
48 emb. R. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation
✉ petrovalexspb@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the anthroponyms of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in a comparative manner. The author studies the problem of the existence of personal names, surnames, nicknames, ethnonyms in the languages of various types of northern peoples: Ural (Nenets), Altai (Evens) and Paleo-Asian (Chukchi) in inextricable connection with their ethnic culture. In comparative terms, anthroponyms of other northern ethnic groups are used: Evenks, Nanais, Udeges. The object of the study is anthroponyms, as well as linguistic connections between the indigenous peoples of the North and Russians in synchronic and diachronic aspects from the standpoint of modern linguistic contactology. The subject of the research is personal names, surnames, nicknames, ethnonyms of indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East: Nenets, Evens, Chukchi. Research methods: descriptive, comparative, phonetic, lexical-semantic and morphological analyses. The theoretical and practical significance of the study is associated with the low degree of its study, the lack of special scientific works devoted to the problem of anthroponyms in the comparative aspect. Attention is also paid to contacting languages and cultures in the regions of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. The results of the work revealed facts that stated that the personal names, surnames, nicknames and ethnonyms of the peoples of the North are distinguished by great diversity, and their origin and existence are associated with the characteristics of the material and spiritual culture of ethnic groups; Among the extralinguistic factors that influenced the linguistic material, one of the main ones was the close communication of the indigenous inhabitants with the Russian population of the region. The author comes to the conclusion that the material under study — anthroponyms — has gone through a difficult path of contact, mutual enrichment and development; In borrowed words, primarily phonetic and lexical differences are revealed. In the field of grammar, the main ways of forming anthroponyms have been identified: morphological (suffixal), basic composition, conversion; the most common derivational and inflectional suffixes are given, including those that form male and female names and nicknames.

Key words: languages of the Nenets, Evens, Chukchi, Russian language, anthroponyms, language contacts

Article history: received 11.06. 2023; accepted 19.02.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Petrov, A.A. 2024. “On the Anthroponyms of the North, Siberia and the Far East Peoples: Nenets, Evens, Chukchi.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 195–212. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-195-212>

Введение

В статье исследуются проблемы антропонимов народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в синхронном и диахроническом аспектах. Изучаются имена, отчества, фамилии, прозвища ненцев, эвенов и чукчей, и в сравнительном плане — других народов Севера и Арктики: эвенков, нанайцев, удэгейцев. В процессе исследования привлекаются материалы языка основного этноса Российской Федерации — русского. Работа посвящена описанию и анализу антропонимов, а также особенностям их образования и функционирования.

В корпусе работы представлены материалы по языкам и духовной культуре алтайских (тунгусо-маньчжурские), уральских (самодийские), палеоазиатских (чукотско-камчатские) народов Севера, Сибири, Арктики и Дальнего Востока.

Работа адресована исследователям научных и образовательных центров, занимающимся изучением и преподаванием языков и культуры северных этносов, преподавателям и студентам колледжей и вузов.

Проблема изучения этнонимов, личных имён и фамилий коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (КМНС-СиДВ) остается малоизученной областью ономастики и представляет собой интересную область науки о языке. Антропонимы (или онимы) — это любые собственные имена, которые имеет человек (личное имя, отчество, фамилия, прозвище). У КМНССиДВ России они представлены весьма разнообразно и имеют свою этническую специфику.

Научные статьи и монографии по антропонимике коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока выходили в свет в разные годы в течение XX в. — первой четверти XXI в. в центральных и региональных издательствах страны. Это по ненцам труды Н.М. Терещенко, Л.В. Хомич, М.Я. Бармич, Л.П. Ненянг, Г.И. Вануйто; по эскимосам Г.А. Меновщикова; по эвенкам Г.М. Василевич, В.А. Туголукова, Е.А. Курейской, А.Н. Варламова; эвенкам В.Г. Богораза, У.Г. Поповой, В.А. Роббека, Х.И. Дуткина, С.И. Шариной, И.И. Садовниковой; чукчам В.Г. Богораза, Ю.С. Рытхэу; нивхам Г.А. Отаиной, П.Я. Гонтмахера, Н.А. Лайгун, Р.П. Хайловой; юкагирам В.И. Иохельсона, Г.Н. Курилова, Л.Н. Жуковой, энцам Б.О. Долгих; вепсам С.А. Мызникова и др.

В настоящей работе автор впервые предпринимает попытку сделать общий обзор, описание и анализ антропонимов народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на материале языка и культуры ненцев, эвенов и чукчей.

В статье описаны и проанализированы антропонимы народов разных языковых групп: уральских (ненцы), тунгусо-маньчжурских (эвены), палеоазиатских (чукчи). Личные имена у этих народов давались сразу после

рождения ребёнка, как правило это были табуированные названия, направленные на защиту новорождённого от происков злых духов. Официальные имена и фамилии фиксировались при получении документов (свидетельство о рождении, паспорт и пр.). Как правило, при этом учитывались этнонимы, родовые наименования этносов, порой прозвища. При образовании имён использовались различные словообразовательные и словоизменительные суффиксы, к примеру, у эвенов: *-кан/-кэн, -чан/-чэн, -ндя/-нде, -наси/-нэси* и др. Заимствованные имена подвергались изменениям, согласно фонетическим закономерностям конкретных языков: *Огдоу* — Евдокия, *Мача* — Вася, *Кылаа* — Клавдия, *Курсуу* — Христофор, *Эндэ* — Андрей, *Ану* — Анатолий, *Спи* — Спиридон и т.д. В основу статьи легли опубликованные материалы по теме, а также результаты устных опросов и личные наблюдения автора за более чем сорокалетний опыт работы со студентами — представителями КМНССиДВ в Институте народов Севера РГПУ им.А.И. Герцена.

Антропонимы представляют большой научный интерес с различных точек зрения: морфологической структуры, лексической семантики, принципов номинации, способов деривации, особенностей функционирования и других аспектов.

Особую трудность в этимологизации имён и фамилий представляют полиэтнические регионы, в которых, чтобы выбрать наиболее приемлемую версию их происхождения, получить убедительные результаты этимологизации антропонимов коренного населения, необходимо верно определить язык, наречие, диалект, говор как источники, обязателен учет языковых критериев: фонетического, словообразовательного, семантического. Не менее важны экстралингвистические факторы — территория бытования имени, прозвища, фамилии, географические и климатические условия, особенности традиционной культуры местного населения, их этнические и культурные контакты.

Автор приносит благодарность своим коллегам — преподавателям и учёным Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, оказавшим большую консультативную помощь, предоставившим новый фактический материал и интерпретации этимологий личных имён, фамилий, прозвищ коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: эвенкийке Булатовой (Никифировой) Надежде Яковлевне, нивхе Гашиловой (Лиманзо) Людмиле Борисовне, корячке Болотаевой Олесе Левановне, чукчанке Туре (Пинетгиной) Зое Владимировне, ненке Валенковой (Вануйто) Виктории Владимировне, нанайке Заксор Любови Жоржевне, выпускницам ФНКС/ИНС ЛГПИ/РГПУ им. А.И. Герцена ненке Пушкарёвой (Лапсуй) Елене Тимофеевне, корячке Дедык (Ивкавав) Валентине Романовне, эвенкийке Афанасьевой Елизавете Фёдоровне, энке Болиной Дарье Спиридоновне, ульчанкам Петровой (Вальдю) Ольге Саксиевне, Одзял Марине Андусовне, чукче Ринтетегину

Владиславу Владимировичу, эвенке Чернышовой Светлане Леонидовне, нивхке Хурьун (Няван) Александре Владимировне, эвенке Чайко (Хардани) Анне Иннокентьевне, чукчанке Бойтуновой (Киттахиной) Парасковье Леонидовне и др.

Обсуждение

Уральские языки. Самодийские народы

Ненцы

На формирование национальных имён ненцев наложили отпечаток природные условия, образ жизни, занятия людей и их верования. Как справедливо отмечает Л.П. Ненянг, «личные имена ненцев — это ценнейший источник знаний для изучающих историю этого народа, его материальную и духовную культуру, быт и религиозные представления, психологические особенности» [1. С. 3]. Далее она пишет, что имена давались в связи с обстоятельствами рождения ребёнка: хорошая или плохая погода, удачный промысел, случайно услышанное родителями звучное слово, чей-то приезд или отъезд, примечательное событие, интересное происшествие: появилась дочь на свет во время чьей-то свадьбы — могут дать имя *Тюсэине* (Свадебная. Родившаяся во время свадьбы); сына, родившегося во время кочёвки, скорее всего, назовут *Мюсена* (Родившийся в пути); если первый крик малышки заглушала пурга, быть ей *Хаднэ* (Женщиной-пургой) [1. С. 6–7]. Нередко имя давалось в связи с географическими особенностями местности, по ассоциации с растениями и животными, окружающими предметами: *Яхако* – Речка, *Неро* — Тальник. Кустарник, *Хойко* — Горный хребет, *Нохо* — Песец, *Лимбя* — Орёл, *Пясик* — Пряжка в оленьей упряжи, *Сёбя* — Капюшон и др.

Ряд ненецких имён связан с физическими данными ребёнка: *Пукри* — Длинноногий, *Енне* – Светловолосая, *Сэвне* — Глазастая, Большеглазая и др.; с поведением ребёнка: *Мерете* — Быстрый, *Чуси* — Ленивый, *Сата* — Шустрый. Работящий, *Паромбада* — Торопливый, Скорый и др.

Названия таких родов, как *Вай*, *Лансуй*, *Няруй*, *Пуйко*, могут быть в настоящее время и именем, и фамилией. Был у ненцев и обычай давать детям временное имя (прозвище), которое после 7–9 лет заменялось взрослым, новым именем [1. С. 10–11]. Всего исследовательница собрала и записала только в одном Усть-Енисейском районе Таймыра около 1600 ненецких имён.

М.Я. Бармич посвятила специальную статью семантике личных имён ненцев [2], в которой имена классифицированы на 11 групп. Вместе с тем она отмечает, что «в прошлом у ненцев, по неписаному закону, каждый род имел свой устный свод личных имен людей, которым не пользовался другой род» [2. С. 84]. Приведём примеры: «1. Имена, связанные с внешним видом и его

одеждой: *Айта*, *Нгайта* — жирный, толстый, *Хохоля* — полный, *Ямтако* — тоненький и др.; 2. Имена, выражающие душевное и физическое состояние человека: *Пэту* — уставший, *Хануй* — болезненный, *Ибити* — умный и др.; 3. Личные имена, связанные с названием частей тела человека и с названием конкретных предметов окружающей действительности: *Аи*, *Ае* — тело, *Эвко* — головка, *Пад* — мешок, *Ядку* — доска для шитья, *Кум* — амбар и др.; 4. Имена, указывающие на пол человека: *Некля* — женщина, *Очени* — маленькая женщина, *Косома* — мужчина и др.; 5. Личные имена, связанные с этнонимами: *Амаку* — мамочка, *Пякли* — имя дано по названию рода Пяк, *Лар* — имя по названию рода Лар, *Хаби* — имя от слова «ханты» и др.; 6. Личные имена, образованные от названий животного и растительного мира: *Харючи* — журавль, *Нюня* — гагара, *Халу* — куропатка, *Кальку* — рыбка, *Лабуро* — бабочка и др.; 7. Имена, указывающие на место, время рождения ребёнка или событие, связанное с ним: *Лёпчи* — так называли девочку, родившуюся на ровном месте, *Нгэсода* — встающий (ребёнок родился, когда ставили чумы), *Муюндума* — разлив (ребёнок родился во время разлива рек) и др.; 8. Имена, отражающие хозяйственную деятельность ненцев: *Ева* — пастух, *Малкряв* — имя образовано от глагола *малкуруц* — караулить, охранять олень днём, *Тэранго* — отбирать оленей и др.; 9. Имена, связанные с религиозными представлениями ненцев: *Абу* — сильный, злой дух, *Таку* — так называют ребёнка, родившегося как бы в замен умершего и др.; 10. Имена, данные ребёнку по первым произнесенным звукам в подражание кому-либо или чему-либо: *Аой* — поющая уткой, *Авво* — от подражания лаю собаки, *Хыс* — междометие, требующее тишины и др.; 11. Имена, указывающие на появление новых членов семьи и отношение к ним: *Атели* — имя образовано от глагола *нгательц* — начать ждать (возможно это был первый ребёнок в семье, появление которого все ожидали; *Яб* — счастье, удача и др.» [2. С. 86–99].

Конечно, широкое распространение у ненцев приобрели заимствованные русские имена как результат деятельности православных миссионеров на Севере: *Андрон*, *Яков*, *Марфа*, *Евдокия*, *Мария*, *Федосья*, *Ульяна* и др. Многие имена подверглись трансформации по законам ненецкого языка и прочно вошли в именник как самостоятельные: *Алё* — Алексей, *Елька* — Илья, *Ная* — Надя. Надежда, *Сёмя* — Семён, *Маране* — Тамара, *Енка* — Геннадий, *Воло* — Владимир, *Нату* — Наталья и др.

Г.И. Вануйто в введении к своему «Словарю личных имён ненцев» пишет: «Традиционная антропонимическая система ненцев представляла собой сочетание личных имен-прозвищ с родовым названием. Личное имя-прозвище выполняло ведущую роль в именовании: оно служило для различия индивидов, объединённых родовым названием. Из-за отсутствия письменных памятников раннего периода истории ненцев трудно говорить об их древней ономастике. Однако в народной памяти с давних времен сохраняются имена

предков. У ненцев по неписаному закону каждый род имел свой устный свод личных имен: которым не мог пользоваться другой род. Основанием для выбора имени у ненцев являлись различные психологические и физические особенности личности, отдельные события, сезонные характеристики природы в момент рождения ребенка, явления, связанные с верованиями и традициями народа, названия растительного и животного мира, предметов, орудий, манера поведения ребенка, внешний вид, особенности детского возраста и т. д.» [3. С. 4].

Далее, отмечая влияние русского языка и культуры, она пишет: «Значительные изменения в антропонимической системе у коренных малочисленных народов Севера наметились в 1920-е гг. Первое время влияние русской антропонимической системы ограничивалось проникновением в традиционную антропонимическую систему ненцев отдельных русских имен, которые получали оформление по нормам родного языка: Шурка — Сюрка, Пашка — Паска, Федя Пеё. Позднее, с увеличением числа заимствований, традиционная антропонимическая система стала меняться в сторону сближения с русской. Особенно интенсивно этот процесс стал протекать в конце 30-х гг. двадцатого столетия в связи с введением паспортов для коренных народов Крайнего Севера. Русская антропонимическая система у ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа является одной из составляющих национальной антропонимии, в которой многое базируется на собственном антропонимическом материале. К 1960-м гг. антропонимическая система ненцев представляла собой переход от традиционной к русской системе: имя, отчество и фамилия. При этом именем может быть собственное имя, отчество — имя отца, а фамилия — родовое название. Следует отметить, что имена-прозвища называются именами на том основании, что они зафиксированы как имена в официальных документах. До сих пор наблюдается большая устойчивость ненецких национальных имен в условиях действия русской антропонимической системы» [3. С. 4–5]. Автор, как и другие исследователи, указывает на то, что «в последние годы среди молодежи отмечается стремление ввести в официальную жизнь свои национальные имена. Помимо национальных имен употребляются и национальные отчества, образованные по русскому образцу. При этом возможны такие варианты: «ненецкое имя + ненецкое отчество + ненецкая фамилия» (Хамбако Нянотевич Лапцуй), «ненецкое имя + русское отчество + ненецкая фамилия» (Еване Алексеевна Яр), «русское имя + русское отчество + ненецкая фамилия» (Виктория Владимировна Яр), «русское имя + ненецкое отчество + ненецкая фамилия» (Галина Подовна Яр).

Из этимологий, приведённых Г.И. Вануйто: *Вадё*, муж. Отч.: *Вадёвич*, *Вадёвна*. Производные: *Вадёко*, *Вадёкоця*, *Вадёця*. [от *вадёсь* – остаться без чего-л.]; *Вадёт*, муж. отч.: *Вадетович*, *Вадетавна*. Производные: *Вадётако*, *Вадётакоци*, *Вадётко*, *Вадётацякоця*. [от *вадета* — известный, прославлен-

ный]; *Варко*, муж. отч.: *Варкович*, *Варковна*. Производные: *Варкоко*, *Варкокоця*. [от *варк* — медведь]; *Варко*, муж. отч.: *Варкович*, *Варковна*. Производные: *Варкоця*, *Варкокоця*. [от *вар* — край]; *Вэвако*, муж. отч.: *Вэвакович*, *Вэваковна*. Производные: *Вэвакоко*, *Вэвакокоця*, *Вэвакоцэ* [от *вэва* — плохой]; *Вэване*, жен. Производные: *Вэванеко*, *Вэванекоця*, *Вэванекоцяко* [от *вэва* — плохой, нё — женщина]; *Ёбц*, муж. Отч.: *Ёбцович*, *Ёбцовна*. Производные: *Ёбцико*, *Ёбцикоця*, *Ёбцуля*, *Ёбцуляко*, *Ёбцлякоця*, *ЁбцУлякоцяко* [от *ёбц* — люлька]; *Ёсяконе*, жен. Производные: *Ёсякбнеко*, *Ёсякбнекоця*, *Ёсякбцяне*, *Ёсякоцянекоця* [от *ёся* — железо, нё — женщина]; *Лако*, муж. отч.: *Лакович*, *Лаковна*. Производные: *Лакоко*, *Лакокоця* [лак — быстрый, скорый]; *Люле*, жен. Производные: *Люлеко*, *Люлекоця*, *Люлекоцяко* [от *люле* — пухлые щечки]; *Майма*, муж.; жен. отч.: *Маймавич*, *Маймавна*. Производные: *Маймако*, *Маймакоця*, *Маймакоцяко* [от *маясь* — обрадоваться]; *Мёрета*, муж., жен. отч.: *Мерётавич*, *Марётавна*. Производные: *Мерэтако*, *Мерэтакоця*, *Мерэтакоцяко* [от *мёрета* — быстрый; скорый]; *Нётё*, жен.; по паспорту *Нёчо*. Производные: *Нётёко*, *Нётёкоця*, *Нётёкоцяко* [от *нё* — женщина]; *Цэси*, муж.; по паспорту *Айси* (*Эйси*). отч.: *Цэсивич*, *Цэсивна*; по паспорту *Айсивич*, *Айсивна*. Производные: *Цэсико*, *Цэсикоця* [от *цэсясь* — быть безногим]; *Пирцяко*, муж.; по паспорту *Пирчако*; разг. *Пиртяко*. отч.: *Пирцякович*, *Пирцяковна*; по паспорту *Пирчякович*, *Пирчяковна*. Производные: *Пирцякоко*, *Пирцякокоця*, *Пирцякоця* [от *пирця* — высокий] *Пирцяне*, жен. Производные: *Пирцянеко*, *Пирцянекоця*, *Пирцянекоцяко*, *Пирцяконе*, *Пирцкоцяне* [от *пирця* — высокий, нё — женщина]; *Пяко*, муж.; отч.: *Пякович*, *Пяковна*; Производные: *Пякокоця*, *Пякоця*, *Пякбцяко* [от *пя* — дерево]; *Сёрма*, муж. отч.: *Сёрмавич*, *Сёрмавна*. Производные: *Сёрмако*, *Сермакоця*, *Сермяцяко*, *Сермяцякоця* [от *сёрма* — цвет, оттенок]; *Сэрако*, муж., паспорт. отч.: *Сэракович*, *Сэраковна*. Производные: *Сэракоко*, *Сэракоця*, *Сэракокоцяко* [от *сэра* — белый]; *Тивтей*, муж. отч.: *Тивтеевич*, *Тивтеевна*. Производные: *Тивтейко*, *Тивтейкоця*, *Тивтейкокоця* [от *тивтей* — морж]; *Ханзёр*, муж. отч.: *Ханзёрович*, *Ханзёровна*. Производные: *Ханзёрако*, *Ханзёракоця*, *Ханзёракоцяко* [от *ханзёр?* — как?]; *Ханьконё*, жен. Производные: *Ханьконеко*, *Ханконекоця*, *Ханьконекоцяко* [от *хань* — иней, нё — женщина]; *Ясавэй*, муж. отч.: *Ясавэвич*, *Ясавэвна*. Производные: *Ясавэйко*, *Ясавэйкоко*, *Ясавэйкокоця*, *Ясавэйкоця* [от *ясавэй* — знаток местности] [3. С. 9–112] и др.

Из имён студентов и преподавателей Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена нам представляются интересными некоторые: *Лансуй* (по этимологии Л.П. Ненянг — Приземистый [1. С. 37]); по устному сообщению ненки В.В. Валенковой (Вануйто) — «Обломившееся, треснутое (о дереве)»; по объяснению Е.Т. Пушкарёвой (Лапсуй): «Спасённый, защищённый» (Этимология связана с сюжетом легенды о том, как был спасён мальчик от врагов: его спрятала бабушка, утрамбовав плотно снежным

покровом). *Сэротэтто* — Белооленный. Тот, у кого много белых оленей. *Окотэтто* — Многооленный. *Тэсидо* — Безоленный. *Вануйто* — Имеющий крепкие корни, ср.: *вану* — корень. *Хэно* — Тихий. Спокойный. *Пырерка* — Щукоподобный. *Сусой* — Родившаяся с харизмой, ср.: *су* — порода, статья, харизма; *соясь* — родиться.

Ненка Виктория Васильевна Валенкова (Вануйто), преподаватель ненецкого языка, ассистент кафедры уральских языков, фольклора и литературы ИНС РГПУ им. А.И. Герцена, приводит следующие имена ненцев и их этимологию: *Адер* — житель острова, *Айваседа* — без главы (главаря), *Анагуричи* — корма лодки, *Вануйто* — коряга (корень), *Вэнго* — собачье ухо, *Вора (Вырра)* — упрямый (щетки на оленьих лапах), *Ламбай* — кривые рога (ветвистые рога), *Ламбдо* — низкий, *Лантандер* — живущий на равнине, *Лансуй* — указывающий путь, *Ненянг* — комар, *Неркагы* — ерник (тундровая берёза), *Няруй* — лысый (чистая вода), *Няч* — друг, *Окотэтто* — много оленей, *Пяк* — палка (дерево), лесной, лесные, *Пырерко (Пырирко)* — щука (подобный щуке), *Салиндер* — житель (житель мыса), *Сегой* — поющая гора, *Сэротэтто* — богатый белыми оленями, *Тёр* — крик, *Тибичи* — старый (зубастый), *Тогой* — ткань, *Тусида* — без огня (без очага), *Тэсида (Тэсидо)* — без оленей (обездоленный), *Хабдю* — пузырь, *Харючи* — кривой (корма чего-либо) либо журавль, *Худи* — птица, *Хэно (Хэну)* — нарта, *Ядне* — пеший (пешеход), *Япстик* — острив, *Яптунай* — гусиная лапа, *Яр* — плачущий. При этом она отмечает, что интерпретация зависит от района проживания ненцев. Так, журавль повсеместно обозначается именем существительным *харё* (фонетические варианты *харе*, *харю*). Следует отметить, что большинство из этих имён выступают как фамилии; при этом имена преимущественно русские. Из списка студентов ФНКС: Айваседа Аркадий, Вануйто Виктория, Вэнго Ирина, Тибичи Роза, Худи Леонид, Хэно Ирина, Ядне Нина, Яр Галина и др.

Вместе с тем одна из первых исследовательниц ненецких имён Л.В. Хомич писала, что «у ненцев в прошлом были широко распространены имена собственные, в большинстве образованные от имён нарицательных, поэтому свободно поддающиеся переводу: *Сэрако* — беленький, *Едейхасаво* — новый мужчина, *Саване* — Хорошая женщина, *Пирицяко* — высокий и т.д.» [4. С. 153]. И тут же она отмечала, что это были прозвища, а настоящие имена (нэнэй нюм'), как правило, невозможно перевести. Особо автор говорила о том, что «дача имени была связана с обстоятельствами рождения и внешним видом ребёнка и собственные имена взрослых людей не употреблялись лицами младше их по возрасту, и вообще их использование было ограничено» [4. С. 153]. Она также приводит случаи бытования у ненцев имён, характерных для народов палеоазиатской языковой семьи, проживающих далеко на северо-востоке Азии. Это, в частности, эскимосские, корякские, чукотские имена и самоназвание юкагиров: *Ама (амо)* — волк (эск.), *Ара* — крик (эск.),

Анна (ана) — дед (эск.), *Пана* — копьё (эск.), *Ыльва* — дикий олень (кор., чук.). В то же время автор утверждает, что «некоторые ненецкие имена встречаются у эскимосов: *Атко, Атлю, Егалю, Икла, Или, Кайля, Кангля, Лю, Маина, Нана* и др. Имя *Оду* заставляет вспомнить самоназвание юкагиров» [4. С. 154]. Привлекая в качестве аргумента данные С.В. Иванова о распространении эскимосского орнамента вплоть до Енисея, Л.В. Хомич предполагает о древних контактах ненцев (уральских народов) с чукотско-камчатскими, юкагирскими народами палеоазиатской языковой общности [4. С. 155].

Алтайские языки. Тунгусо-маньчжурские народы

Эвены (ламуты)

Как пишут С.И. Шарина и И.И. Садовникова: «У эвенов был обычай давать имена в честь предков. Давая имя, обычно заботились о том, чтобы оно придавало ребёнку соответствующие качества: мальчику — силу, мужество, высокое положение, девочке — красоту, счастье, нежность, благополучие... У эвенов был обычай давать больному ребёнку два имени: одно — обиходное, второе настоящее, которое держали в тайне, чтобы запутать злых духов и отвести болезнь от ребёнка...» [5. С. 6].

Самые древние имена эвенов нашли отражение в фольклоре: Умчени, Уинья, Бээгды и др. [6. С. 277]; Ньөөлтык — Солнце (девушка), Мэнун — Золотистая, Чирини, Иркэнмэл и др. [7. С. 112–142]; Нёлтэк [8. С. 162–201].

Самым известным выпускником факультета народов Крайнего Севера (ФНКС) из числа эвенов является Василий Афанасьевич *Роббек* (1937–2010) — доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Саха (Якутия), директор ИПМНС СО РАН. Его фамилия восходит к предку шведского происхождения М.М. Робеку, участнику экспедиции Г.А. Сарычева — И.И. Биллингса на Чукотку [9. С. 9–22].

Его друг и коллега эвен из Аллаихи Христофор Иннокентьевич *Дуткин* (1939–2002) тоже учился на ФНКС, его фамилия происходит от названия его рода *Дутки* [10. С. 76].

По мнению Х.И. Дуткина, личные имена эвенов можно разделить на две группы: до и после христианизации. К наиболее древним он относит такие имена, как: *Кабиавчан* — Куропатка, *Чуукачан* — Птичка, *Кишэкэки* — Сойка, *Ээрбэткэн* — Гусиный, *Гиакын* — Орёл, *Гиньркын* — Мышонок, *Чаачаһ* — Песец — мужские имена; *Буличан* — Лиса, *Сакла* — Сова, *Качикан* — Щенок — женские. И ряд слов, не имеющих этимологии: *Пиэринэ, Боонук, Дуурин* и др. Часть имён отражают индивидуальные свойства человека, его физиологические и психологические качества: *Кучукэн* — *Меньший*, *Дурба* — *Белый*, *Курни* — *Отсеченный* (относится к ушам), *Иээбдэр* — С бородавкой и др. С обращением в христианство появились новые имена,

получившие фонетический облик в связи со звуковыми особенностями эвенского языка: *Ану* — Анатолий, *Спи* Спиридон, *Ньуку* Николай, *Абу* Абрам, *Матронка* Матрёна и др. [10. С. 76].

Знаток эвенского языка и традиционной культуры А.И. Чайко (Хардани) так объяснила некоторые фамилии и имена эвенов: *Делянская* — от названия рода *Деллянкар*, *Долган* — из рода *Долган* — «Рядом живущие». Суздалов Гавриил — студент бакалавриата по специальности «Этнокультурология» — певец, танцор, исполнитель эвенского фольклора и танца Хэде — творческий псевдоним *Гарпани Солига* — «Лучезарная Заря». Ср.: *гарпанга* — луч (солнца), *холига* — заря, закат. *Мангрони* — от *мангурка* — «перемётная сума» (вьюк оленя, лошади). *Нёлкатан* — «Лыбая голова». *Халкачан* — «Молоточек», ср.: *халка* — «молоток», -чан — уменьшительно-ласкательный суффикс. *Уркачан* — «Попрыгунья». Чайко (Хардани) Анна Иннокентьевна — выпускница ФНКС, работала в северной редакции в Магаданском книжном издательстве. Ср.: *харда* — «селёдка»; *Хардани* — Селёдкина. *Элрика* Вера Семёновна (1956–2019) — выпускница ФНКС, окончила аспирантуру ЛГПИ, автор статей по эвенской оленеводческой терминологии. Ср. *элрика* — «щекастая». *Амамич* Мария Николаевна — эвенская писательница; ср. *ама* — «отец», *Амамич* — Отцова. *Ханькан* Константин Алексеевич (1943–2021) — эвенский писатель из Магаданской области. Ср.: *ханькан* — «идуший вразвалочку».

А.А. Винокурова указывает, что при табуировании имён использовались специальные суффиксы: «Табу — это запрет употреблять те или иные слова. Термин заимствован из полинезийского языка и означает «особо выделенный, отмеченный, священный». Например, по суеверным представлениям эвенов, существовавшим раньше, нельзя было называть имена умерших людей. Вместо имени умершего говорили то или иное слово, оформленное суффиксом -наси / -нэси: аманаси *покойный отец*, этикэнэси *покойный старик* [11. С. 15].

Палеоазиатские языки. Чукотско-корякские народы

Чукчи

Рытхэу Юрий Сергеевич (1930–2008) — известный российский, чукотский писатель, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького в своем романе «Дорожный лексикон» в главе «Имя» (Имя — «Нынны») приводит следующие имена чукчей: *Уа-Уа* — крик новорождённого ребенка, *Аляпэнрын* — «Бросающийся за дерьмом», *Тэнэвири* — «Спустившийся с Рассветом», *Гивэвнэут* — «Сведущая, Знающая, Обретающая известность», *Гивэу* — «Обретающий известность», *Рытхэу* — «Потерявший известность, Неизвестный», *Кмоль* — «Суть червя», *Лелекай* — «Маленький Хук» и др.

[12. С. 107–109]. Здесь же он рассказал, как в 1946 г. столкнулся с проблемой при получении паспорта из-за отсутствия имени и отчества: «На другом берегу бухты Провидения, на полярной станции, работал мой давний знакомый по Уэлену метеоролог Юрий Сергеевич. Иногда я заходил к нему в гости, часто советовался с ним по всяким житейским делам. Я и направился к нему и выложил перед ним суть проблемы с паспортом. — А где же взять тебе имя и отчество? — озадачился Юрий Сергеевич. И тут у меня возникла идея. — А если я возьму ваше имя и отчество? Юрий Сергеевич долго думал, потом расхохотался и сказал: — А что? Хорошая идея! Мне не жалко! — Правда? — обрадовался я. Широкой души был человек — Юрий Сергеевич! На следующий день я уверенным шагом вошел в кабинет начальника милиции бухты Провидения и уверенно заявил: — Я вспомнил: меня зовут Юрий Сергеевич Рытхэу! — Ну вот! — удовлетворенно произнес начальник милиции и достал новенький, ещё не заполненный паспорт. — Так и запишем: Юрий Сергеевич Рытхэу, тысяча девятьсот тридцатого года рождения, уроженец села Уэлен Чукотского района. — Поздравляю, гражданин Юрий Сергеевич Рытхэу! — торжественно произнес он, вручая мне паспорт. — Живи! Вот так и живу всю жизнь — Юрий Сергеевич Рытхэу» [12. С. 114–115]. Бойтунова (*Кумтахина*) Парасковья Леонидовна — выпускница ФНКС, преподаватель чукотского языка на кафедре северной филологии СВФУ им. М.К. Аммосова. Её фамилия восходит к слову Кыттагын (прозвище) — «Крепкий». Её мама имела имя Омрина/Омрынга — «Крепкая».

По устному сообщению чукчанки Зои Владимировны Туре (Пинетегинной), преподавателя чукотского языка, ассистента кафедры палеоазиатских языков, фольклора и литературы ИНС РГПУ им. А.И. Герцена: *Пинетегина Пэн'эйтэгын* — «Усталость до предела». *Кутгеут* — «К'утык — вставать, К'утгэвыт — «Встающая». *Кэмырультынэ* — *Кымбырултын'э* — «Двигающийся червячок». *Иненликэй* — *Йын'энлик'эй* — «Развернувшийся туман». *Ринтетегин* — *Ринтытэгын* — «Выброшенный до определённой черты, края». *Вуквурахтыргыргина* — *Выквырагтыгыргын* — «Камень, лежащий на пути домой». *Кымытваль* — *Кымъытваал* — «Червячок». *Рытхэу* — *Рытгэв* «Неизвестный». *Выквынтонану* — *Выквынтон'ав* — «Выквынток — дотащить камень» — «Достающая камень». *К'ут-ык* — «вставать», *Гэвыт* — «Знающая».

Туре (*Пинетегина*) Зоя Владимировна — ассистент кафедры палеоазиатских языков, фольклора и литературы ИНС, преподаватель чукотского языка; *Кутгеут* Лариса Михайловна (1958–2013) — к.ф.н., доцент кафедры палеоазиатских языков, фольклора и литературы ИНС; Куликова (*Кэмырультынэ от кмоль* — «червь») Идея Владимировна (1942–2019) — к.ф.н., доцент кафедры палеоазиатских языков, фольклора и литературы ИНС; Инэнликэй Пётр Иванович (1930–1988) — к.ф.н., с.н.с. ЛО ИЯ АН СССР — ныне ИЛИ РАН; *Ринтетегин* Владислав Владимирович — выпускник ИНС, известный

хореограф, балетмейстер; ср. *ринте* — «выбросить» + суфф. *-тегын* — «предел чего-либо». Выквырагтыргыргына Лариса (без отчества) — известный журналист, ср.: отсутствие отчества в паспорте нечастый случай, ср. *Потпот* Игорь (без отчества); *Выквынтонану* Андрей; *Кымытваль* Антонина Александровна (1938–2015) — чукотская поэтесса; *Вуквутагин. Кергытваль, Гыргольнаут. Тыгрэнкэу, Ранаврольтына, Нутечейвун. Рахтилин. Кэргинто от кергын* — «светлое пятно». *Тынэтегын* — «предел рассвета».

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и ныне бытуют собственные личные имена, часть из которых в советское время трансформировалась в официальные фамилии. У разных локальных групп КМНССиДВ имелось по два имени: личное и официальное. Многие имена обусловлены религиозными представлениями народов Сибири и Арктики, в частности анимизмом, тотемизмом. Они имели охранительную функцию, берегли детей от происков злых духов. Фамилии, как правило, отражали родовые названия этносов. У части северян нет отчества в паспортах, что иногда затрудняет делопроизводство (Ср.: был студент ФНКС ЛГПИ из Чукотского автономного округа Игорь Потпот, с ним были сложности издания приказов о переводе, назначении на стипендию и пр.). Н.Б. Киле утверждает, что у нанайцев «отчества упоминались и были необходимыми фактами при выяснении родственных отношений или при контакте и знакомстве с соплеменниками, ранее незнакомыми. Тогда требовалось называть род, своё имя, имя отца, а иногда название стойбища» [13. С. 151].

Говоря о нарицательном значении собственных имён нанайцев, автор отмечает, что «большая часть имён представляет собой названия разных предметов, животных, птиц, рыб и растений: *Сэлэкэн* Железяка, *Хулу* Белка, *Пиму* Рябчик, *Тункэ* Крышка большого котла, *Гара* Уключина, *Сучок*, *Ара* Отруби и ряд других.

В качестве имён давались и названия этнических групп: *Эрускэ* Русский, *Гаолин* Кореец, *Никан* Китаец, *Сисан* Японец и др.

При этом сохранялась разветвленная система названий и самоназваний народов (*нанайцы-гольды*, *нивхи-гиляки*, *чукчи-луораветланы*, *ханты-остяки*, *манси-вогулы*, *долганы-нака*, *ульчи-нани*, *эвены-ламуты*, *эвенки-тунгусы* и т.д., которые, при внесении ещё родоплеменных наименований или самоназваний по территории расселения и другим признакам (намотканы — *эвены*, *живущие по берегам морей*, *орочоны* — *оленные эвенки* и пр., вводили ещё большую путаницу для неспециалистов по данным народам.

Если у эвенков, ненцев и нанайцев были вместо фамилий распространены названия тех или иных родов (Панкагир, Пяк, Айваседа, Ного, Бельды, Самар

и др.), то, к примеру, у эвенов Якутии бытовали фамилии (Громов, Никулин, Слепцов и др.), а названия родов (Дялланкин, Кукуюн, Мямьяль, Дойда, Дотки и др.) приходилось во время экспедиций выяснять дополнительными вопросами. Правда, были и исключения из правил: эвенские фамилии Долган, Уяган, Демянская, к примеру, на Камчатке и Чукотке происходили от названия рода.

Заемствованные имена и фамилии подвергались фонетическим изменениям согласно законам конкретных этнических языков. Например, русские имена у удэгейцев адаптировались по правилам родного языка и стали восприниматься как удэгейские: *Сергей* — *Соги*, *Пётр* — *Пачи*, *Савелий* — *Савуска*, *Арина* — *Джина*, *Клава* — *Бумбу*, *Валентина* — *Батахана*, *Катя* — *Ганди* и др.

Анализ личных имён показал, что для большинства народов Севера было характерно следующее:

- не было принято думать об имени раньше, чем ребёнок родился, поэтому имя давалось ребёнку после его рождения;
- выбор имени мог быть связан с обстоятельствами появления ребёнка на свет: погода на момент рождения, место, в котором он родился, особенности ребёнка, как физические, так и характерные для него качества: крикливый, тихий, беспокойный и т.д.;
- имена принадлежали конкретному человеку и не повторялись;
- имя (прозвище) со временем могли поменять в соответствии с характерными особенностями подростка.

Антропонимическая система связана с мировоззрением северян, их прошлой традиционной нормой обращения к членам семьи, рода и вообще соплеменникам. Она отражает социальную психологию этноса. Как отмечает Л.В. Хомич, «...дача имени была связана с обстоятельствами рождения и внешним видом ребёнка и собственные имена взрослых людей не употреблялись лицами младше их по возрасту, и вообще их использование было ограничено» [4. С. 153].

Выделяются основные способы образования имён: морфологический (суффиксальный), основосложение, семантический и конверсия.

С точки зрения словообразования и словоизменения имена оформлялись определёнными суффиксами, которые порой имели семантику табуирования.

Удэгейские имена образуются в основном по модели: имя (существительное, прилагательное) + аффикс *-га*, *-нга*, *-ни*: *Магани*, *Зукени*, *Унгига* и др. Как утверждает автор, имена с такими суффиксами широко распространены среди эвенков и эвенов. Встречаются и имена маньчжурского происхождения, образованные от корня *ха-*, *хэ-*. Например, муж. *Хайфу*, *Хангили*, *Хандига*; жен. *Хэргини*, *Хэкила*, *Хэбала*. У маньчжуров основа *хэ-* означает женское начало, *-ха* — мужское [14. С. 105]. Имеются имена, сходные с именами чжурчженей,

с суффиксами *-рей (-ей)*, *-да*. Муж.: *Доверей, Грудей, Боичей*; жен.: *Исунда, Урунда, Алагда*. Встречается имя *Чингиса*, вероятно, монгольского происхождения [14. С. 106].

По словообразовательным суффиксам можно определить, какие это имена, мужские или женские. Так, у эвенков при помощи суффиксов *-ча, -чэ, чо* образованы мужские имена (*Амарча, Тукарчэ*), а при помощи суффиксов *-рик, -чок, -лук, -дак* образованы имена женские (*Мелирик, Булбичок, Хусивлук, Амардак, Дериток*) [15. С. 4]. В эвенском языке исследователи отмечают наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы: *-ни (Гарпани)*, *-к (Бурак)*, *-р (Кэлдэр)*, *-дяк/-дек (Мэндек)*, уменьшительно-ласкательные *-кан/-кэн, -чан/-чэн*, увеличительно-почтительные *-ндя-нде: Амагачан, Буюндя, Нярикан* и др. [5. С. 7–8]. В эвенкийском языке суффикс *-кан* всегда тоже ласкательный (*Асикан* — женское имя, *Гургукан* — мужское имя) [15. С. 4].

Данные антропонимии могут свидетельствовать о древних этнокультурных и языковых контактах народов ССидВ. В частности, об этом говорит Л.В. Хомич, которая приводит случаи бытования у ненцев имён, характерных для народов палеоазиатской языковой семьи, проживающих далеко на северо-востоке Азии. Это, в частности, эскимосские, корякские, чукотские имена и самоназвание юкагиров: *Ама (амо)* — волк (эск.), *Ара* — крик (эск.), *Анна (ана)* — дед (эск.), *Пана* — копьё (эск.), *Бльва* — дикий олень (кор., чук.). В то же время автор утверждает, что «некоторые ненецкие имена встречаются у эскимосов: *Атко, Атлю, Егалю, Икла, Или, Кайля, Кангля, Лю, Маина, Нана* и др. Имя *Оду* заставляет вспомнить самоназвание юкагиров [4. С. 154]. Привлекая в качестве аргумента данные С.В. Иванова о распространении эскимосского орнамента вплоть до Енисея, она предполагает о древних контактах ненцев (уральских народов) с чукотско-камчатскими, юкагирскими народами палеоазиатской языковой общности [4. С. 155].

По мнению Г.И. Демидовой: «С каждым новым поколением родные имена забываются, с каждым новым учебным годом в Институте народов Севера всё меньше студентов, носящих имена своих предков. Это объясняется как лингвистическими причинами, так и экстралингвистическими факторами, связанными с социальными преобразованиями внутри общества: во-первых, стремлением народов Севера облегчить общение, так как нерусские имена коренных жителей часто труднопроизносимы для людей другой национальности; во-вторых, желанием не выделяться среди окружающих; в-третьих, детей называют русскими именами в смешанных браках, получивших большое распространение» [16. С. 77–78].

Дальнейшее исследование антропонимики народов Сибири, Арктики и Дальнего Востока может принести интересные результаты.

Список сокращений

жен. — женское имя

ИПМНС СО РАН — Институт проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск)

ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

ИНС — Институт народов Севера (Санкт-Петербург)

КМНСиДВ — коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока

кор. — корякский язык

к.ф.н. — кандидат филологических наук

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена

ЛО ИЯ АН СССР — Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР

муж. — мужское имя

РАН — Российская академия наук

РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

СВФУ — Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск)

с.н.с. — старший научный сотрудник

сокр. — сокращенно

ср. — сравни

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ФНКС — факультет народов Крайнего Севера

чук. — чукотский язык

эск. — эскимосский язык

Список литературы

1. *Ненянг Л.П.* Наши имена. К вопросу об имяназвании и бытовании собственных имён у ненцев Таймыра: антропонимический очерк. СПб.: Отделение изд-ва «Просвещение», 1996.
2. *Бармич М.Я.* Семантика личных имён ненцев // Лексико-грамматические исследования языков народов Севера СССР. Л., 1980. С. 83–102.
3. *Вануйто Г.И.* Словарь личных имен ненцев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
4. *Хомич Л.В.* Некоторые вопросы ненецкой антропонимии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы Всесоюзной конференции, 14–16 июня 1973 года. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. С. 153–155.
5. *Шарина С.И., Садовникова И.И.* Эвенское имя. Якутск: ИГИиИПМНС СО РАН, 2015.
6. Сказки народов Севера / сост., ред., предисловие и примеч. М.Г. Воскобойникова и Г.А. Меновщикова. М.-Л.: Изд-во художественной литературы, 1959.
7. *Лебедев В.Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
8. *Роббек В.А.* Язык эвенов Берёзовки. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1989.
9. *Петров А.А.* М.М. Робек и его «Краткий словарь двенадцати наречий...» // Научные основы устойчивого развития коренных народов Севера: материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения В.А. Роббека, Якутск, 17 февраля 2012 г. Новосибирск, 2013. С. 19–22.
10. *Дуткин Х.И.* О личных именах эвенов Аллаиховского района ЯАССР // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С.75–76.

11. *Винокурова А.А.* Практикум по курсу эвенского языка (Фонетика. Лексика). Якутск: Изд-во «ООО «Нью Вижн», 2017. 28 с.
12. *Рытхэу Ю.С.* Дорожный лексикон. СПб.: Журнал «Звезда», 2010.
13. *Киле Н.Б.* Антропонимия у нанайцев // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы Всесоюзной конференции. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. С. 150–153.
14. *Подмаскин В.В.* Удэгейские личные имена // Филология народов Дальнего Востока (Ономастика). Владивосток, 1977. С. 102–106.
15. *Курейская Е.А.* Как зовут тебя, бэе? Словарь эвенкийских имён. Тура: Управление культуры Эвенкийского автономного округа. Общественный центр этнической культуры, 2000.
16. *Демидова Г.И.* Об изучении именослова студентов Института народов Севера // Университетские округа России: глобальные и региональные аспекты развития российского образования: материалы Третьей всерос. науч.-практ. конф. университетских округов России, Казань, 15–16 мая 2009 г. СПб.; Казань, 2009. С. 71–78.

References

1. Nenyang, L.P. 1996. Our names. On the issue of naming and the existence of proper names among the Nenets of Taimyr. Anthroponymic essay. St. Petersburg: Department of the publishing house “Enlightenment.” Print. (In Russ.)
2. Barmich, M.Ya. 1980. “Semantics of personal names of the Nenets.” In Lexico-grammatical studies of the languages of the peoples of the North of the USSR. Leningrad, pp. 83–102. Print. (In Russ.)
3. Vanuito, G.I. 2002. Dictionary of Nenets personal names. Tomsk: Tomsk University Publishing house. Print. (In Russ.)
4. Khomich, L.V. 1973. “Some questions of Nenets anthroponymy.” In Origin of the aborigines of Siberia and their languages. Materials of the All-Union Conference, June 14–16, 1973. Tomsk: Tomsk University Publishing House, pp. 153–155. Print. (In Russ.)
5. Sharina, S.I., and I.I. Sadovnikova. 2015. Even name. Yakutsk: IGIIPMNS SB RAS publ. Print. (In Russ.)
6. Fairy tales of the peoples of the North. 1959. Composed, edited by M.G. Voskoboinikov and G.A. Menovshchikov. Moscow-Leningrad: Publishing house of fiction. Print. (In Russ.)
7. Lebedev, V.D. 1978. Language of the Evens of Yakutia. Leningrad: Science publ. Print. (In Russ.)
8. Robbek, V.A. 1989. Language of the Evens of Berezovka. Leningrad: Science publ. Print. (In Russ.)
9. Petrov, A.A. 2013. “M.M. Robek and his “Brief Dictionary of Twelve Adverbs...” In Scientific foundations of sustainable development of indigenous peoples of the North: materials of the republican scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of V.A. Robbek, Yakutsk, February 17, 2012. Novosibirsk, pp. 19–22. Print. (In Russ.)
10. Dutkin, H.I. 1980. “On the personal names of the Evens of the Allaikhovskiy region of the YASSR”. In Questions of language and folklore of the peoples of the North. Yakutsk: YaF SB AN USSR publ., pp. 75–76. Print. (In Russ.)
11. Vinokurova, A.A. 2017. Workshop on the Even language course (Phonetics. Vocabulary). Yakutsk: Publishing House LLC New Vision. Print. (In Russ.)
12. Rytkheu, Yu.S. 2010. Road vocabulary. St. Petersburg: Zvezda Journal. Print. (In Russ.)
13. Kiele, N.B. 1973. “Anthroponymy among the Nanai.” In Origin of the aborigines of Siberia and their languages: Materials of the All-Union Conference. Tomsk: Tomsk University Publishing House, pp. 150–153. Print. (In Russ.)

14. Podmaskin, V.V. 1977. “Udege personal names.” In *Philology of the peoples of the Far East (Onomastics)*. Vladivostok, pp. 102–106. Print. (In Russ.)
15. Kureyskaya, E.A. 2000. *What’s your name, bae? Dictionary of Evenki names*. Tura: Department of Culture of the Evenki Autonomous Okrug. Community Center for Ethnic Culture. Print. (In Russ.)
16. Demidova, G.I. 2009. *On the study of the names of students of the Institute of Northern Peoples In University districts of Russia: global and regional aspects of the development of Russian education: materials of the Third All-Russian scientific-practical conference, Kazan, May 15–16, 2009*. St. Petersburg; Kazan, pp. 71–78.

Сведения об авторе:

Петров Александр Александрович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры алтайских языков, фольклора и литературы, Институт народов Севера, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; ORCID: 0000-0003-0075-3742; E-mail: petrovalexspb@mail.ru

Bio note:

Alexander A. Petrov is Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Altai Languages, Folklore and Literature, Institute of the Peoples of the North, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. ORCID: 0000-0003-0075-3742; E-mail: petrovalexspb@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222

EDN: LDNETD

Научная статья / Research article

Локальные эпические традиции эвенков: лингвистический аспект

С.И. Шарина^{ORCID}

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
Российская Федерация, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1
✉ sarshar@mail.ru

Аннотация. Актуальность и необходимость изучения эвенского языка и фольклора обусловлена обеспечением полноценного функционирования языка, относящегося к исчезающим. В эвенском фольклоре особое место занимает архаический эпос *нимкан*, представляющий большую ценность по историко-познавательной значимости и художественному уровню. Исследование локальных вариантов эвенских *нимканов*, проводимое в лингвистическом аспекте, является весьма актуальным и относится еще к неразработанным проблемам в эвенской лингвистике. Своевременным и важным является отнесение образцов к определенным локальным группам, выявление локальной специфики *нимканов*, особенностей языка эпических текстов в области фонетики, морфологии, лексики и стилистики. Важно подчеркнуть, что требуется большая работа по обработке, расшифровке, переводу, систематизации и описанию полевого фольклорного материала, еще не введенного в научный оборот. Цель исследования — в попытке обозначить направление дальнейших исследований языка эвенского эпического текста, в связи с чем приводится дифференциация и группирование эпической традиции эвенков в соответствии с ареалом распространения и диалектной принадлежностью. Объектом исследования являются локальные традиции эвенского эпоса *нимкан*. Предметом исследования выступает специфика языка эпической традиции эвенков (фонетические, морфологические, лексические и стилистические особенности) по локальным группам. Применялись описательный, сравнительно-сопоставительный, сопоставительный методы исследования. Результатом является предпринимаемый впервые в эвеноведении авторский вариант классификации и систематизации эвенской эпической традиции по локальным группам в соответствии со сказительскими очагами и лингвистическими особенностями территориальных вариантов языковых идиом на основе предварительного выявления фонетических, грамматических и лексических особенностей языка *нимкана*. Подчеркивается необходимость лингвистического анализа эпических произведений, которые будут способствовать дальнейшему комплексному описанию языка эвенской эпической традиции; вводу в научный оборот новых фольклорных материалов, собранных в полевых условиях у разных групп эвенков, а также архивных материалов; дополнению, выделению и уточнению особенностей еще неисследованных и малоисследованных эвенских говоров и диалектов на всех языковых уровнях.

© Шарина С.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: эвенский язык, фольклор, эпическая традиция эвенов, локальные варианты, особенности языка эпоса

История статьи: поступила в редакцию 18.12.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шарина С.И. Локальные эпические традиции эвенов: лингвистический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 213–222. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222>

Local Epic Traditions of the Evens: Linguistic Aspect

Sardana I. Sharina^{ORCID}

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
1 Petrovsky St, Yakutsk, 677027, Russian Federation,
✉ sarshar@mail.ru

Abstract. The relevance and necessity of studying the Even language and folklore are conditioned by ensuring the full functioning of a language that is at risk of extinction. In Even folklore, the archaic epic nimkan occupies a special place, representing great value for its historical, cognitive significance as well as its artistic level. The study of local variants nimkans, conducted from a linguistic perspective, is highly topical and pertains to the still undeveloped problems. It is timely to classify samples into specific local groups, to examine the language features of epic texts in the areas of phonetics, morphology, lexicon, stylistics. There is a significant need for work on deciphering, translating, systematizing, describing field folklore material that has not yet been introduced into scholarly discourse. The aim of the article is to attempt to outline the direction of further research on the language of the Even epic, in connection with which a differentiation of the Even epic tradition is presented according to its distribution area and dialectal affiliation. The object of the study is the local traditions of the Even epic nimkan. The subject of the study is the specificity of the language of the Even epic tradition (phonetic, morphological, lexical, stylistic features). The research methods include: descriptive, comparative-contrastive, contrastive. The result is an original classification and systematization of the Even epic tradition by local groups according to storytelling centers and linguistic features of territorial variants of language idioms, based on preliminary identification of phonetic, grammatical, lexical features. The necessity of linguistic analysis of epic is emphasized, which will contribute to the further comprehensive description of the language of the Even epic tradition; the introduction of new folklore materials collected in field conditions from different groups, archival materials; the supplementation, clarification of features of still unexplored and little-studied Even dialects.

Key words: Even language, folklore, Even epic tradition, local variants, language features of the epic

Article history: received 18.12. 2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Sharina, S.I. 2024. “Local Epic Traditions of the Evens: Linguistic Aspect.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 213–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222>

Введение

Актуальность исследования языка и устной традиции эвенского этноса обусловлена угрозой исчезновения самобытного культурного наследия народа как неотъемлемой части мирового культурного достояния. В данной связи чрезвычайно важно создание научной базы для ревитализации исчезающего языка: систематическое описание, составление различных типов словарей, документация и сбор образцов фольклора. В исследовании преследуется цель постановки проблемы изучения особенностей языка эвенского эпического текста, а также систематизации и дифференциации имеющихся образцов эпических текстов по определенным локальным группам в соответствии с ареалом распространения и диалектной принадлежностью.

Образцы эвенского фольклора стали фиксироваться исследователями с середины XVIII в. Известны рукописи Я.И. Линденау, содержащие записи эвенских фольклорных текстов, сделанные в 1742 г. [1], несколько текстов и один из образцов эпического сказания был сделан Г. Майделем во время путешествия по Восточной Сибири, которые были опубликованы А. Шифнером в 1874 г. [2]. В конце XIX в. фольклор эвенов записывал и изучал В.Г. Богораз. С 1930-х гг. записи вели учителя школ и специалисты-языковеды и этнографы — В.И. Левин, Н.П. Ткачик, А.Р. Беспаленко, К.А. Новикова. Бесспорным успехом собирательской деятельности тех лет является запись Н.П. Ткачиком трех объемных эпических текстов в с. Арка Охотского района Хабаровского края. Следующий этап в деле собирания эвенских эпических текстов знаменуется началом работы известного эвенского поэта и ученого В.Д. Лебедева, который записал в 1955 г. в Момском районе Якутии несколько эпических текстов [3]. В 1992 г. виде брошюры вышел эпический текст, записанный В.А. Роббеком в 1975 г. в с. Березовка Среднеколымского района [4]. В 1980-е — 1990-е гг. собирательскую работу начинают вести специалисты-эвеноведы Х.И. Дуткин, А.А. Данилова, А.Л. Мальчуков, В.А. Петрова и известная эвенская писательница Е.Н. Бокова.

Таким образом, сегодня в распоряжении лингвистов имеется более трех десятков изданных и неизданных записей *нимканов* — эвенских эпических сказаний. Следует заметить, что данный языковой материал весьма востребован и еще не исчерпал свои возможности как объект лингвистического изучения. Одним из важных аспектов изучения языка эпических сказаний является их явная диалектная соотношенность. Фонетические, морфологические и лексические особенности, проявляющиеся в языке эвенских эпических текстов, выступают собственно лингвистическими признаками говоров и диалектов. Актуальность изучения языка *нимканов* определяется и тем, что некоторые идиомы эвенского языка до сих пор остаются малоизученными и не имеют

системного описания. Значимым для эвенской филологии предстает вопрос отнесения имеющихся образцов эпических текстов к определенным локальным группам, выявление специфики языка *нимканов* в области фонетики, морфологии, лексики и стилистики. Остается также актуальным вопрос подготовки к публикации новых образцов текстов и хранящихся в архивах ранних материалов.

Обсуждение

Архаический эпос *нимкан* в системе фольклорных жанров эвенов по единодушному признанию исследователей эвенского языка и фольклора является самым крупным по объему и высшим результатом развития сказительской традиции по языковой художественной ценности и этнической культурной значимости. Эвенский *нимкан* традиционно исполняется сказителем *нимкаланом* в прозе, в песенной форме даются только диалоги.

Научное освоение языка эвенского фольклора началось только во второй половине XX в., когда формируется свод различных фольклорных текстов, собранный у разных групп эвенов, и появляются системные описания эвенского языка. Следует подчеркнуть, что отрывки из эпических текстов во всех изданных работах эвеноведов рассматриваются в основном как иллюстративные примеры при выявлении различных диалектных особенностей, т. е. язык фольклора неизменно рассматривается как разновидность диалектной речи. Каждый из сказителей, являясь носителем определенного говора или диалекта, естественно, исполняет произведение на основании установленных форм функционирующего языка. Диалектный характер языка эвенских сказаний очевиден.

Круг проблем, отнесенных, собственно, к языку эвенского фольклора, впервые был рассмотрен А.А. Бурькиным. Им подробно рассматривается вопрос о языке загадок и других малых жанров эвенского фольклора в специальной работе [5]. Автор выявил существенные различия между отдельными жанрами на уровне лексики и синтаксиса, рассмотрев язык сказок, исторических преданий и устных рассказов, быличек, песенных текстов, афористических жанров, обрядового фольклора [6], отдельно не выделяя при этом язык эпических сказаний, видимо, из-за малого количества изданных к тому времени текстов архаического эпоса.

В настоящее время благодаря полевой работе исследователей эвенского языка нам доступны более трёх десятков таких текстов, которые были зафиксированы у сказителей-*нимкаланов* разных групп эвенов на территории Хабаровского края и Якутии. Предварительный сравнительный анализ языковых материалов имеющихся образцов эпических текстов выявил расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков, ставших

основанием для выделения их в соответствующие группы по обнаруживаемым общим чертам на всех языковых уровнях. По ареалу распространения сказительских очагов и диалектным особенностям языка сказаний эвенскую эпическую традицию можно подразделить на несколько локальных разновидностей.

Охотская эпическая традиция — к данной группе относятся сказания, которые записал школьный учитель из с. Арка Охотского района Хабаровского края Николай Прокопьевич Ткачик в 1937–1938 гг. Он зафиксировал три крупных эпических сказания («Геакчавал», «Делгэни», «Чибдэвл») у *нимкалана* Николая Георгиевича Мокроусова [7]. Благодаря энтузиазму и скрупулезной работе Н.П. Ткачика мы имеем выполненные в совершенстве записи и перевод бесценных эпических текстов, считающихся лучшими образцами эвенского эпоса. В последующем, во время научной экспедиции в 1973 г. в Охотское побережье в с. Арка, первым эвенским учёным и поэтом В.Д. Лебедевым были записаны сказания «Чипитор» и «Хэргэки» от сказителя Павла Дмитриевича Данилова. Следует подчеркнуть, что до недавнего времени местонахождение оригинальных текстов этих двух сказаний было неизвестно и они считались утраченными, имелись только их переводы на русский язык, помещенные как монографиях Ж.К. Лебедевой [8; 9]. Благодаря воле случая недавно они появились в нашем распоряжении. По форме и содержанию, локализации и диалектной принадлежности этим текстам соответствуют аудио- и видеозаписи, сделанные сотрудниками лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета и отдела северной филологии ИГиИПМНС СО РАН у Алексея Сергеевича Чирикова (1942 г.р.), жителя с. Арка, в 2022–2023 гг. [ПМ].

На уровне фонетики этим текстам свойственны следующие диалектные черты: употребление в середине и конце слова переднеязычного щелевого глухого согласного [с] (*кусчидэй* `воевать`, *төттэс* `насквозь`, *эсэм долдара* `не слышу`); сочетание согласных *ЛЛ*, *НН* вместо *ЛР*, *НР* (*олло* `рыба`, *нанна* `шкура`). На уровне морфологии, в отличие от западных говоров, отмечается использование эксклюзивного личного местоимения *бу* `мы (без вас),` при склонении местоимения 3-го л. мн. ч. после падежных показателей, оканчивающихся на гласный, прибавляется суффикс *-тни* (*нонарбатни* `их`, *нонардутни* `им`, *нонардитни* `ими`) вместо *-тан* и др. Лексический состав *нимкаланов*, относящихся к охотской традиции, характеризуется наличием большого количества специальной лексики: оригинальных имён эпических персонажей, которые заключают в себе особую смысловую значимость и своеобразных заповедных слов, присущих каждому отдельному герою [10]; выразительных языковых средств и особых эпитетов при характеристике действующих лиц и окружающего мира (например: *матакан* `богатырище`, *имандамдас нёбати*

‘белоснежный’); специфической фольклорной лексики, не используемой в повседневности (например: *дэсат* ‘несчастье, горе’, *нерми* ‘густая стройная лиственница, на которую герои в эпосе вешают свои доспехи’), в эпосе приводятся сакральные знания по духовной и материальной культуре эвенов, общественные нормы этноса и др. Исходя из представленных наблюдений следует подчеркнуть, что язык локальной охотской эпической традиции, являясь благодатным материалом для изучения, все еще остается малоизученной сферой и её загадки не разгаданы.

Второй очаг сказительской традиции – момский. Данная зона находится в районе реки Индигирка в Момском районе Якутии. Открытие и описание этой зоны сказительства всецело принадлежит В.Д. Лебедеву. Впервые им были записаны три текста («Мэңун», «Нөлтэк», «Өмэн этикэн бичэ атикаҕалкан») в 1955 г. от известного сказителя Павла Семеновича Атласова. Несколько позднее, в 1963 г., в Момском районе корреспондентом В.Д. Лебедевым были зафиксированы несколько сказаний от *нимкалана* Матвея Христофоровича Неустроева². Это образцы эпических текстов «Хөрэк атикан хутэн» «Өмчэни» «Итмичан», «Чимчэвульды» и «Чимчэвульчэн», рукописи которых еще не обработаны и не публиковались.

Материалы, собранные В.Д. Лебедевым, составляют золотой фонд эвенского фольклора, являются эталонными образцами и по уровню мастерства сказителей, и по качеству обработки материала исследователем. К сожалению, сегодня нам недоступна львиная доля оригинальных текстов, собранных В.Д. Лебедевым у охотских и момских эвенов (по некоторым данным, им и Ж.К. Лебедевой было собрано около 40 эпических текстов). Мы имеем только варианты изданных текстов на русском и якутском языках [8; 11]. Эвенские оригиналы по настоящее время не обнаружены и считаются утраченными.

При этом представляют большой интерес и диалектные черты языка текстов *нимканов*, собранных в Момском районе, так как в данном регионе отмечается функционирование двух территориальных языковых идиомов, закономерно относящихся к разным наречиям: догдо-чыбагалахский говор (западное наречие) и улахан-чистайский говор (среднее наречие). В языке момских *нимканов* также чётко проявляется национальная специфика древней культуры, в самобытных эпических полотнах представлены определенные метафоры, гиперболические сравнения.

Следующий регион бытования эвенского эпоса — Среднеколымский район Якутии. Колымскую эпическую традицию демонстрируют сказание «Нөлтэк» *нимкалана* Евдокии Иннокентьевны Тайшиной, записанное в 1975 г.

² *Лебедев В.Д.* Материалы диалектологической экспедиции по говору эвенов Верхоянского района: отчет и языковые материалы, 1961 г. // Рукописный отдел ИГиПИМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 56, 57.

В.А. Роббеком, и *нимканы*, зафиксированные от Анны Ивановны Хабаровской («Нивриню», «Нююе, Илик» «Өинде, Мэтэчэ») [ПМ]. Язык приведенных сказаний также представляет интерес с точки зрения диалектологии, так как в с. Березовка Среднеколымского района распространены несколько подговоров, имеющих существенные различия на фонетическом уровне: «секанье» и «шеканье», фарингализация и глоттализация гласных, наличие аллофонных варьирований в консонантной системе. Язык колымской эпической традиции характеризуется использованием архаизмов, специфической фольклорной лексики.

Локальная оймьяконско-томпонская традиция представлена нимканом «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ», зафиксированным А.А. Даниловой от жителя Оймьяконского района Егора Андреевича Данилова [12], и записанными в разное время текстами Дарии Михайловны Осениной (1937 г.р.), жительницы Томпонского района Якутии. Это сказания «Илан бэй», «Надан кидак», «Туннjan асаткар» [13]; неопубликованные сказания «Өмэн асаткан нян ноңан нөңилни» «Дыгэн асаткан дюгулин» «Өмчэк», «Уюрдэ» [ПМ]). В лингвистическом аспекте языковой материал приведенных сказаний является богатой областью приложения активных исследовательских усилий диалектологов, так как оймьяконский и усть-майский говоры эвенского языка относятся еще к неисследованным языковым идиомам с присущими им специфическими чертами. Эпические тексты данной группы характеризуются употреблением якутизмов, что объясняется активной коммуникативной практикой сказителей на якутском языке и наличием заимствованной лексики в диалектном континууме. Априорно в аудио- и видеозаписях отмечается наличие своеобразной лексики, фразеологизмов, не фиксировавшихся в лексикографических работах.

В северную локальную эпическую традицию интегрированы образцы из разных географических районов, принадлежащие к аллаиховскому и усть-янскому говорам, обнаруживающим много общих черт на всех уровнях языка. К северной локальной эпической традиции можно отнести следующие *нимканы*: записанный в местности Хули Дюн Силяннихского наслега Усть-Янского района в 1961 г. В.Д. Лебедевым от 40-летнего Иннокентия Степановича Слепцова, эвена рода кукуюн, текст «Өмчэни»³, который еще не введен в научный оборот, и *нимкан* «Умчэгин», зафиксированный от 51-летнего Иннокентия Васильевича Едукина в 1977 г. в Аллаиховском районе Якутии Х.И. Дуткиным [14]. Примечательно, что данное сказание до сих пор передается из уст в уста сказителями более младшего поколения. В нашем распоряжении

³ Лебедев В.Д. Материалы диалектологической экспедиции по говору эвенов Верхоянского района: отчет и языковые материалы, 1961 г. // Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 56, 57.

имеется запись варианта нимкана «Умчэгин» 2015 г. от Максима Ильича Дуткина (1968 г.р.) [ПМ]. Приведенные тексты также могут оцениваться как выигрышный материал для диалектологических исследований не имеющего системного описания усть-янского говора, для сравнения диалектного языка середины прошлого столетия с современным и др. Следует подчеркнуть, что данные языковые идиомы (аллаиховский и усть-янский говоры), относящиеся к западному наречию эвенского языка, характеризуются наличием своеобразных заимствований — якутизмов и юкагиризмов.

Заключение

Архаический эпос — самый крупный жанр эвенского фольклора — вобрал в себя ценные знания о жизни народа, его мировоззрении и традиционной культуре, в нем представлено богатство языка, его изобразительные возможности. Рассмотрение очагов эвенской эпической традиции позволило вывить пять локальных вариантов: охотская эпическая традиция, момская, колымская, оймьяконско-томпонская и северная. Из них только охотская базируется на территории Хабаровского края, остальные четыре фиксировались в разных районах Якутии. В языковом отношении локальные варианты эпической традиции относятся ко всем трём крупным группировкам языковых идиом эвенского языка: восточному наречию (колымская), среднему (охотская) и западному (момская, оймьяконско-томпонская, северная).

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что на современном этапе развития эвенского языкознания локальные варианты *нимкана* представляют собой большой научный интерес как объект специального лингвистического исследования диалектного ландшафта, так как в текстах сохраняется специфика идиом на всех уровнях языка. Предварительно можно заметить, что отмечаются определенные лексемы, встречающиеся только в данных текстах, в эпических образцах наблюдается воспроизведение относительно устойчивого текста, формы с элементами стереотипности и т.д. Специфические черты языка эвенского эпоса могут быть предметом исследований и в лингвофольклористическом аспекте. Несомненно, эвенские *нимканы* заслуживают внимания и с точки зрения текстологии, типологических, лингвокультурологических, мифологических, семиотических, исследований, перспективны они и для изучения в ракурсе исторических наук, культурологии, этнографии.

Список сокращений

ПМ — полевые материалы отдела северной филологии ИГиИПМНС СО РАН, собранные в местах компактного проживания эвенов в районах Якутии, Хабаровском крае с 2012 по 2023 г.

Список литературы

1. *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Магадан: Магаданское книжное издательство, 1983.
2. Schiefner A. Tungusische Miscellen // Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg 20. 1874. Vol. 2. P. 247–257. Melanges asiatiques 7. 1873/76. S. 378–394.
3. *Лебедев В.Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.
4. *Тайшина Е.И., Роббек В.А.* Нёлтэк. — Нёлтэк. (На русском и эвенском языках). Якутск: Розовая чайка, 1992.
5. *Бурыкин А.А.* Малые жанры эвенского фольклора. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001.
6. *Бурыкин А.А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические проблемы (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
7. Эпос охотских эвенов. В записях Н.П. Ткачика. Якутск: НИИЯЛИ, 1986.
8. *Лебедева Ж.К.* Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981.
9. *Лебедева Ж.К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, 1982.
10. *Варламова Г.И., Саввинова С.Н., Нестерова Е.В.* Имена собственные персонажей эвенского эпоса: словарь-указатель. Новосибирск: Наука, 2019.
11. Эвен фольклора / сост. Ж.К. Лебедева. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981.
12. *Данилов Е.А.* Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. Якутск: Розовая чайка, 1991.
13. *Осенина Д.М.* Эвэн нимкарни. Эвенские нимканы Дарьи Михайловны Осениной. Германия, 2013.
14. *Дуткин Х.И.* Умчэгин (эвенская сказка) // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 103–117.

References

1. Lindenau, Ya.I. 1983. Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century). Magadan: Magadan Book Publishing House. Print. (In Russ.)
2. Schiefner, A. 1874. "Tungusian miscellaneous." Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. Melanges asiatiques (In Germ.).
3. Lebedev, V.D. 1978. Language of the Evens of Yakutia. Leningrad: Nauka publ. Print. (In Russ.)
4. Taishina, E.I., and V.A. Robbek. 1992. Neltek. Yakutsk: Pink Seagull publ. Print. (In Even. In Russ.)
5. Burykin, A.A. 2001. Small genres of Even folklore. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies publ. Print. (In Russ.)
6. Burykin, A.A. 2004. "The language of a small people in its written form." In Sociolinguistic and linguistic problems proper (based on the material of the Even language). St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies publ. Print. (In Russ.)
7. "Epic of the Okhotsk Evens." 1986. In The notes of N.P. Tkachik. Yakutsk: NIYALI publ. Print. (In Even. In Russ.)
8. Lebedeva, Zh.K. 1981. Archaic epic of the Evens. Novosibirsk: Nauka publ. Print. (In Russ.)
9. Lebedeva, Zh.K. 1982. Epic monuments of the peoples of the Far North. Novosibirsk: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Varlamova, G.I., Savvinova, S.N., and E.V. Nesterova. 2019. Proper names of the characters of the Even epic: dictionary-index. Novosibirsk: Nauka publ. Print. (In Russ.)

11. Even folklore. 1981. Composed by Lebedeva Zh.K. Yakutsk: Yakut book publ. Print. (In Yakut).
12. Danilov, E.A. 1991. Irkenmel, Oyinde, Matele. Yakutsk: Pink Seagull publ. Print. (In Even. In Russ.).
13. Osenina, D.M. 2013. Even nimkans of Daria Mikhailovna Osenina. Germany. Print. (In Even. In Russ.).
14. Dutkin, H.I. 1980. “Umchegin (Even fairy tale).” In Questions of language and folklore of the peoples of the North. Yakutsk. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Шарина Сардана Ивановна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. eLibrary SPIN-код 7750-4772; ORCID 0000-0002-7536-2757; E-mail: sarshar@mail.ru

Bio note:

Sardana I. Sharina is a Candidate of Sciences (In Philology), Leading Researcher, Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch. eLibrary SPIN-код 7750-4772; ORCID 0000-0002-7536-2757; E-mail: sarshar@mail.ru.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-223-236

EDN: OGMDWI

Научная статья / Research article

Картина мира северян в очерке «Путевые заметки (Из жизни Жиганского улуса)» А.И. Софронова-Алампа

В.Г. Семенова^{ORCID}, О.А. Мельничук^{ORCID}✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Российская Федерация, 677000, Якутск, ул. Беллинского, д. 58

✉ oa.melnichuk@s-vfu.ru

Аннотация. Рассматривается картина мира северян, отраженная в художественном очерке основоположника якутской литературы А.И. Софронова-Алампа «Путевые заметки (Из жизни Жиганского улуса)». Представлено изучение и осмысление традиций, этических представлений и ментальных особенностей северных этносов, отраженных в произведении якутского писателя. Основным источником исследования стало вышеназванное произведение, вспомогательным материалом послужили архивные документы из фондов Рукописного отдела ИГиИПМНС СО РАН, а также работы известных ученых-североведов. Используются историко-типологический, культурно-исторический и описательный методы исследования. На основе проведенного анализа определено, что Анемподист Софронов талантливо и достоверно воспроизвел жизненные реалии северных народов, проживающих в неимоверно тяжелых климатических и социальных условиях Севера. Автор детально описывает этнографические реалии, религиозные воззрения, традиции тунгусов. При этом как представитель «цивилизованного» мира писатель постоянно сравнивает быт кочевников с устройством жизни якутов. Отличительными чертами менталитета северян называет гостеприимство, толерантность, стремление к бесконфликтности, доверчивость, взаимовыручку, выносливость, уважительное отношение к старшим.

Ключевые слова: А.И. Софронов, путевые заметки, тунгусы, традиции, менталитет, этническая психология, толерантность, оптимизм

История статьи: поступила в редакцию 04.11.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

© Семенова В.Г., Мельничук О.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Семенова В.Г., Мельничук О.А. Картина мира северян в очерке «Путевые заметки (Из жизни Жиганского улуса)» А.И. Софронова-Алампа // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 223–236. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-223-236>

Northerners' World Image in the Essay Travel Notes (Life in Zhigansky District) by A.I. Sofronov-Alampa

Valentina G. Semenova^{ORCID}, Olga A. Melnichuk^{ORCID}✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58 Belinskogo St, Yakutsk, 677000, Russian Federation
✉ oa.melnichuk@s-vfu.ru

Abstract. The article examines the northerners' world image as it is reflected in the artistic essay by Yakut literature founder A.I. Sofronov-Alampa, Travel notes (life in Zhigansky District). The significance of the study is highlighted by the fact that 2024 marks the 100th anniversary of the first work in Yakut literature that was dedicated to the daily life of the northern peoples. The purpose of this research is to study and comprehend the traditions, ethical beliefs, and mental characteristics of northern ethnic groups, as they are reflected in the work of A.I. Sofronov-Alampa. His essay became the primary material for the research, while supplementary materials included archival documents from the collections of the Manuscript Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as works by prominent northern ethnographers. The research uses historical-typological, cultural-historical, and descriptive research methods. The analysis shows that A.I. Sofronov-Alampa reproduced with talent and reliability life realities of the northern peoples living in the incredibly difficult climatic and social conditions of the North. The author describes in detail the ethnographic realities, religious views, and traditions of the Tungus. At the same time, as a representative of the “civilized” world, the writer constantly compares the life of nomads with the way of life of the Yakuts. He identifies such distinctive features of the northern mentality as hospitality, tolerance, conflict avoidance, trust, mutual assistance, endurance, and respect for elders.

Key words: A.I. Sofronov, travel notes, Tungus, traditions, mentality, ethnic psychology, tolerance, optimism

Article history: received 04.11.2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Semenova, V.G., and O.A. Melnichuk. 2024. “Northerners' World Image in the Essay Travel Notes (Life in Zhigansky District) by A.I. Sofronov-Alampa.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 223–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-223-236>

Введение

В 2024 г. исполняется 100 лет произведению основоположника якутской литературы Анемподиста Ивановича Софронова-Алампа «Путевые заметки (Из жизни Жиганского улуса)». Писатель широко известен в республике не только как первый драматург, прозаик, зачинатель национальной лирики, но и как крупный общественно-культурный деятель, основоположник нацио-

нальной печати, драматического театра. С 13 апреля по 29 июня 1924 г. А. Софронов вместе с двоюродным братом П.В. Слепцовым, уполномоченным по Булунскому району от наркомата труда и промышленности республики, известным исследователем Севера, этнографом, фольклористом, совершили трехмесячную научно-исследовательскую поездку в отдаленные стойбища Жиганского района (ныне охватывающего наслеги Булунского, Жиганского и Оленекского улусов). П.В. Слепцов изучал этнографическую сторону жизни тунгусов: делал наброски предметов домашнего и охотничьего обихода, узоров одежды северных народностей, записывал фольклорные материалы, которые ныне хранятся в Рукописном фонде ИГиИПМНС СО РАН [1]. А. Софронов по окончании поездки по результатам своих наблюдений написал произведение — первый в истории якутской литературы художественный очерк, подробно и достоверно раскрывающий быт, традиции и обычаи северных народов [2]. Несмотря на высокую художественную ценность и уникальность, очерк не знаком широкому кругу читателей, так как издавался лишь дважды в составе избранных произведений писателя в 1965 и 2005 гг.

В литературном наследстве писателя «Путевые заметки» являются единственным произведением, написанным в жанре очерка. Как известно, в очерке большое значение имеют фактологическая основа, достоверность и документальность. В связи с этим некоторые литературоведы не считают очерк жанром литературы, другие относят его к внеродовым формам. По мнению В.Е. Хализева, «в очерках событийные ряды и собственно повествование организующей роли не играют, доминируют описания, нередко сопровождающиеся рассуждениями» [3. С. 317]. Л.И. Тимофеев считает очерк особой формой художественно-исторического жанра, где вымысел имеет меньшее значение: «Отбор фактов, наблюдений есть вообще первооснова писательского творческого процесса. Отбирая из всей совокупности фактов, многосторонне связанных с жизнью, лишь одно-два типичных события, писатель вынужден придать их изображению законченный, завершённый характер, додумывая ряд деталей, мотивировок. Если при этом автор не отрывается от документальной основы фактов, его произведение продолжает оставаться художественным очерком» [4. С. 385].

Многие литературоведы помимо документальности, воспроизведения реальных фактов второй особенностью очерка как жанра литературы считают типизацию. Несмотря на то, что в очерках повествуется о реальных фактах, событиях и лицах, общие законы художественного творчества в них сохраняются [5. С. 233], в частности, представление типических черт и «индивидуализация в изображении персонажей» [6. С. 280].

Можно утверждать, что «Путевые заметки» А. Софронова являются классическим образцом очеркового жанра. Во-первых, в произведении на широком фактологическом материале описывается путешествие писателя в отдаленные

наслеги Жиганского улуса. Писатель точно описывает время в пути, названия поселений, имена жителей и проводников. А. Софронов впервые совершил путешествие на оленьих и собачьих упряжках, преодолев расстояние 650–700 километров с ночёвками в условиях суровых морозов под открытым небом. Этот сложный опыт позволил писателю лучше понять быт и нравы северных народов, что в дальнейшем нашло отражение в его творчестве.

Во-вторых, в своём произведении якутский писатель особое внимание уделяет характерам и типам представителей северных народов: охотникам, проводникам, старикам, женщинам и детям, через образы которых даёт характеристику мира кочевников, обитающих в суровых климатических и социальных условиях. Также очерк отличается пристальным вниманием к фактам и глубоко личным, авторским взглядом на образ жизни этих народов.

Обсуждение

Картина мира северян

Во время длительной поездки путешественники останавливаются в разных стойбищах, где исследователь собирает этнографический и фольклорный материал, а писатель расспрашивает людей, записывает впечатления. В местности Тээн путешественники знакомятся со стариком Учucasом, более состоятельным, чем другие сородичи. По рассказу Учucasа, жиганские тунгусы не занимаются традиционными видами хозяйствования: оленеводством, рыболовством, сенокосом, хлебопашеством. Каждая семья имеет по несколько ездовых оленей, с помощью которых перемещаются с места на место в поисках благоприятных пастбищ и вслед за дикими оленями, на которых охотятся. Во время осенней миграции диких оленей население охотится с копьем, ожидая их на речных переправах. После удачной охоты мясом запасаются на зиму, а из шкуры шьют одежду для себя и продажи. Жители тундренной местности жалуются гостям, что дров для топки печей нет и приходится идти далеко к реке и оттуда собирать валежник. Зимой во время полярной ночи, когда солнце не выходит три месяца, тунгусы, скованные холодом, безвылазно сидят в тесной и невысокой урасе. Как рассказывают тунгусы, находиться весь день в низком и тесном чуме неудобно: человеку одновременно спереди жарко от сильного огня железной печки и холодно спине, которая мерзнет от задуваемого со стены ветра. Писатель отмечает, что тунгусы не запасливы и мало заботятся о завтрашнем дне. Когда ветрено или нет добычи на охоте, кочевники могут голодать в течение нескольких дней и бывали случаи, когда им приходилось забивать ездовых оленей. Некоторые мужчины могут работать по найму по перевозке товаров у местных купцов, а другие, более сноровистые, устраиваются проводниками. Во время путешествия по тундре жители заполярных стойбищ Отец Барбаса, Отец Кэтирир стараются помочь

героям: предупреждают о трудностях, учат пользоваться снаряжением для собачьих упряжек.

Руководит хозяйственной жизнью наслег князь, главной заботой которого является распределение нищих (кумаланов) по стойбищам. В объединённых хозяйствах, состоящих из нескольких семей, охотничьим промыслом занимаются всего один-два человека, которые и снабжают всех олениной. Учукас рассказывает, что поголовье диких оленей уменьшается, а они ежегодно должны содержать семьи бедняков до начала лета. Недавно князь распорядился, чтобы отправили к нему на содержание семью из шести человек, а сыну Хабырысу — двух человек, которые не имеют за душой ничего: ни чая, ни табака, ни ездовых оленей, которых давно употребили в пищу. Старик отмечает, что эти семьи обнищали, потому что их мужчины не имеют снаряжения и необходимых навыков для охоты. Писатель отмечает, что у северных людей чувство родовой сплоченности и родового коллективизма в крови, и они всегда готовы помочь всем обездоленным, попавшим в беду.

А. Софронов как представитель «цивилизованного» мира постоянно сравнивает быт кочевников с устройством жизни оседлых якутов. Особенно поразил писателя дом в стойбище Кэкэ, весь заваленный снегом: чтобы добраться до дома, нужно было ползти на животе по узкому лазу, выкопанному в снегу. Алампа размышляет о судьбе северных народов: «Бывают ли в таких тесных и темных домах, где живёт по несколько семей, радость и счастье? Разве можно радоваться и мечтать, живя в таких сложных условиях? Но если познакомиться, узнать их поближе, то они точно так же, как и мы, живут в радости и печали и думают, что живут не хуже других, хотя проводят всю свою жизнь в борьбе со стихией» [2. С. 264] (здесь и далее перевод наш. — *Авт.*). Друг писателя П.В. Слепцов восклицает: «Невозможно поверить, как могут люди жить в таких тесных землянках и в таких неимоверно тяжелых условиях. Никто о них не думает и не жалеет, живущих только ради жизни на земле» [1. С. 265]. Таким образом, в своем произведении Софронов ярко отразил такие социальные проблемы того времени, как бедность, безработица, нищета и т.д. Исследователь Ф.Б. Юнусова одним из отличительных жанровых признаков очерка считает присутствие авторской идеи, авторского видения объекта художественного исследования [7. С. 16]. В связи с этим нужно отметить, что в очерке Софронова четко отражается его индивидуально-авторское видение мира кочевников: он постоянно испытывает сострадание, жалость к обездоленным и восхищается их силой духа.

Помимо повествования о событиях во время путешествия писатель раскрывает красоту природы Севера, описывая горы при помощи эмоционально окрашенных слов и метких сравнений: «Остановились на вершине скалистых гор. Снизу вид был такой, будто мы отошли от срединного мира и попали в верхний мир. В пространстве, воспринимаемом глазом человека, все пусто,

никакой растительности. Пошли на край белоснежно-чистой долины. Здесь будто воздух и ветер стали совсем другими. Видны были лишь белые вершины гор, будто вскочившие с края неба облака в летний зной» [2. С. 257]. В пейзажных зарисовках проявляется своеобразие прозы поэта: лирические эпитеты, эмоционально окрашенные сравнения. Ярко выраженная образность, доминирующее лирическое начало подчеркивают причастность очерка Софронова к художественной литературе.

Мировоззрение и традиции

В «Путевых заметках» автор не только подробно описывает этнографические реалии и повседневную жизнь тунгусов, но и обращает внимание на их традиции, верования и мировоззрение.

Автор отмечает, что в начале XX в. из-за тесных культурных и языковых контактов с якутским народом некоторые тунгусские племена перестали использовать родной язык и стали общаться между собой на якутском языке. В то же время с начала XVIII в. с присоединением Якутии к христианской цивилизации православные традиции постепенно стали неразрывной частью повседневной жизни инородцев. Таким образом, тунгусская культура оказалась под сильным влиянием двух культурных ареалов: русского и якутского. По Софронову, в каждой семье имеются иконы, которые помещаются в ящик или в ровдужный мешочек и подвешиваются к верхней балке юрты. Писатель отмечает, что, хотя тунгусы формально относятся к христианам и по документам считаются жиганскими якутами, они не утратили этническую самобытность и строго соблюдают свои обычаи и традиции.

Известный исследователь литератур народов Севера А.В. Пошатаева, говоря об этапах эволюции общественного сознания и ступенях развития духовной культуры народов Севера от языческих культов, связанных с оживотворением среды обитания, отмечает, что «осознание материнства природных сил стало основой психологии и морали этого общества, его мировоззрением» [8. С. 133]. Действительно, кочевой образ жизни и сильная зависимость от климатических условий заставили северян почувствовать себя частью природы и относиться к ней как к живому существу. Тунгусы понимают, что человек может выжить в суровых условиях Севера, если он будет жить в гармонии с природой.

Одним из проявлений анимизма у тунгусов также является почитание огня и его духа. Как отмечает А.С. Жулева, «огонь и его дух, по эвенкийским мифам, являются сакральными. Огонь оказывал человеку значительную поддержку, как в жилище, так и на промысле, предупреждал треском горящих дров, вспышек от пламени, угольками о приезде гостей, о важных событиях» [9. С. 235]. Софронов отмечает, что тунгусы с большим почитанием относятся

к духу огня, называя его «дедом». Оскверненную одежду они очищают с помощью огня. Вошедший в юрту должен сначала поздороваться со всеми и только затем пройти перед очагом, что выражает уважение к хозяину и его дому. Писатель восторгается гостеприимством, удивляется искренней добротой, радушию хозяев, но вместе с тем жалеет за излишнюю расточительность: «Тунгусы очень любят хлеб, сухари и булочки. Когда им изредка удаётся покупать или брать в долг выпечку, то у них это добро долго не залёживается. Они не только сами употребляют неэкономно, но и любят угощать всех подряд и потому в скором времени переходят к привычному для них блюду — чаю с мясом. Гостеприимство их очень сильно подводит. Всех, кто заходит в юрту, хозяева должны угостить, и никто не должен выходить из дома голодным, и потому никакое хозяйство долго не выдерживает такого отношения» [2. С. 260]. Указанное не означает, что автор критикует гостеприимство тунгусов, он скорее выражает сожаление о том, что такая традиция может создавать некоторые проблемы для хозяев.

А. Софронов с интересом описывает традиционное питание тунгусов. Основой питания жиганских кочевников является оленьё мясо. Автор также отмечает, что лакомством для северных народов является выпечка, а любимым напитком — чай. Как отмечает исследователь пищи тунгусов Н. Попов, тунгусы пьют чай в огромном количестве: «После длинного перехода в течение дня, тунгусы выпивают по десятку и больше чашек. Чай обязательно предшествует всякому угощению. Пришедшему гостю всегда предлагают чай, прежде чем подать оленьё мясо или рыбу» [10. С. 33]. По этикету тунгусов, хозяева должны угостить всех, кто зашел в их дом.

Согласно Н. Попову, оленьё мясо играет «исключительно выдающуюся» роль в питании тунгусов [10. С. 4–5]. В своем произведении Софронов подробно описывает разделку и прием пищи из оленьего мяса. Автор восхищается ловкими движениями хозяйки чума Марии, искусно разделяющей мясо на специальной оленьей шкуре. После обильного и вкусного угощения старик Учукас, вытирая лицо и руки шелковистыми стружками тальника, который он использует вместо платка, говорит гостям: «Вот так и живем-питаемся. Если у нас есть что кушать на вечер, на остальное мы не обращаем внимание» [2. С. 255].

Одним из основных принципов этики тунгусов является помощь и защита слабых, уязвимых членов общества. На Севере взаимопомощь, чувство коллективизма решают многое. В жителях Крайнего Севера, проживающих в неимоверно бедной обстановке, автор обнаруживает высокую культуру, уважительное отношение к другим этносам. Проводники всегда предупреждают путников об опасностях и проявляют заботу и внимание во время путешествий. Отец Кэтирир говорит автору: «У нас есть привычка предупреждать об опасности и возможных трудностях в пути. Путники могут быть не готовы

к сложным условиям и необходимо их предупредить заранее. Обычно мы прибавляем одну версту к указанному расстоянию, чтобы путники не думали, что до места назначения осталось недалеко, и были готовы к длительному путешествию» [2. С. 262]. Автор подчеркивает, что человек может выжить в экстремальных условиях Крайнего Севера только тогда, когда он неукоснительно соблюдает законы предков.

Семейный уклад тунгусов

А. Софронов с тщательностью ученого широко и скрупулезно исследует семейно-родственные отношения тунгусов. Приходя в гости в разные семьи, он внимательно наблюдает за образом жизни северян. Согласно традиционному разделению труда, мужчины занимаются выпасом оленей, охотой, а женщины занимаются домашним хозяйством. Автор с большим состраданием описывает положение женщины-тунгуски, на плечи которой ложится основная часть забот о домашнем хозяйстве, начиная от заготовки дров до доставки воды. Женщины самостоятельно устанавливают юрты при переездах на новое место, при этом никогда не просят мужчин о помощи. В дополнение к домашним делам они обрабатывают оленьи шкуры и шьют из неё рукавицы, куртки и шапки, которые часто используются мужчинами в качестве средств обмена. Автор отмечает, что женщина никогда не спорит со своим мужем, беспрекословно подчиняется и слушается его, возможно, из уважения или страха. Мужчина в тунгусской семье выступает в роли добытчика, обеспечивающего ее материальное благополучие, и потому его авторитет огромен.

Тунгусы с большим уважением относятся к старшим по возрасту, прислушиваются к их мнению: «Старшинами, главами родов всегда являются старики, их очень уважают, всегда обращаются ласково: „эһээ“ (дедушка) и „эбээ“ (бабушка)» [2. С. 250]. Взрослые дети по мере возможностей стараются обеспечить старикам хороший уход, создать комфортные условия жизни. Главе рода Учугасу 60 лет, и он является крепким стариком, который всё ещё обладает достаточной силой и энергией, чтобы самому добывать пропитание, но он думает иначе: «Зачем мне охотиться? У меня нет такого желания. Если бы я хотел, не отставал бы от молодых. Я воспитывал их с малых лет и теперь должен жить без забот, на их обеспечении» [2. С. 250]. Он иногда ругает своих взрослых сыновей и жалуется гостю, что дети обижаются на него: «Я учу их жизни, а они говорят, что я „читаю им псалтырь“». В образе старика Учугаса выступают обобщённые, типические свойства тунгусских стариков, главная цель которых — сохранить свой род, культуру, нравственные ценности и передать традиции следующему поколению. Они понимают, что уже прожили свою жизнь, но хотят быть уверены в том, что их знания и опыт не будут утеряны после их смерти.

Как отмечает автор, у северных народов большое значение придается многодетности и преемственности поколений. Рождение первого ребенка в семье считается важным событием, знаменующим новый этап в жизни его родителей. С появлением первенца окружающие начинают нарекать их по имени первенца и постепенно забывают прежние имена. Так, соседа старика Учускаса, главу многодетной семьи, когда-то звали Николаем, но теперь к нему и его супруге все обращаются по имени их старшего сына — Отец и Мать Сунгара. В тексте упоминаются и другие персонажи — Отец Барбаса и Отец Кэтирир. Данный факт свидетельствует о большом значении детей в тунгусских семьях.

С раннего возраста тунгусские дети приобщаются к труду и принимают участие в хозяйственных делах семьи, становятся первыми помощниками матери в установке юрты, заготовке дров. В солнечные дни проводят время в подвижных играх и развлечениях: катаются с высокого холма, играют в мяч, сшитый из ровдуги. Девочки играют в «семью», строят маленькие юрты и разводят костер, мальчики бросают аркан на оленей и соревнуются в ловкости и сноровке. Подражая в играх трудовой деятельности родителей, дети развивают необходимые навыки, учатся быть самостоятельными и ответственными, готовясь к взрослой жизни и продолжению семейных традиций.

Как известно, у северных народов сильно чувство принадлежности к своему роду и родной земле и, несмотря на все трудности и испытания, которые выпадают на их долю, они чувствуют себя счастливыми, умеют радоваться тому, что имеют, и беззаветно любят свой край. Сначала автор предполагает, что они счастливы, поскольку не знают другой жизни, лучшей доли. Однако после изучения их характеров, образа жизни писатель приходит к выводу, что счастье этих народов заключается в самой жизни, в борьбе за выживание и в преодолении трудностей.

Произведение Софронова, относящееся к литературе «путешествий» и широко представляющее быт, традиции, семейный уклад тунгусов, несомненно является этнографическим очерком. Но по силе изображения характеров, нравов и психологии местных жителей произведение можно назвать этнопсихологическим очерком. Очерк Алампа сочетает в себе научно-познавательный и эмоциональный аспекты, позволяя читателю погрузиться в мир северных народов: широко изображается внутренний мир, менталитет северянина, описываются их отношения между собой, чувства, эмоции.

Психологизм в произведении

А. Софронов — первый якутский писатель, который ввёл в национальную литературу принцип психологического описания и анализа характера, что нашло отражение и в данном очерке. А.Б. Есин отмечает такие особенности

психологизма в литературных произведениях, как особое изображение при помощи собственно художественных средств внутреннего мира человека, глубину «проникновения писателя в душевный мир героя, способность подробно описывать различные психологические состояния и процессы (чувства, мысли, желания и т.п.), подмечать нюансы переживаний» [11. С. 313].

В своем произведении писатель помимо описания жизни и быта северных народов стремится раскрыть их психологию и нравы. Мир тунгусов-кочевников автор описывает глазами наблюдателя и сравнивает его с укладом жизни и ментальными особенностями якутов. По Софронову, тунгусы всегда соблюдают субординацию, уважительно относятся к старшим по возрасту, должностным лицам, толерантны к представителям других этнических общностей. Одной из отличительных черт менталитета, особенностью культуры общения северян называется стремление к бесконфликтности и сохранению гармонии в отношениях: «У них есть привычка всегда соглашаться с собеседником, подтверждая их слова возгласами „ээк“ (да), „соннук“ (точно), „дэ, ити сөп“ (да, это правда), хотя внутри могут думать иначе. Они никогда никому слова поперек не скажут. Помимо этого, слишком доверчивы, наивны и чисты. <...> Если узнавать их поближе, то каждый из них имеет свое мнение, но они никогда не перечат другому человеку и не отстаивают свою правду» [2].

Одной из черт характера тунгусов Алампа считает привычку прибедняться: «Местные жители при первой встрече всегда жалуются на своё положение, хотя это может и не соответствовать действительности. Они никогда не рассказывают о том, что имеют. Но иногда, не устояв просьбам осведомленных людей, могут уступить какую-либо ценную вещь. После могут хвалить настойчивость просителей, высказывая своё одобрение словами: „Ох, какой молодец“» [2. С. 260]. Возможно, что такой подход позволяет избежать проблем в общении и сохранять гармонию в отношениях. Автор верно подмечает, что стремление к мирному сосуществованию является одной из ключевых особенностей менталитета тунгусов и способствует выживанию этноса в экстремальных условиях Севера.

Ещё одним достоинством национального менталитета писатель считает позитивное мышление. Здесь Алампа сравнивает восприятие жизни у кочевников и представителей цивилизованного мира, используя прием противопоставления «мы/они»: «Нет ни одного печального лица среди танцующих сээдэ. Все радуются, их лица чисты, как ясное небо. Если сегодня сыты, то они безмерно счастливы. Они не печалются как мы, не думают о недостатках жизни. Абсолютно другие люди, в отличие от нас. Вся их надежда и богатство — это живность, обитающая в бесконечных горах, их жизнь зависит только от воли Божьей. Незнакомец мог бы подумать, что эти веселые, радостные люди не имеют никаких забот, не знают горя и печали. Но если два-три

дня подряд подует сильный ветер, то они все будут голодать. Но **они** от этого не будут страдать, как **мы**, а просто воскликнут: «О, какая пурга лишила нас еды!» — и будут спокойно допивать свой чай. А когда добудут дичь после двух-трех суток голодания, они снова будут безмерно счастливы (выделение наше. — *Авт.*)» [2. С. 259]. Писатель удивляется, что здесь голод и холод воспринимаются как обычное явление. Тунгусы легко относятся к трудностям, жизненным испытаниям, не держат обиды, быстро забывают плохое и не тревожатся по пустякам. Они наслаждаются каждым моментом жизни и радуются малым вещам. Алампа называет тунгусов счастливыми людьми, потому что они не знают другой жизни: «Пусть они привыкли к трудностям, но страшно думать, что они всю жизнь будут жить в таких невероятно тяжелых условиях. Бедные, живя в таких условиях, на что они могут надеяться и ожидать от жизни лучшей доли. Но **они** не страдают, не печалются, как **мы**, из-за пустяков, и в этом заключается их счастье. И потому они говорят так спокойно, что привыкли к такой участи» [2. С. 259]. Автор постепенно приходит к выводу, что северяне по-настоящему счастливы – они беззаветно любят свой край и принимают свою жизнь такой, какая она есть.

Характер, психологическое состояние персонажей раскрываются у Алампа также через портретные и словесные детали. Каждый персонаж индивидуализирован, имеет только ему свойственную речевую характеристику. Например, автор детально описывает внешность, характер детей бедняка Отца Сунгара. Старший пятнадцатилетний сын — больной и косоглазый, одетый в оленью кухлянку, сосет курительную трубку и молча смотрит ничего не выражающим взглядом на огонь. Средний десятилетний сын, бойкий, веселый, с блестящими глазами, легко вступает в беседу взрослых, рассказывает о своих успехах в охоте. Грудная дочь без одежды, сидя на полу, громко плачет и суёт в рот крошки хлеба и масла. О бедности семьи, живущей впроголодь, свидетельствует кучка обглоданных оленьих костей, сложенная возле входной двери, из которых варят бульон во время голода. Обстановка их чума, домашняя утварь, состоящая из двух ведер и чайника, снег, падающий на постель сверху и через дырки стен из захудалых оленьих шкур, усиливают картину бедственного положения семьи Отца Сунгара.

Алампа отмечает, что культура кочевников, экстремальные условия проживания, хозяйственная деятельность, образ жизни оказали большое влияние на формирование ментальности и этническую психологию северных народов.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к следующим выводам.

Очерк классика якутской литературы А. Софронова-Алампа «Путевые заметки (Из жизни Жиганского улуса)» — первое этнографически глубокое

произведение не только в якутской литературе, но и в литературе народов Якутии. В нем не только детально представляются быт, традиции и обычаи северных народов, но и проявляется глубинное постижение писателем картины мира в традиционном мировоззрении тунгусов. Очерк А.И. Софронова отличается ярко выраженной социальной проблематикой, где всесторонне изображена трудная жизнь тунгусов-кочевников в ее социальной и бытовой контрастности. В путевом очерке также ярко раскрывается личность писателя как исследователя, и его произведение имеет большую научно-познавательную ценность и представляет значительный интерес для изучающих историю и культуру коренных малочисленных народов Севера.

Учитывая силу изображения характеров и психологии героев, произведение, в котором писатель показал национальный характер северянина в его целостности, можно назвать первым в истории якутской литературы этнопсихологическим очерком. Софроновский тунгус-кочевник как «маленький человек» отличается от подобных литературных типов бесконечным терпением, устойчивостью к экстремальным факторам, чистотой нравов и позитивным восприятием жизни. Можно отметить, что очерк отличается оригинальным авторским видением: писатель постоянно проводит сравнительно-сопоставительный анализ ментальности кочевника и горожанина, отдавая в основном предпочтение первому. Писатель утверждает, что везде есть жизнь и каждый человек ценен, уникален и имеет право на счастье.

Несомненно, очерк Софронова обладает высокой художественностью и высокой идейно-эстетической ценностью. В этом отношении особую роль играют лирические отступления, выражающие сострадательное, глубоко взволнованное отношение автора к своим героям. Показывая быт кочевников, он не только открывает новое для себя, но и испытывает большое потрясение от образа их жизни, крайней бедности и нищеты. Однако писатель ни разу не осуждает их, наоборот, показывает их людьми высокой культуры, описывает гармоничные отношения в семье и обществе и призывает к состраданию и жалости. Эстетическому восприятию текста также способствуют лирические пейзажные зарисовки, где чувствуется легкая рука поэта.

Думается, что переиздание уникального этнопсихологического очерка А.И. Софронова «Путевые заметки» с набросками П.В. Слепцова, отражающими героев произведения, их занятия, могло бы иметь большое значение в укреплении единства межнациональных отношений, трансляции в культурное пространство России традиций и национальной культуры народов Якутии.

Список литературы

1. *Слепцов П.В.* Этнографические записи из жизни Булунского улуса. Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 291, 78 л.

2. *Софронов А.И.* Айаннаан сылдыбыт бэлиэм = Путевые заметки. Айымньылар = Сочинения: в 4 т. Т. 2: Стихотворения, поэмы, рассказы, очерк, статьи (1928–1933). Якутск: Бичик, 2005. С. 238–266.
3. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999.
4. *Тимофеев Л.И.* Основы теории литературы: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. 4-е изд., испр. М.: Просвещение, 1971.
5. *Абрамович Г.Л.* Введение в литературоведение: учебник для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. 6-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1975.
6. *Озеров Ю.А.* Родовые особенности художественной литературы: введение в литературоведение: учеб. для вузов / Н.Л. Вершинина, Е.В. Волкова, А.А. Илюшин и др.; под общ. ред. Л.М. Крупчанова. М.: Оникс, 2009. С. 278–294.
7. *Юнусова Ф.Б.* Жанровые особенности современного башкирского очерка (1980–1990-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009.
8. *Пошатаева А.В.* Мифология и опыт писателей Севера. Способность к диалогу. Часть вторая. М.: Наследие, Наука, 1993. С. 122–155.
9. *Жулева А.С.* Три мира народов Севера. Литературные образы. М.: Филинь, 2020.
10. *Попов Н.* Пища тунгусов. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел РГО, 1926.
11. *Есин А.Б.* Психологизм. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М.: Высшая школа, Академия, 1999. С. 313–328.

References

1. Slepsov, P.V. Ethnographic records from the life of the Bulun ulus. Script fond IGIIPMNS SO RAN. F. 5, op. 3, d. 291, 78. Print. (In Russ.)
2. Sofronov, A.I. 2005. Ajannaan syld'ybyt bjelijem = Travel notes. Ajymn'ylyar = Essays. In 4 v. Vol. 2. Poems, stories, essays, articles. Jakutsk: Bichik publ, pp. 238-266. Print. (in Jakut)
3. Halizev, V.E. 1999. Literary theory. Moscow: Vysshaja shkola publ. Print. (In Russ.)
4. Timofeev, L.I. 1971. Fundamentals of Literary Theory, 4-rd ed. Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
5. Abramovich, G.L. 1975. Introduction to Literary Studies, 6-rd ed. Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
6. Ozerov, Ju.A., et al. 2009. "Generic features of fiction." Introduction to literary criticism. Edited by L.M. Krupchanov. Moscow: Oniks publ., pp. 278–294. Print. (In Russ.)
7. Junusova, F.B. 2009. "Genre features of the modern Bashkir essay (1980-1990)". Thesis.... Candidate of Phil. sciences, Ufa. Print. (In Russ.)
8. Poshataeva, A.V. 1993. Mythology and experience of writers of the North. Ability to dialogue. Vol. 2, pp. 122–155. Moscow: Nasledie, Nauka publ. Print. (In Russ.)
9. Zhuleva, A.S. 2020. Three worlds of the peoples of the North. Literary images. Moscow: Filin publ. Print. (In Russ.)
10. Popov, N. 1926. Tungus food. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij otdel RGO publ. Print. (In Russ.)
11. Esin, A.B. 1999. Psychologism. In Introduction to literary criticism. Literary work: basic concepts and terms. Edited by L.V. Chernets, pp. 313–328. Moscow: Vysshaya shkola., Akademija publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Семенова Валентина Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Якутская литература», Институт языков и культуры народов СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. ORCID: 0009-0002-9982-6111; SPIN-код: 4611-5505; E-mail: sakhaliter@s-vfu.ru, vg.semenova@s-vfu.ru

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Французская филология», Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. ORCID: 0000-0002-5864-3434; SPIN-код: 4998-1287; Scopus-Id: 57193705912; WoS research ID: AAH-8031-2019; E-mail: madrid03@mail.ru, oa.melnichuk@s-vfu.ru

Bio notes:

Valentina G. Semenova is a Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of Peoples of the Northeast of Russian Federation, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. ORCID: 0009-0002-9982-6111; SPIN-code: 4611-5505; E-mail: sakhaliter@s-vfu.ru, vg.semenova@s-vfu.ru

Olga A. Melnichuk Is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of French Philology, Institute of Modern Languages and Regional Studies, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. ORCID: 0000-0002-5864-3434; SPIN-code: 4998-1287; Scopus-Id: 57193705912; WoS Researcher ID: AAH-8031-2019; E-mail: madrid03@mail.ru oa.melnichuk@s-vfu.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-237-249

EDN: OEMODC

Научная статья / Research article

Прецедентный текст «русский хлопок»: исторические обертоны в романе Б. Чепрунова «Колонизаторы»

Э.Ф. Шафранская¹, Г.Т. Гарипова^{1,2}, И.В. Юзефович²

Московский городской педагогический университет,

¹ Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

² Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Российская Федерация, 115035, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1

✉ shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен процесс рождения русского хлопка, отраженный в романе «Колонизаторы» Бориса Чепрунова, потомка переселенцев в Туркестанский край в период его завоевания Российской империей. Знающий жизнь Средней Азии изнутри — ее языки, нравы и культуру, Чепрунов критически осмысляет процесс колонизации Средней Азии. Творчество этого писателя выпало из историко-литературного процесса по политическим причинам; была мимолетная, не получившая продолжения попытка — без аналитики, полуправдой возвратиться к нему в оттепельную пору. Авторы делают еще одну — вернуть в историю литературы XX в. творчество насильно вычеркнутого из литературного процесса писателя. Цель исследования — в современной рецептивной практике осветить тему *русского хлопка* в романе «Колонизаторы» Б.В. Чепрунова; задачи исследования: назвать личностей и факты периода колонизации Средней Азии, которые сыграли ведущую роль в рождении русского хлопководства; осветить колонизаторскую интенцию в романе Чепрунова; сообщить историю публикации романа «Колонизаторы» и его трагическую роль в судьбе автора; рассмотреть заглавия романа: одно авторское, второе — данное при публикации романа в период Оттепели. Аналитика исследования вписывается в современный ориенталистский, или пост-саидовский, научный дискурс.

Ключевые слова: Борис Чепрунов, роман «Колонизаторы», хлопок, Туркестан, колонизация, заглавие

История статьи: поступила в редакцию 16.10.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Юзефович И.В. Прецедентный текст «русский хлопок»: исторические обертоны в романе Б. Чепрунова «Колонизаторы» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 237–249. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-237-249>

© Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Юзефович И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Case (Precedent) Texts “Russian Cotton”: Historical Overtones in the Novel “The Colonizers” by B. Cheprunov

Eleonora F. Shafranskaya¹✉, Gulchira T. Garipova^{1,2}, Ilya V. Yuzefovich²

¹ Moscow City University,
bldg. 1, 4 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation

² A.N. Kosygin Russian State University,
bldg. 1, 33 Sadovnicheskaya St, Moscow, 115035, Russian Federation,

✉ shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The process of the birth of Russian cotton, reflected in the novel “Colonizers” by Boris Cheprunov, a descendant of settlers to the Turkestan region during the period of its conquest by the Russian Empire, is considered. Knowing the life of Central Asia from the inside — its languages, customs and culture, Cheprunov critically comprehends the process of colonization of Central Asia. The work of this writer fell out of the historical and literary process for political reasons; there was a fleeting attempt that did not receive continuation — without analysis, with half-truths, to return to him during the thaw period. The authors of the article do one more thing — to return to the history of literature of the twentieth century the work of a writer who was forcibly erased from the literary process. The purpose of the study is to highlight the theme of Russian cotton in the novel “The Colonizers” by B.V. in modern receptive practice. Cheprunova; objectives of the study: name the personalities and facts of the period of colonization of Central Asia who played a leading role in the birth of Russian cotton growing; highlight the colonialist intentions in Cheprunov’s novel; report the history of the publication of the novel “The Colonizers” and its tragic role in the author’s fate; consider the titles of the novel: one is the author’s, the second is given when the novel was published during the Thaw. The analysis of the article fits into modern Orientalist, or post-Saidian, scientific discourse.

Key words: Boris Cheprunov, novel “The Colonizers”, cotton, Turkestan, colonization, title

Article history: received 16.10.2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors’ contribution: undivided co-authorship.

For citation: Shafranskaya, E.F., Garipova G.T., and I.V. Yuzefovich. 2024. “The Case (Precedent) Texts “Russian Cotton”: Historical Overtones in the Novel “The Colonizers” by B. Cheprunov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 237–249. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-237-249>

Введение

Медийный дискурс второй половины XX советского века непредставим без таких метафор, как *белое золото*, *голубые корабли полей* (хлопкоуборочные машины), *хлопковое дело* (уголовное коррупционное дело, в котором были замешаны высшие эшелоны власти СССР), *хлопковая кампания*. Сегодня вся эта лексика уже история. Если до недавнего времени, до появления Интернета, среднестатистический житель России не мог даже вообразить, как это вата растет на поле, то нынешний житель больших российских городов может видеть в любом цветочном магазине продающиеся ветки хлопчатника с белыми

коробочками хлопка. Как все это начиналось, как хлопчатник зажил своей *русской жизнью* — мало кто знает. Именно этот процесс описал в своем романе «Колонизаторы» писатель Б.В. Чепрунов в 1937 г. Тема хлопка в 30-е гг. XX в. стала набирать обороты и в других видах искусства. Так, сбор хлопка, хлопковые поля, хлопкоробов стали рисовать русские художники, несколькими десантами высадившиеся в Средней Азии в 1920–1930-х гг. В истории живописи это были первые хлопковые сюжеты.

Цель предлагаемой статьи — осветить воплощение темы *русского хлопка* в романе «Колонизаторы» Б.В. Чепрунова. В связи с целью поставлены задачи:

- аргументировать фактами рождение *русского хлопка* и назвать личностей, сделавших вклад в русское хлопководство;
- охарактеризовать колонизаторскую интенцию русского хлопководства, нашедшую отражение в романе «Колонизаторы»;
- сообщить о трагической роли романа «Колонизаторы» в судьбе писателя Чепрунова;
- рассмотреть два заглавия романа — авторское и цензурно допустимое: «Колонизаторы» и «Золотая паутина».

Теоретико-методологическая основа статьи — исторические исследования «Природа зла. Сырье и государство» Александра Эткинда и «Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза» Франсин Хирш, литературоведческая работа «Поэтика заглавий» Сигизмунда Кржижановского.

Объект исследования — роман «Колонизаторы» Б.В. Чепрунова.

Предмет исследования — колониальная и хлопковая темы в романе «Колонизаторы».

Источники: роман Б.В. Чепрунова «Колонизаторы», мемуаристика Г.П. Федорова, Н.А. Варенцова, Е.М. Мелетинского.

Результаты и обсуждение

Русский хлопок

Будучи известной агрокультурой еще со времен Древнего Рима, хлопок попадает в русскую экономическую жизнь только в конце XIX в., тогда же появляется прецедентный текст — *русский хлопок*, с одной стороны, словосочетание оксюморонное, так как Россия хлопчатник не выращивает по климатическим причинам, с другой — *русский хлопок* знаменует имперский проект, не только совпавший с завоеванием Туркестана, но отчасти послуживший причиной этого завоевания. По словам Александра Эткинда, «Россия шла в эти земли в надежде найти там металлы, но моноресурсом Туркестана стал хлопок» [1. С. 199].

Эткинд написал книгу «Природа зла. Сырье и государство», в которой «разные виды сырья — части природы, элементы экономики, двигатели культуры» [1. С. 8] — рассмотрены в том числе со стороны их политических свойств, что в нынешнем мире равнозначно морали. Хлопок стал триггером Первой Промышленной революции [1. С. 190], отмечает Эткинд. Посредники между хлопковым сырьем и фабриками богатели неимоверно быстро, «их бизнес был прост, риск огромен, а прибыли велики» [1. С. 192].

Очевидцем и участником рождения «русского хлопка» был московский предприниматель Николай Александрович Варенцов, в начале XX в. широко известный «в деловых кругах Москвы и России как владелец 11-миллионного состояния, директор двух солидных фирм, торгующих хлопком» [2. С. 5] и прочим сырьем. С приходом новой власти в 1917 г. происходит, как известно, перераспределение сырья и имущества. Варенцов оказывается нищим — в буквальном смысле, по сентенции, выведенной Эткиндом: «Каждый сырьевой кризис ведет к разорению одних и обогащению других — к смене элит, войнам и революциям, а потом снова к росту неравенства» [1. С. 8], — пишет он, предвзято свое исследование о сырье и государстве.

Тем не менее Варенцов находит в себе силы написать в 1930-е гг. воспоминания о своей предпринимательской деятельности, о людях, окружавших его, среди которых немало личностей, достойных быть в анналах истории, однако забытых и перемолотых машиной забвения, не без помощи новой идеологии. Эти воспоминания Варенцова уместились в восемь общих тетрадей, хранившихся до рубежа XX–XXI вв. в архивах. В частности, среди множества исторических персонажей в повествовании Варенцова действует Николай Павлович Кудрин, которого стоит упомянуть в связи с темой статьи. Кудрин — создатель «Товарищества Н. Кудрин и К^о», поклонник Средней Азии — еще до того, как там побывал. Обладая ораторскими способностями, он при каждом удобном случае вещал о том, как прекрасна Средняя Азия, какое большое значение она имеет для будущего России. Так, он сумел привлечь в свое Товарищество изрядный капитал. «Кудрин уверял, что этот край настолько богат, что он может употребить всю продукцию русских текстильных фабрик и сделается через 10–20 лет второй Америкой благодаря громадным земельным ресурсам...»¹. Такая одержимость богатствами Средней Азии и возможностью направить их на процветание России не могла остаться незамеченной на самом «верху»: Кудрин был представлен императору Александру III. Далее Варенцов пишет о Кудрине в тональности, которая возводит этого человека в статус исключительной, судьбоносной для Туркестана личности: якобы если бы не Кудрин, Средней

¹ *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко; изд. 2-е. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 25.

Азии еще долго пришлось бы быть заброшенной. Кудрин стал пионером по развитию Туркестана, его «Товарищество» в больших размерах выписывало американские семена хлопчатника и распространяло их среди местных дехкан. Эта «слава за Кудриным должна остаться вечно»², — пишет Варенцов, справедливо уверенный в том, что этот факт мало кому известен.

В XIX в. развитие хлопководства выглядело только как начинание, об этом пишет, в частности, Георгий Павлович Федоров, около сорока лет прослуживший в Туркестане. Он оставил для потомков почти приключенческую историю, которая стоит у истоков русского хлопководства и согласно которой одним из предтечей русского хлопка можно считать К.П. Кауфмана³.

История такова: наблюдая за тощим местным разведением хлопка — весьма плохого качества, с толстым и коротким волокном, и за примитивной очисткой хлопка, которая осуществлялась вручную, Кауфман командирует в 1874 г. в американский Техас двух способных агрономов М.И. Бродовского (см. подробнее о деятельности Бродовского: [3]) и В.В. Самолевского, не скупясь на их заокеанское обучение и подготовку будущих специалистов по хлопководству. Спустя два года, по возвращении новых специалистов, Кауфман, внимая их рекомендациям, организует в Туркестане хлопковую ферму с опытным полем, где были установлены привезенные из-за океана устройства (джины⁴) для очистки хлопка и пресс для упаковки. На опытном поле сеяли семена американского и египетского хлопчатника. Местные дехкане, как зачарованные, смотрели на очистку хлопка. Кауфман распорядился выдать безвозмездно всем желающим заморские семена — доверие было налажено: дехкане стали выписывать в свои хозяйства джины и прессы, а вместе с ними впрок и американские семена. Так в Туркестане возникло хлопководство, начало которому положил Кауфман, — заключает свой рассказ Федоров⁵.

Интенция романа «Колонизаторы»

Приблизительно в те же годы, в которые Варенцов писал свои воспоминания, о том же времени и тех же процессах, в результате которых хлопок становится монокультурой Туркестана, создает свой роман Борис Васильевич

² *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко; изд. 2-е. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 28.

³ Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) — первый генерал-губернатор Туркестанского края.

⁴ Джин — машина, отделяющая хлопковое волокно от семян, орешков, которые находятся внутри хлопковой «ваты».

⁵ *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 года) // Исторический вестник. 1913. Октябрь. С. 39–40.

Чепрунов, проживавший в Туркестанском крае, будучи отпрыском русских переселенцев, коих немало было в Средней Азии конца XIX в. (о биографии Чепрунова см.: [4]; о встроенности Чепрунова в ориенталистский вектор русской литературы см.: [5]). (Срабатывают закономерности метатекста — когда одновременно у не зависящих друг от друга авторов появляются одни и те же темы.)

В майско-июньской книжке журнала «Литературный Узбекистан» за 1936 г. в рубрике «Книжная полка» было напечатано сообщение под заголовком «Над чем работают писатели»: читателей информировали, что писатель Борис Чепрунов продолжает работу над романом «Колонизаторы», это «материал на большую и острую тему о хозяйничанье капиталистов в дореволюционное время». Обещаны картины жизни, изображающие «политическое и экономическое порабощение узбеков, туркмен, таджиков и других» [6. С. 199]. Стилль заметки — в духе времени, советских 1930-х гг., в духе классовой идеологии.

Соответствует ли роман предпосланному анонсу? Заглавие романа даже в современной рецепции звучит если не экстравагантно, то смело. Здесь необходимо пояснение. Время, когда реальные процессы именовались нейтральным, безоценочным термином колонизаторскими, а его фигуранты — колонизаторами, закончилось в середине 1930-х гг., хотя до этого рубежа советские идеологи вполне легально использовали эти термины. Существовал даже учрежденный в 1922 г. Государственный колонизационный научно-исследовательский институт⁶ (Госколонит) (см.: [7. С. 131]). По словам Франсин Хирш, Госколонит разрабатывал советский «колонизационный кодекс», изучая при этом европейские и североамериканские практики колонизации и применяя их в новых условиях — построения социализма [Там же]. Однако с середины 1930-х гг. все словоформы, связанные с колонизацией, попадают в лексикон официальный хулы, адресованной Западу.

В своем романе Чепрунов сосредоточен не на классовом конфликте местных бедных и богатых, а именно на колонизаторском, со всей его ориенталистской палитрой. Этот конфликт был знаком ему с детства: сформировавшись в тюркоязычной среде Нового Ургенча, он видел пренебрежительно-высокомерное отношение пришлых к местным нравам — в той парадигме, которая зафиксирована Эдвардом Саидом (см.: [8]).

Один из красноречивых диалогов между русским чиновником Кисляковым и местным попутчиком-хивинцем, воспроизведенный в романе Чепрунова, автор строит с акцентом на этом пресловутом превосходстве колонизатора. «Пять лет в ханстве и все не могу привыкнуть к этому отвратитель-

⁶ Впоследствии Госколонит был реформатирован в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения, просуществовавший до октября 1930 г.

ному экипажу», — говорит Кисляков. На что хивинец замечает, что больше нет нужды привыкать, потому что Новый Ургенч уже совершенно русский город. — Как русский? — хохочет и одновременно возмущается Кисляков, говоря, что «это нагромождение доисторических построек» нельзя сравнивать с русским городом: «Как вам не стыдно, Шарифбай! Вы учились в Оренбурге, ежегодно бываете на нижегородской ярмарке, в Москве — моем родном городе, разве они хоть немного напоминают Новый Ургенч?» Шарифбай оправдывается, говоря, что теперь здесь много русских⁷.

Хлопок не был монокультурой для Средней Азии, он стал таковой с приходом колонизаторов, один из которых заключает, что на хлопке могут разориться только дураки⁸.

Кисляков с пафосом произносит: «Здесь раньше сеяли только пшеницу и джугару, а теперь... <...> Россия скоро будет иметь свой отечественный хлопок»⁹.

Одна из деталей быта — гастрономическая — подтверждает, что хлопок и его продукция не входили в обиходную жизнь Средней Азии до прихода колонизаторов, — это отсутствие хлопкового масла. В приготовлении пищи использовали кунжутное масло. Свидетельствует краевед Самарканда Рубен Назарьян, говоря о том, что в среднеазиатской кухне до конца XIX в. было в употреблении два вида масла — *кунжут мой* (кунжутное) и *зигир мой* (льняное). Из семян хлопчатника давили вручную незначительное количество масла, но оно было предназначено для технических нужд и не использовалось в пищу. Только в 1905 г. российская власть Туркестанского края пригласила инженера-технолога Владимира Генриховича Гофмейстера¹⁰ для создания в крае хлопково-маслобойного дела [9. С. 48–49].

Хлопкоочистительные заводы пришли в Туркестан вместе с колонизаторами, предприниматели не спешили модернизировать оборудование, так как хлопок, наряду с другими видами мирового сырья (как-то сахар и табак), требовал «дешевого, механически повторяющегося труда» [1. С. 190].

Так «модернизация» описана в романе Чепрунова: хлопкоочистительный завод, «цепь полуголых рабочих-каракалпаков, протянувшаяся от амбаров к корпусу завода. Согнувшись почти под прямым углом, они несли на спинах девятипудовые мешки-канары¹¹, плотно набитые сырцом. <...> Прямо над цепью рабочих редела труба рыхлителя, очищающего загрязненный хлопок. Тучи пыли и листьев, мелкие камешки далеко разносились по

⁷ См.: Чепрунов Б.В. Золотая паутина: Роман. Ташкент: Ёш гвардия, 1963. С. 9.

⁸ Там же. С. 161.

⁹ Там же. С. 195.

¹⁰ См.: Гофмейстер В.Г. Использование семян хлопчатника в Средней Азии. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. 220 с.

¹¹ Канар — большой мешок.

двору». Лошадь с завязанными глазами вертела гидравлический пресс¹², пришедший на смену ручному труду. «Каракалпаки молча работали у джин и, как показалось Григорию, неприязненно следили за молодыми хозяином и его гостем. Трое рабочих охапками переносили очищенное от семян волокно в другой конец здания и руками набивали его в прессовую коробку. Григорию не раз хотелось сказать Андрею, что завод его отца устарел. За границей хлопкоочистительное дело давно механизировано¹³.

Роман «Колонизаторы» можно считать рубежным в колониальном дискурсе: в нем пока еще все вещи и явления общественной жизни Туркестана названы своими именами: «колониальное русское общество»¹⁴, «темные стороны жизни колонии»¹⁵, в колониальных школах «не изучали ни обширного края, ни народа, его населяющего. Детям внушалось презрение и недоверие к мусульманам туземцам и уважение к управителям края»¹⁶.

По сути, Чепрунов не новатор, а продолжатель русской историко-литературной традиции — М.Е. Салтыкова-Щедрина, в частности, ярко и критически представленной сатириком в очерках «Господа ташкентцы», где он недвусмысленно разоблачает якобы цивилизаторскую миссию, привнесенную в Туркестанский край Россией. Так, совершенно в щедринской палитре пишет Чепрунов: «Европеец — одно это слово означает культуру, цивилизацию, — говорил Кисляков. — Мы призваны выполнять среди отсталых азиатских народов великую цивилизаторскую миссию»¹⁷. Кисляков, служащий в Русско-Азиатском банке, без сомнения, один из «господ ташкентцев». Он любил говорить о прогрессе, идущем из России, о великой миссии России в Туркестане, за что местное колониальное общество стало называть его социалистом¹⁸. Другой «господин ташкентец» — директор банка Клингель, который приехал в Туркестан, чтобы «хапнуть»¹⁹, как и положено «господам ташкентцам», ведь «хлопок — золотое дело»²⁰.

Повествователь «Колонизаторы» не бесстрастен: как и главный герой романа Григорий Лямин, он симпатизирует дехканам и рабочим, изображая коренное население Нового Ургенча испытывающим притеснение от понаехавших русских начальников: «Русских не было — легче жилось, — вздохнул

¹² Гузоломка — машина, отделяющая хлопковые волокна от стеблей хлопчатника (гузапай).

¹³ См.: Чепрунов Б.В. Золотая паутина: Роман. Ташкент: Ёш гвардия, 1963. С. 81–82.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 33.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 60.

старик. — Шарифбай говорит, от русских вся беда»²¹; молодой дехканин, «точно про себя, сказал вслух, ни к кому не обращаясь: — С русским дружи, а топор за пазухой держи»²². И когда против поборов русских предпринимателей восстают дехканы, повествователь на стороне простых людей: повстанцы, вооружившись, громили европейские магазины и конторы, а «европейцы» бежали под защиту хлопкоочистительного завода²³.

«Колонизаторы» в судьбе писателя Чепрунова

Роман «Колонизаторы» в судьбе его автора сыграл трагическую роль, даже, точнее, не сам роман, а его заглавие. Публикация романа совпала с тенденцией в области официального языка, как бы сегодня сказали, с новыми дискурсивными практиками. Упомянутый выше Колонит в конце 1930 г. был ликвидирован, институты, связанные с советскими процессами колонизации, были переведены в новый регистр — языковой и смысловой, земельно-городской и переселенческий секторы упразднены [10. С. 274].

Хлопчатник, как монокультура молодой узбекской республики, и процессы вокруг него уже содержали потенциальный изъян, зафиксированный в романе, а в рецепции современного чтения ощутима будущая катастрофа конца XX в. Чепрунов недвусмысленно о ней заявил, что не могло понравиться советским партийным идеологам.

После публикации первой из трех частей романа «Колонизаторы» началась разоблачительная кампания — на писательских собраниях. Сегодня трудно сказать, что стало официальным поводом (к обвинительному делу Чепрунова доступа нет) — как показывают многие обвинительные дела 1930-х годов, поводы были однообразны. Были арестованы коллеги Чепрунова — писатели Чулпан, Фитрат, Усман Насыр — бывшие джадиды.

В газете «Комсомолец Узбекистана» за 20 сентября 1937 г. была опубликована статья Ю. Дружбина «Покровители буржуазных националистов в литературе», в которой коллеги Чепрунова были названы националистами — за них публично вступился Чепрунов, выступив на собрании в Союзе писателей Узбекистана (см.: [11. С. 109]), что стало формальным поводом для ареста. Бориса Чепрунова обвинили в подрывной деятельности среди литераторов и причастности к контрреволюционной террористической организации [11. С. 110].

Опубликованием первой части «Колонизаторов» судьба романа в 1930-х и закончилась (см.: [12]). Две неопубликованные части остались в рукописи. Оттепельные шестидесятые подарили роману вторую попытку. В полном

²¹ Чепрунов Б.В. Золотая паутина: Роман. Ташкент: Ёш гвардия, 1963. С. 173.

²² Там же. С. 238.

²³ Там же. С. 284.

объеме роман «Колонизаторы» был издан в 1963 г., однако под другим заглавием — «Золотая паутина».

Что меняет такое *не чепруновское* заглавие?

Сигизмунд Кржижановский, писатель и теоретик искусства, заметил о похожем случае названия художественного текста: это небрежное и снисходительное отношение к заглавию, когда его нахлобучивают на книгу как шапку на голову [13. С. 17].

Это сделал Г.П. Владимиров, литературный начальник той поры в Узбекистане. С одной стороны, роман наконец был опубликован в полном объеме, с другой — автор восьмистраничного послесловия, Владимиров ни словом не упомянул о трагической кончине автора, о том, что в 1930-е уже была попытка издания романа. Он, советский литературовед, будучи «старшим лейтенантом госбезопасности» (как вспоминает о нем, поры 1945 г., фольклорист и историк литературы Е.М. Мелетинский²⁴ [14. С. 516–517]), четко расписал достоинства и недостатки романа, перечислив набор черт «правильной» литературы: борьба с «контрреволюционным отребьем», с «враждебностью джадидов делу Октября», с «черными силами старого мира» [15].

«Золотая паутина» vs «Колонизаторы»

Заглавие, сочиненное Г.П. Владимировым, — заезженная энтомологическая метафора, эпитет *золотой* усиливает гипертрофированную степень меркантильности предпринимателей. Таким образом, заглавие *золотая паутина* изначально задает установку в ключе советской классовой идеологии.

Теоретик литературы С. Кржижановский, работая с заглавиями, подразделил их на три универсальные группы: 1) *заглавие-антескрипт* — предшествующая чтению установка, названная «тягой силы» [13. С. 22]; 2) *заглавие-инскрипт* — наполняемое смыслами по ходу чтения текста; 3) *заглавие-постскрипт*, развивая метафору «тяга силы», такое заглавие становится толкачом текста: от страницы к странице толкач, как невидимая сила, подспудно формирует сознание читателя [13. С. 23]. Таким образом, как нам видится, заглавие «Колонизаторы» — это *постскрипт*, а заглавие «Золотая паутина» — *антескрипт*. Чепрунов дает читателю возможность самостоятельного обдумывания проблемы, Владимиров лишает читателя такой возможности, изначально поставив акцент на «правильном» чтении.

Современные поиски журнала с романом «Колонизаторы» показали, что эта публикация 1937 г. испугала тогдашних идеологов и власть.

В Российской государственной библиотеке при наличии годового комплекта номер с романом Чепрунова отсутствует; та же история обнаружена

²⁴ В судьбе Е.М. Мелетинского Г.П. Владимиров сыграл зловещую роль (см.: [14]), см. также воспоминания анонимных информантов о Владимирове: [16. С. 449–450].

и в Национальной библиотеке им. Навои в Ташкенте. Нет журнала в публичных библиотеках Самарканда и Бухары, культурных центрах Узбекистана. Наш поиск все же увенчался успехом: журнал оказался в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (это, вероятно, единственный экземпляр на всем постсоветском пространстве).

Сверив текст первой части «Колонизаторов» с «Золотой паутиной», мы не обнаружили разночтений. Концепция романа, гармонирующая с заглавием «Колонизаторы», стала раздражителем для власти — Чепрунов был обвинен в контрреволюционной деятельности.

Из архива ФСБ в ответ на запрос доступа к обвинительному делу Б.В. Чепрунова пришел ответ, в котором сказано, что Чепрунов Борис Васильевич, по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8 октября 1938 г., осужден к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день в городе Ташкенте. Сведения о месте захоронения отсутствуют.

Заключение

Роман «Колонизаторы» — о рождении и развитии явления «русский хлопок». Его автор, Борис Чепрунов, предстает ориенталистом советского образца (см.: [17]) — эта фаза русского ориентализма пока лишена критики, свойственной постсаидовскому дискурсу. Ориентализм Чепрунова не содержит обертонов превосходства, деклараций цивилизаторской миссии «русского мира», он вне парадигмы *запад есть запад, восток есть восток*.

Чепрунов ощущает разрушительную интенцию «русского мира» — поэтому называет свой, до конца не опубликованный при жизни роман — «Колонизаторы». Писатель-реалист нарисовал сцены чиновничьей, предпринимательской и дехканской жизни, сосредоточенной вокруг хлопка. Возвращение романа и имени Бориса Чепрунова в историю русской литературы XX в. расширит ее горизонт, в основном локализованный на столичных авторах, дополнит ее тематическую палитру, а также выразительно представит тот пласт литературы, который создан в Средней Азии и редко входит в объектив историков русской литературы XX в.

Список литературы

1. Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
2. Любартович В.А., Юхименко Е.М. Московский промышленник Н.А. Варенцов и его мемуары // Н.А. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 5–18.
3. Мирзаев А.Т. Вклад М.И. Бродовского в развитие хлопководства в Туркестанском крае // Гуманитарное измерение в истории российско-узбекистанских связей: материалы международной конференции. Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2019. С. 117–121.

4. *Шафранская Э.Ф.* Писатель Борис Чепрунов (1890–1938) – потомок русских колонизаторов // *Забывшие писатели: сборник научных статей. Вып. 2 / сост. и ред. Э.Ф. Шафранская.* СПб.: Свое издательство, 2021. С. 247–266.
5. *Шафранская Э.Ф.* О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе // *Новое литературное обозрение.* 2020. № 1 (161). С. 291–306.
6. *Над чем работают писатели // Литературный Узбекистан.* 1936. Кн. 3. Май-июнь. С. 199.
7. *Хирш Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
8. *Саид Э.* Ориентализм / науч. ред. А.Р. Ихсанов. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.
9. *Назарьян Р.Г.* Самаркандская старина: Документальные очерки: Кн. 1. СПб.: Нестор-История, 2010. 212 с.
10. *Волошинова И.В.* Создание Колонизационного Института в СССР // *Былые годы (Bylye Gody): российский исторический журнал.* 2014. № 32 (2). С. 271–275.
11. *Турдыев Ш.* «Своего романа Джунаид-хан Иранскому консулу я не продавал...» Трагическая судьба Бориса Чепрунова // *Звезда Востока.* 2008. № 3. С. 107–113.
12. *Литературный Узбекистан.* 1937. Кн. 3. Май-июнь.
13. *Кржижановский С.* Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931.
14. *Мелетинский Е.М.* Моя тюрьма // Е.М. Мелетинский. *Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е.С. Новик.* М.: РГГУ, 1998. С. 489–572.
15. *Владимиров Г.П.* Роман Б. Чепрунова «Золотая паутина» // Б.В. Чепрунов. *Золотая паутина: Роман.* Ташкент: Ёш гвардия, 1963. С. I–VIII.
16. *Шафранская Э.Ф.* Ташкент Мелетинского // *Антропологический форум.* 2007. № 7. С. 441–454.
17. *Шафранская Э.Ф.* Фазы колониального дискурса в русской прозе о Туркестане // *Филология и культура.* 2017. № 2 (48) С. 218–224.

References

1. Etkind, A. 2020. The nature of evil. Raw materials and the state. Moscow: New Literary Review. Print. (In Russ.)
2. Lyubartovich, V.A., and E.M. Yukhimenko. 2011. “Moscow industrialist N.A. Varentsov and his memoirs.” In N.A. Varentsov. *Heard. Seen. Changed my mind. Experienced.* 2nd ed. Moscow: New Literary Review, pp. 5–18. Print. (In Russ.)
3. Mirzaev, A.T. 2019. “Contribution of M.I. Brodovsky in the development of cotton growing in the Turkestan region.” In *Humanitarian dimension in the history of Russian-Uzbek relations: Materials of the international conference.* Tashkent: Muharrir nashriyoti, pp. 117–121. Print. (In Russ.)
4. Shafranskaya, E.F. 2021. “Writer Boris Cheprunov (1890–1938) — a descendant of Russian colonialists.” In *Forgotten Writers: Collection of scientific articles. Vol. 2.* Composed and edited by E.F. Shafranskaya. St. Petersburg: Svoe publ., pp. 247–266. Print. (In Russ.)
5. Shafranskaya, E.F. 2020. “On Russian Orientalism, the “Russian World” in colonial literature and their rethinking in postcolonial literature”. *New Literary Review*, vol. 1, no. 161, pp. 291–306. Print. (In Russ.)
6. *Literary Uzbekistan.* 1936. Book. 3. May-June.
7. Hirsch, F. 2022. *Empire of Nations: Ethnographic knowledge and formation of the Soviet Union.* Moscow: New Literary Review. Print. (In Russ.)
8. Said, E. 2021. *Orientalism.* Edited by A.R. Ikhsanov. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art. Print. (In Russ.)

9. Nazaryan, R.G. 2010. Samarkand antiquity: Documentary essays: Book 1. St. Petersburg: Nestor-History publ. Print. (In Russ.)
10. Voloshinova, I.V. 2014. "Creation of the Colonization Institute in the USSR." In Bylye Gody: Russian historical journal, vol. 32, no. 2, pp. 271–275. Print. (In Russ.)
11. Turdyev, Sh. 2008. "I did not sell my novel Junaid Khan to the Iranian consul..." The tragic fate of Boris Cheprunov. Eastern Star, no. 3, pp. 107–113. Print. (In Russ.)
12. Literary Uzbekistan. 1937. Book. 3. May-June.
13. Krzhizhanovsky, S. 1931. Poetics of titles. Moscow: Nikitin Subbotnik publ. Print. (In Russ.)
14. Meletinsky, E.M. 1998. "My prison." In E.M. Meletinsky. Selected articles. Memories. Moscow: RSUH publ., pp. 489–572. Print. (In Russ.)
15. Vladimirov, G.P. 1963. "B. Cheprunov's novel 'The Golden Web'." In B.V. Cheprunov. The Golden Web: Novel. Tashkent: Yosh Guard publ., pp. I–VIII. Print. (In Russ.)
16. Shafranskaya, E.F. 2007. "Tashkent Meletinsky". In Anthropological Forum, no 7, pp. 441–454.
17. Shafranskaya, E.F. 2017. "Phases of colonial discourse in Russian prose about Turkestan." Philology and culture, vol. 2, no. 48, pp. 218–224. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет. E-mail: shafranskayaef@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4462-5710; eLibrary SPIN-код: 5340–6268

Гарипова Гульчир Талгатовна — доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет; профессор кафедры филологии и лингвокультурологии, Российский университет имени А.Н. Косыгина. ORCID: 0000-0002-7675-2570; eLibrary SPIN-code: 1926–8676; E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Юзефович Илья Викторович — кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и лингвокультурологии, Академия им. Маймонида, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина. ORCID: 0009-0007-4836-6924; SPIN-code: 6926-8195; E-mail: ilvicyu@list.ru

Bio notes:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Moscow City Pedagogical University; ORCID: 0000-0002-4462-5710; eLibrary SPIN-code: 5340–6268; E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Gulchira T. Garipova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Moscow City Pedagogical University; Professor of the Department of Philology and Cultural Linguistics, A.N. Kosygin Russian State University; ORCID: 0000-0002-7675-2570; eLibrary SPIN-code: 1926-8676; E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Ilya V. Yuzefovich is PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Philology and Linguo-culturology, Maimonides Academy, A.N. Kosygin Russian State University; ORCID: 0009-0007-4836-6924; SPIN-code: 6926-8195; E-mail: ilvicyu@list.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-250-259

EDN: NBUIBI

Научная статья / Research article

Хронотоп романа Д. Накипова «Круг пепла»

У.В. Овчеренко , Н.В. Щенникова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ ovcherenko1993@gmail.com

Аннотация. В условиях преобладания полистилистики как метода создания современного казахстанского транслингвального романа крайне актуальны исследования новых путей воплощения авторского замысла. Настоящее исследование обращается к проблеме хронотопа в романе Д. Накипова «Круг пепла», а также цели, которая преследуется автором при выборе определенного представления пространственно-временного континуума в произведении. Произведен подробный анализ и сравнение двух пластов повествования: бытия племени самионов и бытия цивилизации оносамов. С помощью последовательного со- и противопоставления двух миров подчеркивается не только разность двух культур, но и точки их соприкосновения. Обосновывается положение, что два различных между собой мира есть единый хронотоп романа. В исследовании раскрывается замысел произведения: Д. Накипов демонстрирует, к какому декадансу гипотетически может привести отказ от природности, естественности бытия, чем чревато желание заключить живую жизнь в рамки индустриализации, как пагубно может сказаться оторванность от корней и прошлого. По мысли Накипова, ни одна скрупулезно выверенная рафинированная условность не в состоянии породить свободы и по определению не может быть так плодотворна, как дикий, но яркий первобытный хаос. Кроме того, противопоставление племени самионов и цивилизации оносамов служит для выражения идеи, общей для казахстанских русскоязычных писателей, — идеи абсолютной связи всего сущего сквозь времена и пространства. Также в статье фиксируется особенность формирования объективации хронотопа в постмодернистском романе с помощью художественной детали. Несмотря на то, что роман «Круг пепла» невозможно однозначно отнести к постмодернизму, все же нельзя не сказать о том, что черты данного литературного направления в романе присутствуют. Объективацией хронотопа в романе выступает казахский архетип круга, что подчеркивает выраженную в романе идею Абсолюта.

Ключевые слова: хронотоп, казахстанская литература, транслингвальная литература

История статьи: поступила в редакцию 16.02.2023; принята к печати 19.02.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Овчеренко У.В., Щенникова Н.В. Хронотоп романа Д. Накипова «Круг пепла» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 250–259. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-250-259>

Chronotope of D. Nakipov's Novel "The Circle of Ash"

Uliana V. Ovcherenko^{ORCID}, Nina V. Shchennikova^{ORCID}

RUDN University,
6 Mikhlukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
✉ ovcherenko1993@gmail.com

Abstract. In the context of the predominance of polystylistics as a method of creating a modern Kazakh translingual novel, the research into new ways of realizing the author's intention is extremely relevant. This study addresses the problem of chronotope in D. Nakipov's novel "The Circle of Ash," as well as the goal pursued by the author when choosing a specific representation of the space-time continuum in the work. A detailed analysis and a comparison of two layers of the narrative was made: the existence of the Samion tribe and the existence of the Onosam civilization. With the help of consecutive comparisons of the two worlds, not only the difference between the two cultures is emphasized, but also the points of their contact. The position is substantiated that two different worlds are a single chronotope of the novel. The study reveals the intention of the work which is that D. Nakipov demonstrates what kind of decadence the rejection of naturalness, the naturalness of being, can hypothetically lead to, what the desire to enclose living life within the framework of industrialization can lead to, how detrimental the impact of isolation from roots and the past can be. According to Nakipov, not a single scrupulously verified and refined convention cannot generate freedom and, by definition, cannot be as fruitful as wild but bright primitive chaos. In addition, the contrast between the Samion tribe and the Onosam civilization serves to express an idea common to Kazakh Russian-speaking writers — the idea of the absolute connection of all things between times and spaces. The article also records the peculiarity of the formation of objectification of the chronotope in the postmodern novel with the help of artistic detail. Even though the novel "The Circle of Ash" cannot be unambiguously attributed to postmodernism, it is still impossible not to say that the features of this literary movement are present in the novel. The objectification of the chronotope in the novel is the Kazakh archetype of the circle, which emphasizes the idea of the Absolute expressed in the novel.

Key words: chronotope, literature of Kazakhstan, translingual literature

Article history: received 16.12. 2023; accepted 19.02.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Ovcherenko, U.V., and N.V. Shchennikova. 2024. "Chronotope of D. Nakipov's Novel "The Circle of Ash." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 250–259. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-250-259>

Введение

Проблема бытия и, как следствие, проблема восприятия пространства и времени всегда волновала выдающиеся умы человечества. Знаковым открытием, повлиявшим на все сферы науки XX в., стала теория относительности А. Эйнштейна, постулирующая фундаментальную связь пространства и времени. В литературоведении эта теория нашла отражение в понятии хронотопа, выведенного М.М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопов романе», в которой Бахтин указывает на то, что жанр произведения определяется

именно хронотопом [1. С. 234-407]. Новый термин далее получил свое развитие в работах И.Р. Гальперина [2] и З.Я. Тураевой [3], ныне же прочно закрепился в научном арсенале гуманитарного знания. Так, Ю.Л. Сироткин [4], М.Ю. Рябова [5] обосновывают антропологическую природу хронотопа Бахтина [4], а Д.Д. Калимуллин приходит «...к мысли о возможности превращения хронотопа в универсальную, фундаментальную категорию, которая может стать одним из принципиально новых оснований культурологии» [6].

Тяготение современного казахстанского романа к полистилистике (согласно С.М. Алтыбаевой [7]) подталкивает автора к выбору инвариантного пространственно-временного континуума своего произведения. Именно такой небанальный хронотоп демонстрируется Д. Накиповым в романе «Круг пепла». В романе перед читателем открываются три ветви пространства-времени: Алматы в период с 60-х гг. XX в. до современности (условное прошлое-настоящее); планеты оносамов, разделенной космосом с Землей (или планетой-Близняшкой, как ее называют сами оносамы / условная альтернативная реальность); и времена племени самионов (условное прошлое).

Данное исследование анализирует точки соприкосновения и отталкивания двух миров — племени самионов и цивилизации оносамов. Несмотря на то, что по времени бытования планета оносамов параллельна Алматы, эффективнее сравнивать бытование оносамов с бытованием самионов, так как именно к пространству самионов есть доступ у Вотума Посвященных, а в именах племени и цивилизации сокрыта их нерушимая связь. Более того, именно эти два пространства наиболее ярко представляют собой противоположности-единства бытия. По мысли Накипова, ни одна скрупулезно выверенная рафинированная условность не в состоянии породить свободы и по определению не может быть так плодотворна, как дикий, но яркий первобытный хаос. Кроме того, противопоставление племени самионов и цивилизации оносамов служит для выражения идеи, общей для казахстанских русскоязычных писателей, — идеи абсолютной связи всего сущего сквозь времена и пространства.

Обсуждение

Мифологическая природа времени и пространства самионов очевидна: «Они ничего не помнили дальше года назад (система их летосчисления неизвестна)... Границ ее (равнины. — *Прим. О.У.*) самионы не знали, да и никто из них не уходил от гудастых гор дальше шести дней пути... Равнина велика и прожорлива, и каждый день съедает по солнцу и луне — вчера и сегодня» [8. С. 30].

В то же время природа общества оносамов скорее технологична. Известно, что их летосчисление измеряется десятилетиями. «Сокрушительный» период прогресса принес за собой необходимость рекультивировать сложные

биосистемы, подвергшиеся распаду. Но даже при должных усилиях ученых не удалось доподлинно восстановить, «...что являлось натуральным-архиприродным, а что искусственно пост-воспроизведенным, или представляло собой гео-био-голографически возрожденное-первородное» [8. С. 100]. Обратим внимание на понятие «первородное». Для племени самионов первородная девочка Е-во является великой ценностью, которую оберегает все племя. Для оносамов же первородное доступно лишь вкупе с технологическим воспроизведением, возрождением (если био-голограмму можно назвать полноценным возрождением). Здесь не идет речь о сохранении — только о восстановлении, и то — восстановлении, скорее, подобного, нежели первородного.

Жизнь самионов подчинена природе, её радостям и опасностям. Культура самионов строится на понимании природы и взаимодействии с ней. Однажды сытным и теплым летом первый писец племени высекает на камне первый петроглиф (Д. Накиповым творчески используется омонимия слов: «жаз» в переводе с казахского языка означает и «лето», и «пиши»). Вождь племени первым покоряет могучего жеребца Гиги, прося его о том, чтоб Гиги стал с ним, с вождем, единым целым. Не покорение скакуна важно для вождя, а то, что вдвоем с Гиги смогут они летать, чего поодиночке никто из них добиться не сможет. Покой племени нарушает опасный внешний враг — чудище Осьмихорр, которое насилует женщин самионов, после чего появляются на свет дети с разным цветом кожи (в соответствии с цветом каждого из восьми отростков Осьмихорра). Таким образом, насильственно, увеличивается популяция самионов и вносится разнообразие в эту популяцию.

В то же время в цивилизации самионов настает застой, когда после ранее упомянутого периода прогресса самионы теряют возможность к живорождению и воспроизведению себя. В попытке остановить вымирание было принято решение переносить геномы только что умерших на Земле детей. Таких детей называли клонариями или клоносамами. Решение оказалось удачным: клонарии, в отличие от «автохтонных» оносамов, могли производить потомство даже при условии брака с оносамом, вследствие чего было остановлено вымирание цивилизации.

Обратим внимание на поэтику цвета при анализе детей двух пластов повествования. Изменение цвета кожи детей, рожденных в результате нападений Осьмихорра: «К отрочеству становилось заметно, что разноцветны они: кожа их имела оттенки от желтого, синего, черного, красноватого цвета... Затем и от них пошли дети, но никто из них уже не имел кожи и волос первородного самионского цвета» [8. С. 26] — воспринимается как хотя и неизбежное, но несчастье, потеря самионской идентичности. Если сначала жертв нападений чудища и плоды этих нападений не стыдили, то затем потомки Осьмихорра стали менее уважаемыми в племени, нежели «чистые» потомки самионов. Более того, отмечался повышенный интерес к соитию, исходящий

от потомков Осьмихорра. Позже разноцветных детей стало так много, что рождение «чистого» ребенка вызывало удивление, и таких рожденных девочек всячески оберегали, чтобы они не знали нападения чудища равнины (известно, что одна такая девочка Е-во родилась через поколения).

А вот описание изменения цвета кожи потомков оносамов и клонариев: «К тому же, к радости первородных оносамов, доминирующий серо-сталистый-пепельный оттенок кожи автохтонов планеты, в новом потомстве клонариев имел несравненный по красоте теплый янтарный цвет» [8. С. 101]. Разительное различие наблюдается в выбранной лексике: если описание цвета потомков Осьмихорра дается простым перечислением, то цвет кожи детей клонариев и оносамов сопровождается эпитетами. Подобный выбор лексических средств дает понять читателю, что, несмотря на то, что в обоих случаях речь идет о пополнении популяции и увеличении как племени самионов, так и цивилизации оносамов, все же самионы не рады такому демографическому повороту, хотя со временем и приняли его как нечто неизбежное (вплоть до того, что рождение «чистых» детей ставило под сомнение репутацию самки — не скрывает ли она чего-то от соплеменников). Оносамы же, напротив, рады новому потомству: для них не так важно сохранить автохтонность, ведь само их существование поставлено под угрозу.

Особо стоит выделить и качество жизни двух обществ после «демографического взрыва». Общество самионов как будто приобретает большую жестокость в сравнении с автохтонным существованием. Связано ли это напрямую с повышенной агрессивностью в спаривании у потомков Осьмихорра — неизвестно. Скорее, это связано с необходимостью защищать «чистых» самок самионов от «полукровок», в связи с чем общество принимает новые законы и перестраивается на более авторитарный стиль правления племенем. Цивилизация же оносамов, напротив, позитивно настроена по отношению к клонариям: «Впечатляющие перемены произошли и в сознании оносамов, и в той деликатной сфере соития, которая без высокой этической цели деторождения превращалась в изощренную систему физиологического оргазма ради оргазма... К оносамам прежней формации возвращалась любовь, кипящая лава чувств, возвышенные эмоции, счастье-тревога ожидания потомства, нежность и инстинкт обережения детей» [8. С. 101]. Возможность клоносамов воспроизводить самих себя подарила обществу переход от застоя к стабильному возрождению, что сказалось не только на физическом существовании цивилизации, но и на ее душевном самоощущении.

Если проанализировать этот момент глубже, то становится понятно следующее: по косвенным замечаниям о повышенной агрессии потомков Осьмихорра [8. С. 26] можно сделать вывод, что они ментально отличались от автохтонных оносамов, то есть общество меняется, сталкиваясь с новой психической формацией своих членов. Клонарии же отличаются от автохтонных

оносамов лишь происхождением: геном человеческих детей схож с геномом оносамов, а их перенос на далекую планету в раннем возрасте позволял воспитывать их в этических нормах другой цивилизации [8. С. 101].

Однако идиличность картины, обрисованной в начале знакомства с цивилизацией оносамов, и в то же время дикость нравов племени самионов лишь кажущиеся. С племенем читатель знакомится постепенно; отрывки, описывающие бытование древнего общества, выполнены в манере мифа: мы можем услышать древние протяжные напевы, молитвы племени, чаяния соплеменников, наблюдать особые ритуалы и праздники. Важно то, что завораживающая картина жизни самионов порой жестока, но невероятно жизнеспособна. Племя впитывает в себя новое, преобразуя, казалось бы, не вполне подходящее во что-то величественное. Мы наблюдаем за тем, как появляется их письменность, формируется их культура, а затем — *память*. Цивилизация оносамов, напротив, в массе своей *память* теряет: прогресс смёл любые упоминания об обществе, предшествующем оносамам. Единственный способ проникновения простым наблюдателем в прошлое становится круг предствояния — и тот находится под контролем Эдикта всеобщего права и Вотума Посвященных, рядовой оносам не имеет к нему доступа. В описании жизни в целом оносамов использованы приемы антиутопии: идилическое существование, недоступность знаний о прошлом, идеологическая выверенность общества. В.И. Филатов в статье «Антиутопия XX в. как метод предвидения будущего» выделяет следующие функции этого жанра: рефлексивная, познавательная, прогностическая, идеологическая и охранительная [9].

С нашей точки зрения, наиболее важна прогностическая функция, тесно переплетающаяся с охранительной, — антиутопия «работает» на выявление нежелательных и даже опасных тенденций формирования утопического общества, как бы предвосхищает будущее, которое невозможно научно спрогнозировать и возможно только творчески постичь. Д. Накипов же склонен к скорее пессимистичному восприятию гипотетической реальности: «Мы живем в плену технологических утопий, глобализации СМИ и глобального эгоизма. Наступает эпоха саморазрушения. Уверен, через десять лет мир станет пустыней, как Европа после Второй мировой войны; теперь не только Европа. Мир в прелюдии мировой войны. Миром правит религия мести»¹. Таким образом, элементы жанра антиутопии весьма органично вписываются в авторский замысел, ведь творец всегда пытается осмыслить будущее исходя из анализа настоящего сквозь призму собственного мироощущения. Отчужденность оносамов и от землян, и от своих предков самионов, даже несмотря на наполнение «свежей кровью» общества, идеологически и идейно все еще остается

¹ Интервью. Мир глазами Д. Накипова // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=7466> 2016, 27 июля (дата обращения: 03.09.2020).

в застое. Несмотря на то, что жизнь оносамов, видимо, диаметрально противоположна жизни самионов, своей сутью эти две реальности оказываются неразрывно связаны, их существование зеркально. Рассмотренный выше эпизод пополнения популяции у самионов случается на заре формирования их общества, в то время как оносамы переживают это в своем декадансе. Названия двух народов так же зеркальны, как и их жизни. Автор приводит этимологию самоназвания древнего народа: «Когда самионы им дадут имена, первые: Она и Он. Сам. И — Они. Он и Она... Разум и речь... Самионы!» [8. С. 137]. В названии подчеркивается семантическая целостность двух объектов как аспекта биологически мужского и женского, так и разума и речи, при этом отмечается возможность независимости и самостоятельности этой целостности, при этом концовка слова «оны» указывает на общность таких целостностей. На контрасте с такой этимологией отзеркаленное название «оносамы» выглядит как нечто, в составе которого потерян один из необходимых для полноты жизни двух объектов, при этом концовка «самы» указывает на обособленность. Само название народа антиутопии пророчит ему нежизнеспособность, болезненную отделенность от своих корней и, как следствие, невозможность дать плодотворные ростки — при всей своей высокотехнологичности и, казалось бы, развитому социальному укладу автохтонные оносамы не могут размножаться.

При описании мира оносамов Накипов обращается к таким элементам антиутопии, как проблемы евгеники, отталкивание от утопии, индустриализация, особый топос, замкнутость пространства антиутопии. Два последних фактора особенно важны для понимания содержания романа. Жители Земли не подозревают о наличии у нее планеты-близнеца. Лишь некоторые гении, такие как Калмык (прообразом которого стал Сергей Калмыков, известный казахстанский художник), с помощью творческой потенции постигают этот факт, могут выразить его в искусстве; однако доказать его, как и вступить в контакт с оносами, они не способны. Однако, несмотря на воздвигнутые границы, безымянная планета оказывается тесно, фактически неразрывно, связана как со своим земным настоящим, так и со своим прошлым. Несмотря на то, что описание быта и законов «голубой» планеты достаточно сжатое, упоминания о нормах и условиях, в которых существует общество жителей планеты, достаточно ярко рисуют мир оносамов. Указывает Накипов и на подчеркнутую индустриальность, то есть неестественность жизни на «голубой» планете. Таким образом, читателю дается понять, что развитие индустриализации почти полностью поглощает собой исконную природу планеты, подменяет собой естественность и живость. Этот аспект явственно перекликается с нефтяной пищей из антиутопии Е. Замятина «Мы»². в связи с чем можно сделать однозначный вывод, что популяцию оносамов может ждать такое же

² Замятин Е. Мы // Сочинения. М.: Книга, 1988. Электронная версия. URL: <https://ilibrary.ru/text/1494/p.5/index.html> (дата обращения: 05.03.2024).

неутешительное будущее, несмотря на предпринятые меры, направленные на рост демографии на планете. Таким образом, Д. Накипов изображает картину общества антиутопии, находящегося в упадке своей жизнеспособности. Автор подчеркивает несостоятельность концепции отхода от естественности и «живой жизни», осуществляя прогностическую и охранительную функцию антиутопии. Накипов наглядно демонстрирует, к какому декадансу гипотетически может привести отказ от природности, естественности бытия, чем чревато желание заключить живую жизнь в рамки индустриализации, как пагубно может сказаться оторванность от корней и прошлого. По мысли Накипова, ни одна скрупулезно выверенная рафинированная условность не в состоянии породить свободы и по определению не может быть так плодотворна, как дикий, но яркий первобытный хаос. Кроме того, противопоставление племени самионов и цивилизации оносамов служит для выражения идеи, общей для казахстанских русскоязычных писателей, — идеи абсолютной связи всего сущего.

Связующим же звеном между пластами повествования становится традиционный казахский архетип круга. Уже в названии используется эта архетипическая фигура. Сакральный символ встречается в романе достаточно часто, он органично, а главное, не нарочито вписан в повествование: это и круг огня первобытного племени, и огненный круг фламенко Орнеллы Мути и Дока, и круги пепла памяти Гевры, в которых однажды закружились он и Балерина. Интересно, что круг в культуре самионов встречается дважды. Впервые — мертвый круг пепла при описании равнины, места жизни самионов. Второй раз — при описании ежегодного обряда, поддерживающего племенной миф о возрождении жизни. В культуре оносамов круг Предстояния становится местом, связующим мир оносамов и самионов. Где конкретно круги оносамов и самионов встречаются — в жизни ли, в смерти ли — этот вопрос открыт для читателя. Круги сопровождают героев романа на протяжении их жизней, четко проступая в переломные моменты, когда один герой осознает частицу себя через, даже сквозь другого героя. Наиболее распространенным образом романа становятся круги памяти, завораживающие наблюдателя, память уподобляется омуту, по которому расходятся круги воспоминаний, центром круга, порождающим движение памяти, становится запах, неясное предчувствие или цвет. Л.В. Гришкова в статье о хронотопе в романе Питера Акройда «Чаттертон» называет экфрасис объективацией хронотопа [11]. В случае с романом «Круг пепла» объективацией хронотопа, безусловно, выступает архетип круга.

Заключение

В одном из интервью Дюсенбека Накипова спросили, почему его роман называется «Круг пепла». Он ответил: «Когда мне было 9 лет, я проводил каникулы на джайлау. Аул решил перекочевать на другое место. Мои родные

что-то забыли и попросили вернуться, принести вещь. Я пришел в самом замечательном настроении на то место, где только что стояли юрты, и увидел круги пепла. Впервые я заплакал один на один с собой. Не знаю, почему. Там чувствовался запах вчерашних баурсаков, только что кипевшей жизни... Возможно, тогда во мне и проснулся поэт. Задумываюсь о времени. Очень сложно разомкнуть круги настоящего в прошлом. Мы вот с вами сейчас думаем, что живем настоящим, а на самом деле находимся в прошлом, а еще больше — в будущем»³. Эта мысль автора воплощается в романе, где круги событий, внешне не связанные друг с другом, все же встречаются в центральной точке «Алматы». Круг становится выразителем всеединства, идеи Абсолюта, которая прослеживается в творчестве русскоязычных казахстанских писателей. Можно с полной уверенностью говорить о едином хронотопе романа, а не об отдельных пространственно-временных континуумах повествования. Единство, неразрывная связь прошлого с будущим и важность сохранения этой связи, пусть даже наперекор кажущимся надежными «беспамятным» покою и порядку, — вот высшая идея романа «Круг пепла».

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2005.
3. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1986.
4. Сироткин Ю.Л. Антропологическая природа хронотопа М.М. Бахтина // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2022. № 3. С. 277–282.
5. Рябова М.Ю. Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 79–83.
6. Калимуллин Д.Д. Хронотоп в гуманитарном познании // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 10. С. 115–121.
7. Алтыбаева С.М. Казахская проза периода Независимости: традиция, новаторство, перспективы: монография. Алматы: Ылым, 2018.
8. Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы, 2005.
9. Филатов В.И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 84–86.
10. Гришкова Л.В. Хронотоп постмодернистского романа // Вестник Курганского государственного университета. 2009. № 2 (16). С. 80–82.

References

1. Bakhtin, M.M. 1975. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Khudozh. lit. publ. Print. (In Russ.)
2. Galperin, I.R. 2005. Text as an object of linguistic research. Moscow. Print. (In Russ.)

³ Интервью. Мир глазами Д. Накипова // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=7466> 2016, 27 июля (дата обращения: 03.09.2020).

3. Turaeva, Z.Ya. 1986. Linguistics of text: (Text: structure and semantics): textbook for pedagogical students. Moscow: Enlightenment publ. Print. (In Russ.)
4. Sirotkin, Yu.L. 2022. “Anthropological nature of M.M. Bakhtin’s chronotope.” *Izvestiya Sarat. Universita. Nov. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, no. 3, pp. 277–282. (In Russ.)
5. Ryabova, M.Yu. 2014. “Anthropocentrism of linguistic categories: chronotope.” *International Journal of Cultural Research*, no. 2 (15), pp. 79–83. (In Russ.)
6. Kalimullin, D.D. 2017. “Chronotope in humanitarian knowledge.” *Social and humanitarian knowledge*, no. 10, pp. 115–121. (In Russ.)
7. Altybaeva, S.M. 2018. *Kazakh prose of the period of Independence: tradition, innovation, prospects: monograph*. Almaty: Gylym publ. Print. (In Russ.)
8. Nakipov, D. 2005. *The Circle of Ash. A novel of intentions*. Almaty publ. Print. (In Russ.)
9. Filatov, V. I. 2014. “Dystopia of the 20th century as a method of predicting the future.” *Bulletin of Omsk University*, no. 4 (74), pp. 84–86.
10. Grishkova, L.V. 2009. “Chronotope of the postmodern novel.” *Bulletin of Kurgan State University*, no. 2 (16). pp. 80–82. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Овчеренко Ульяна Владимировна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0009-0004-8706-6906; E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Щенникова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы. ORCID: 0000-0001-8493-0827; E-mail: ninashenn@gmail.com

Bio notes:

Ulyana V. Ovcherenko is a Doctor of Philosophy in Philological Sciences, teacher of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. ORCID: 0009-0004-8706-6906; E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Nina V. Shchennikova is a Doctor of Philosophy in Philological Sciences, Assistant professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. ORCID: 0000-0001-8493-0827; E-mail: ninashenn@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-260-279

EDN: NIQDFB

Научная статья / Research article

Этническая и языковая самоидентификация Намжила Нимбуева в поэтическом дискурсе

Н.А. Токарева

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ tokareva_nadia@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению актуального вопроса в современном социогуманитарном знании: вербальной этнической и языковой самоидентификации этнически нерусских авторов в русскоязычном поэтическом дискурсе. А именно мы проанализируем творчество уникального русскоязычного поэта бурятского происхождения Намжила Нимбуева с точки зрения вербальной демонстрации автором его принадлежности к определенному этносу в языковом и этническом аспектах. Рассматривается единственный сборник поэта «Стреложенные молнии», изданный в 1972 г. Особое внимание в исследовании уделено понятиям идентичность, самоидентификация, этническая и языковая самоидентификация; выбрана классификация самоидентификации. В основной части представлен анализ стихотворений Н. Нимбуева на интересующую нас тему. Были выделены слова непосредственно бурятского языка, национальные номинативы, прямые описания самоидентификации («я бурят»), косвенные, основанные на сравнениях и др. Рассмотрено отношение поэта к русскому и бурятскому языкам. В конце работы сделаны выводы о том, что автор самоидентифицирует себя с современным бурятом, выражающим национальную картину мира через русский язык.

Ключевые слова: поэзия, идентичность, этническая самоидентификация, языковая самоидентификация, Намжил Нимбуев

История статьи: поступила в редакцию 26.01.2024; принята к печати 19.03.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Токарева Н.А. Этническая и языковая самоидентификация Намжила Нимбуева в поэтическом дискурсе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 260–279. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-260-279>

Ethnic and Linguistic Self-Identification of Namzhil Nimbuev in Poetic Discourse

Nadezhda A. Tokareva

RUDN University,
6 Mikhlukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the study of a topical issue in modern socio-humanitarian knowledge: verbal ethnic and linguistic self-identification of ethnically non-Russian authors in Russian-language poetic discourse. Namely, we will analyze the work of a unique Russian-speaking poet of Buryat origin Namzhil Nimbuev from the point of view of the author's verbal demonstration of his belonging to a certain ethnicity in linguistic and ethnic aspects. This article examines the poet's only collection "Hobbled Lightning", published in 1972. The article has a brief theoretical introduction: the concepts of identity, self-identification, ethnic and linguistic self-identification are considered, the classification of self-identification is chosen. The main part of the article presents an analysis of N. Nimbuev's poems on the topic of interest to us. The words of the Buryat language, national nominatives, direct descriptions of self-identification ("I am a Buryat"), indirect ones based on comparisons and others were singled out. The poet's attitude to the Russian and Buryat languages is considered. At the end of the work conclusions are made that the author self-identifies himself with a modern Buryat, expressing the national picture of the world through the Russian language.

Key words: poetry, identity, ethnic self-identity, language self-identification, Namzhil Nimbuev

Article history: received 26.01. 2024; accepted 19.03.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Tokareva, N.A. 2024. "Ethnic and Linguistic Self-Identification of Namzhil Nimbuev in Poetic Discourse." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 260–279. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-260-279>

Введение

Познание человека и его бытия в филологической отрасли знания приобрело особую научную значимость в последние пять десятилетий, начиная с факта признания необходимости антропоцентрического поворота в языкознании / лингвистике. Антропоцентрический принцип выдвинул новые задачи не только в науке о языке, но и в литературоведении. Особенно в течение последних пятидесяти лет в работах многих ученых-филологов проводится идея необходимости изучения человека в языке и языка человека. Как отмечал фундаментальный теоретик языка Ю.С. Степанов, «ни один крупный лингвист... не миновал вопроса об антропоцентризме в языке» [1. С. 49].

На современном этапе развития признание принципа антропоцентризма в языкознании и литературоведении и в целом в дисциплинах филологического цикла обуславливает необходимость изучения человека в языке в широком социально-культурном контексте. В связи с этим перед филологичес-

кой наукой стоят актуальные задачи, обусловленные необходимостью изучения языковых явлений в тесной взаимосвязи с коммуникативной деятельностью человека.

В концепции антропоцентризма выдающегося французского лингвиста Э. Бенвениста (1902–1976), сформулированной им в фундаментальном труде «Общая лингвистика» (2002), язык рассматривается как возможность реализации личностного начала в человеке. По Э. Бенвенисту, отобразить человека без языка и изобретающего себе язык невозможно. «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект» [2. С. 293].

М.А. Лаппо отмечает, что самоидентификационный дискурс носителя языка является сравнительно новым объектом лингвистических исследований, и выделяет «следующие основные направления ее изучения: 1) языковая идентичность, язык как признак принадлежности к этносу, нации (Быкова, 2007; Edwards, 2009, Валуйцева, Хухуни, 2009; Маркова, 2010; Рассоха, 2012; Бушев, 2013); и 2) конструирование, или выражение, разных видов идентичности, в нашем случае этнической (ван Т. Дейк, 1989; Wodak, 1999; Antonyan, 2012; Резанова, 2012; Гридина, Коновалова, 2016; Лаппо, 2018)» [3. С. 3].

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что термин «самоидентификация» является производным от термина «идентичность», поскольку обозначает процесс поиска идентичности, ответа на вопросы «кто я?» и «какой я?» [3. С. 13], и, по словам Л.В. Кривых, «любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир» [4. С. 131].

В общепринятом понимании под языковой идентичностью понимается причисление себя к определенной группе людей, которые говорят на вашем языке. А этническая самоидентификация — это сознательный акт этнического самоопределения человека, отнесения самого себя к определенной этнической общности¹.

По словам М.А. Лаппо: «вербальная самоидентификация включает в себя выражение и описание идентичности. В вербальном конструировании идентичности, так же как и в любом другом высказывании с определенной ведущей семантикой, используются средства всех уровней языка» [3. С. 10].

В ходе исследования мы решили остановиться на анализе языковой и этнической самоидентификации творческой личности, а не идентичности. Так как самоидентификация является наиболее личностным и глубинным описательным процессом, у нас есть возможность проследить разные стадии на пути определения своей идентичности поэтом, окунуться в его переживания и конфликты, а также вместе с Н. Нимбуевым, возможно, прийти к «свету»,

¹ Этнология: современный словарь-справочник / под ред. Г.Т. Тавадова. Национальная энциклопедическая служба России (НЭС), 2007: электронная версия. URL: <https://voluntary.ru/termin/etnicheskaja-samoidentifikacija.html> (дата обращения: 18.09.2023).

найденному решению, осознанию на определенном этапе жизни своей идентичности (результат) с помощью самоидентификации (процесс). Нас, в первую очередь, интересует личное самоощущение поэта, его поиск себя и взгляд на самого себя. Заметим, что вербальная самоидентификация в поэтическом тексте представлена явственно, поскольку любой поэт обладает высоким уровнем лингвокреативности и имеет стремление к самоактуализации.

Важно отметить, что идентичность и самоидентификация не всегда совпадают. Язык как маркер идентичности необязательно свидетельствует о том, что личность самоидентифицирует себя с народом, говорящим на данном языке (например, ребенок эмигрантов из России, плохо говорящий на русском, но считающий его родным языком).

Также подчеркнем, что языковая и этническая идентичности тоже могут быть различны, если изменилась языковая самоидентификация, но сохранилась этническая (например, для советских людей всех национальностей основным государственным языком общения являлся русский язык, в связи с чем общение на родном национальном языке могло, в определенных случаях, сводиться на нет. Но тем не менее такой человек мог самоидентифицировать себя именно со своим этносом). И отметим, что личность может испытывать трудности с языковой идентичностью и самоидентификацией (если, например, в равной степени владеет двумя языками).

В данной статье мы проанализировали некоторые стихотворения, а также фрагменты стихотворений сборника Н. Нимбуева «Стреноженные молнии» с семантикой конструирования этнической и языковой идентичности. Нами были отобраны стихотворения, в которых встречается безэквивалентная лексика («чужие» реалии), относительно безэквивалентная лексика (пассивный словарный запас носителя русского языка, связанный с жизнью бурят); художественные тексты, где субъект (поэт) прямо номинирует свою принадлежность к бурятскому народу или сравнивает себя с ним (союз «как» или форма творительного падежа существительного); стихи, посвященные бурятам, Бурятии, предкам, степи как «дому» буряты, а также произведения, в которых упоминаются животные, предметы быта, культура и традиции жителей Бурятии и т. д.

Обсуждение

Реализация этнической и языковой самоидентификации в сборнике стихотворений Н. Нимбуева «Стреноженные молнии»

Намжил Нимбуев (1948–1971) — уникальный русскоязычный поэт бурятского происхождения, писавший свои произведения как на русском, так и на бурятском языках. Венцом творчества поэта стал подготовленный

им самим, посмертно вышедший сборник стихов «Стреноженные молнии» (1972 г.). Наибольшее число произведений автора написано на русском языке, однако характер творчества писателя позволяет в полной мере относить автора к транслингвальным писателям.

В данной работе мы рассмотрим этническую и языковую самоидентификацию Н. Нимбуева как описание идентичности говорящего, анализируя его сборник стихотворений «Стреноженные молнии». В исследовании мы будем опираться на классификацию М.А. Лаппо, представленную в ее диссертационном исследовании «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности» (2018 г.). Исследователь выделяет: 1) прямое описание; 2) косвенное описание; 3) скрытое описание [3. С. 18].

Прямое описание самоидентификации

К проявлению прямой самоидентификации относятся, в первую очередь, слова национального языка, которые выражают и закрепляют чувство принадлежности говорящего к какой-либо нации / этносу. Интересно, что автор использует совсем небольшое количество слов на бурятском. А именно нам удалось найти только одно слово на бурятском языке, для которого потребовался перевод: «хулэг», что значит «конь». И относительно немного национальных слов, которых нет в общем употреблении по всей территории России: *гутулы* — бурятская обувь из сукна, войлока и кожи (носки и голенища украшались аппликациями из кожи в виде хищных птиц, завитков и замкнутого узла; носки гутулов слегка изогнуты вверх из уважения к земле, чтобы не причинять ей вред); *унты* — разновидность утепленных сапог из разных видов меха; *хурчи* — соленый чай с молотой пшеницей; *хур* — монгольский и бурятский двухструнный смычковый музыкальный инструмент; *ёхор* — древнейший бурятский ритуальный танец; *улус* — поселение, деревня; *кошар(а)* — овчарня, загон для овец; *арба* — высокая двухколёсная повозка; *чалдонка* — название коренных русских в Сибири и их потомков. Как мы видим, это этнографическая лексика (наименования предметов и явлений традиционного быта): названия национальной одежды, напитков, музыкальных инструментов, танцев, предметов обихода и пр. Также топонимы: *Хамар-Дабан* — горный хребет на юге Восточной Сибири в Южном Прибайкалье, большей частью в пределах Республики Бурятия. И имена собственные: *Чимита* Григорьевна Шанюшкина — советская бурятская оперная и эстрадная певица (сопрано), народная артистка РСФСР (1978).

Встречаются слова, характеризующие национальный колорит: *пастух, отара, стада, овчина, верблюды, орлы, юрты, кочевой, монголка, стрелы, газелевка, смуглянки, спелые дыни, буддийское кладбище* и пр. «Тонконогие» лошади упоминаются не один раз и слова, связанные с ними: *табуныщик,*

копытный цокот, появляются сравнения других явлений со свойствами коней: *долгогривая пыль*. Как отмечает У.М. Бахтикиреева: «художественный текст содержит не только образ или модель определенного отрезка мира (номинативного содержания), но и отображение присущего автору взгляду на мир (коммуникативное содержание)» [5. С. 101]. С помощью слов на бурятском и монгольском языках автор воссоздает яркий, осязаемый, слышимый мир, до этого незнакомый русскому читателю, это помогает лучше проникнуть в реалии бурятского народа, увидеть мир глазами Н. Нимбуева, понять, что для него является понятным и обыденным, существенным и сущностным.

Также в сборнике стихотворений Н. Нимбуева мы находим большое количество прямых самоидентификаций, где автор сам называет себя бурятом. В данном случае самоидентификация выступает как описание идентичности говорящего субъекта — это рефлексивный процесс и номинативная стратегия причисления себя к группе, категории людей, какой-либо социально-психологической общности [3. С. 16]. Одно из стихотворений носит соответствующее название: «Бурятский поэт»: «*Я призван степь воспеть...*»; в стихотворении «Разговор с веком» мы читаем: «*Я — XX века бурят, / скотоводов безвестных потомок*»; в «Телепатии»: «*Я бурят, / я песчинка огромной оранжевой Азии, / капля охры / в ее разноцветном многообразии*». В стихотворении «Кинуть в лужу дохлого Пегаса» автор мечтает проявлять себя как бурята: «*в родную степь свалиться по весне / еще одним восторженным бурятом*»².

Интересно, что встречаются также примеры того, как поэт выражает горячее желание быть настоящим бурятом. И, с одной стороны, он демонстрирует свое несоответствие этому желанному идеалу, а с другой — надеется быть таковым и отважно продолжает дела своих предков, становясь их преемником. Здесь мы находим и прямое, и скрытое описание самоидентификации:

*«Умереть бы в седле
со стрелой под сердцем,
как истый бурят!»
...Ах, опять размечтался,
неможный интеллигент»³.*

В данном случае мы имеем дело с прямой самоидентификацией — «неможный интеллигент», косвенной — «как истый бурят» (сравнение) и скрытой — «в седле», «со стрелой под сердцем». «Седло» и «стрела» здесь выступают не нейтральными, а этнически наполненными словами, олицетворяющими жизнь и смерть настоящего кочевника.

² Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024).

³ Нимбуев Н. Умереть бы в седле // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=51> (дата обращения: 23.01.2024).

*Мой дед выкашивал
гектар травы на дню.
Весной он умер.
Я – внук его.
Эй, кто одолжит мне литовку?*⁴

*Сегодняшней ночью
приснился мне смуглой предок.
Он пел в изголовье гортанные песни
и с жалостью щупал мои
прямые, оглоблями, ноги*⁵.

Здесь видим как прямую самоидентификацию — «смуглый предок», т.е. кочевник, поющий «гортанные песни», характерные для бурят, так и скрытую — «прямые, оглоблями, ноги», которые абсолютно не соответствуют образу настоящего буряты, так как у народов, постоянно находящихся в седле, ноги искривлены, что помогает крепче сидеть в седле и быстрее перемещаться на коне. Поэт вместе со своим предком сожалеет о потере идентичной формы своих ног как о потере некоей связи со своим народом.

Н. Нимбуев неоднократно пишет в своих стихах о Бурятии с любовью, а иногда и болью, называя ее родиной, отчизной, домом:

*Крохотным знаменем
над планетою бьется
отчизна моя —
Бурятия*⁶.

*Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом —
румяным краснощеким яблоком —
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его...
И нет времени слезы вытереть*⁷.

⁴ Нимбуев Н. Мой дед выкашивал // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=75> (дата обращения: 23.01.2024).

⁵ Нимбуев Н. Сегодняшней ночью // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=61> (дата обращения: 23.01.2024).

⁶ Нимбуев Н. Крохотным знаменем // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=81> (дата обращения: 23.01.2024).

⁷ Нимбуев Н. Стою на планете // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=62>

*Вдали, на чужбине,
о родине мысли
светлы и прекрасны.
Острей ощущаю:
она у меня одна⁸.*

*Полгода в седле мне качаться
до марев табунной отчизны.
Тоскую о ней и волнуясь
как будто ребенка
оставил в дому без присмотра⁹.*

В стихотворении «В родном улусе» дается идеалистичная картина жизни на родине автора. Поэт с любовью описывает жителей своего поселения: женщин, парней, стариков, детей. Их существование в этом пространстве приобретает новые вневременные характеристики: они живут в единении с природой, Космосом, они сами превращаются в нечто большее, становятся плотью и красотой Вселенной.

Тема отчизны в творчестве Н. Нимбуева неотделима от описаний степи:

*...Хребтом почуять: дом твой где-то рядом,
рыдать о нем роженицей во сне,
в родную степь свалиться по весне
еще одним восторженным бурятом;
скуластые вокруг увидеть лица,
от радости звериной ошалеть,
расплакаться, в душе не пожалеть
о людной белокаменной столице...¹⁰*

*Я призван степь
воспеть.
Но тягостный пейзаж
так однолик, невзрачен!
Скудна моя палитра:*

⁸ Нимбуев Н. Вдали, на чужбине // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=59> (дата обращения: 23.01.2024).

⁹ Нимбуев Н. Полгода в седле мне качаться // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=78> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁰ Нимбуев Н. Кинуть в лужу дохлого Пегаса // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=136> (дата обращения: 23.01.2024).

*в цвета два
раскрашивать я должен полотно —
оранжевый и синий*¹¹.

В стихотворении «Возражение незнакомцу» Н. Нимбуев ревностно защищает родную Бурятию, когда кто-то не замечает ее уникальность: «*Не равняй Бурятию с Кавказом*» — эта фраза повторяется рефреном. Автор подчеркивает свою самоидентификацию словами: «*Здесь у нас*»:

*У степей, где вырос я когда-то
Красота святая и своя,
Ты попробуй позови бурята
За собой в далекие края.*

*Посули рубли ему мешками,
Золотые горы посули.
Он смущенно разведет руками —
Мол, корнями ноги в степь вросли.*

*Смуглая, скуластая бурятка
Выйдя в степь с отарой по утру
Вместе с песней весело и гладко
Вяжет песни, сидя на юру*

*Ласково тугое небо бьется
О подошвы стоптанных унтов
Через сердце стадо мерно льется
Тысячею пенистых валов*

*А табунщик неумело вроде
Хур ласкает медленно рукой,
Пара струн — и тысяча мелодий,
И одна напевнее другой*¹².

Связь и диалог с предками как попытка осознать свою идентичность часто встречаются в строках автора. Например, в стихотворении «Осень в еравнинских лесах» поэт жалеет о том, что время разделяет его с праотцами, он страстно желает воссоединения с ними, чтобы стать цельным, чтобы спеть свою истинную песню:

¹¹ Нимбуев Н. Бурятский поэт // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=85> (дата обращения: 23.01.2024).

¹² Нимбуев Н. Возражение незнакомцу // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=55> (дата обращения: 23.01.2024).

*Все является мне
в приглушенной годами беседе
мудрых предков,
ушедших из этих степей,
не дождавшись меня,
не дождавшись меня.
<...>
Где мой хур,
тонкошей тоскующий хур,
что закопан в степи моим предком?*

*Где мой хур?
Песня сердца
быть спетой желает
и щекочет уста¹³.*

«Для Н. Нимбуева всегда было важно для личностной самоидентификации осознать судьбы своего народа, родной культуры в условиях современности, с ее огромными темпами модернизации жизни», — подчеркивает исследователь бурятской литературы И.В. Булгутова [б. С. 110].

Обращаясь к рыжеволосому буряту в одноименном стихотворении, Н. Нимбуев повторяет: «*О брат, мой брат, сородич обрусевший! Тебя ни в чем я упрекать не смею. / О брат, мой брат, бурят солнцеволосый!*», таким образом идентифицируя себя также с бурятским этносом. Автор не отрицает своего происхождения, не стыдится его, с уважением относится к своей нации. И в то же время понимает, что и в нем, как и в молодом рыжеволосом человеке, который «говорит» и «думает по-русски», борются историческая память и современность с песнями «битлзов, Азнавура, Маркарьяна», «Адамо» и «Такарацуки». Тем не менее, хотя герой стихотворения и не знает ёхор, не владеет бурятским языком («собирает редкие обрывки когда-то слышанных бурятских фраз и в цепь единую пытается выстроить»), он все равно остается бурятом:

*...И все же в нем бурятское осталось,
и оттого над временем смеюсь я:
торчащие упрямо скулы,
как сжатые крутые кулаки,
и ноги голенастые, кривые,
как разошедшийся железный обруч,*

¹³ Нимбуев Н. Осень в еравнинских лесах // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=60> (дата обращения: 23.01.2024).

*и жгучие раскосые глаза,
сверкающие остро под бровями...*¹⁴

Исследователи замечают, что «язык также выступает в большей мере символическим маркером этнической общности людей: они могут не пользоваться языком в повседневной жизни и не владеть им в достаточной для общения мере, однако могут рассматривать его в качестве важного маркера, отличающего их от представителей других этнических групп» [7. С. 39].

Важно особо подчеркнуть, что, испытывая сыновнее почтение к предкам, Н. Нимбуев осознает, что является современным человеком. В стихотворении «Разговор с веком» он, на наш взгляд, наиболее целостно самоидентифицирует себя. Здесь есть описание его связи с современностью: «*Каменный город — / моя колыбель*»; отношение к русской речи: «*она — / материнскую кровью во мне*»; но тем не менее песня столетнего деда невероятно сильно влияет на поэта: «*почему я слабею, / рыдания горло мне душат, / а глаза набухают, / вдруг огромней от слез становясь?*». Ведь именно песня, сберегающая духовное наследие предков в его первозданности, осознается одним из последних рубежей памяти национальных традиций [6. С. 107].

*...Ты ведь предков достойный потомок,
оттого голоса их живучи в тебе.
Прошлое тоже прекрасно,
но прекраснее завтрашний день.
Это пращурсы знают
и тебя не винят, —
говорил мне мой разум*¹⁵.

Поэт прежде всего хочет быть честным с самим собой, чтобы понять кто он, в том числе через творчество, ведь настоящая поэзия не может лгать, она раскрывает истинное в авторе и жизни. В стихотворении «Муза» у Н. Нимбуева не получается воспеть историю Чингисхана, «*уходящее время кочевий*» — муза реагирует на эти желания молчанием. Но стоит поэту вспомнить про настоящую жизнь, окружающую его и жаждущую воплотиться в стихе, как появляется вдохновение и рождаются строки и «*водосточная труба / вдруг распустилась белыми цветами*»¹⁶. Творчество как бы учит автора, что

¹⁴ Нимбуев Н. Рыжеволосому буряту // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=77> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁵ Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁶ Нимбуев Н. Муза // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=83> (дата обращения: 23.01.2024).

нельзя быть настоящим, истинным собой, живя лишь прошлым, осознавая не свою реальность.

Также поэт требует искренности от других, например, в стихотворении «Русским поэтам»: *«Не довольно ли петь, / утирая вчерашние слезы», «Навсегда, навсегда ведь / истлели / дух и плоть азиатской орды», причисляя себя опять же не к русским, а к народам Востока: «И народы Востока — / тех варнаков сегодняшней день — / после мрачного сна пробуждаясь, / протянули вам смуглые руки»¹⁷.*

Косвенное описание самоидентификации

Косвенная самоидентификация выражается при помощи сравнений, относящихся к национальной вере, например, в стихотворении «Ноги мои, заключенные в тесную обувь»: *«как шаман в исступленном экстазе!»¹⁸. А также прослеживается самоидентификация через зооморфные образы животных, характерных для Бурятии. В стихотворении «Я не узнал свое отражение в воде» автор пишет: *«Глядит на меня / тонкомордый стройный олень, / и рога его запрокинуты в небо»* или *«Скуластым бурым волком, / я рыскал этой ночью»* в одноименном стихотворении. Особенно важна самоидентификация с одним из символов отчизны, животным наиболее дорогим сердцу кочевника:*

*Буряты коня укрощают.
Он ржет сиротливо и бьется в уздечке,
страшась распрощаться с детством.
И я был таким же упрямым и сильным
пять весен назад¹⁹.*

Н. Нимбуев так описывает свою внешность, противопоставляя ее внешности славянина (подчеркивая свою «нерусскость») и добавляя новые коннотации: *«Несу в толпе свой азиатский лик. / И он плывет среди рыжих, русских прядей / скуластым изваянием Будды»²⁰.*

¹⁷ Нимбуев Н. Русским поэтам // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=80> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁸ Нимбуев Н. Ноги мои, заключенные в тесную обувь // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=137> (дата обращения: 23.01.2024)

¹⁹ Нимбуев Н. Буряты коня укрощают // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=73> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁰ Нимбуев Н. 20 октября 1967 года // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=72> (дата обращения: 23.01.2024).

Скрытое описание самоидентификации

Скрытая самоидентификация как результат выводного знания, достраиваемого адресатом самостоятельно, на основе имеющихся у него сведений о мире [3. С. 18], на наш взгляд, встречается у Н. Нимбуева довольно редко. Отчасти под данное описание могут подойти следующие стихотворения, проникнутые мечтой слияния с национальным:

*Придумать бы длинную песню,
идя за стадами.
Всю жизнь ее петь,
до самой могилы петь.
Потомкам в наследство оставить²¹.*

В данном стихотворении обращает на себя внимание словосочетание «длинная песня», отсылающее нас к культуре кочевника. Именно такое определение «настораживает» слух русского читателя, так как это описание не является для него характерным (песня не «грустная», «залихватская» и пр., более привычные для русских песен). Песня буряты длинна, как и его путь следования за стадами (второе важное слово-маркер, свидетельствующее о самоидентификации Н. Нимбуева), о котором говорится дальше. Кочевники постоянно вынуждены перемещаться за своими стадами, быть в дороге, поэтому и песня оказывается не просто длинной, а, своего рода, нескончаемой (дорога = песня = степь). Песня длиною в жизнь, во всю закольцовывающую бесконечность тех, кто вырастал и умирал в седле, и их потомков, которые последуют примеру и будут петь эту песню, передавая ее последующим поколениям. Так и сам автор такой песни останется навсегда жить в своем народе, в своей степи. Поэт говорит о вечном движении кочевников, к которым хочет быть причастен. Отдать свое сердце песне, сочиненной в процессе проживания основной деятельности кочевого народа, а затем самому стать песней, душой этого народа — это и есть наиболее глубокое и сокровенное желание поэта. Такое стремление к единству с родным народом явно свидетельствует о том, что автор самоидентифицирует себя с кочевником-бурятом.

*Мой старый дед всегда возил с собой
морщинистое рваное седло.*

²¹ Нимбуев Н. Придумать бы длинную песню // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=10> (дата обращения 23.01.2024).

*Чудак он был,
свихнувшийся рассудком.
И все же седло я выбросить не смею²².*

В этом поэтическом тексте маркером скрытой самоидентификации становится «седло» как важнейшая вещь в жизни кочевника. Седло «морщинистое» и «рваное», значит, использовалось постоянно и много лет, что тоже подтверждает мысль о том, что принадлежало оно именно кочевнику, для которого движение по степи на коне за стадами — это жизнь. Поэт подчеркивает невозможность для себя расстаться с этим, казалось бы, бесполезным для него в современной жизни предметом, оставшимся от «чудного» дедушки. Для деда седло было чем-то очень ценным, возможно, символизировало Родину или образ жизни бурята. Поэт чувствует эту духовную ценность, воплощенную в старом седле, и не может отказаться от него, как и не может отвергнуть свое национальное. В данном стихотворении Н. Нимбуев принимает «эстафету» от своих предков, становясь частью кочевого народа, пусть и в XX в.

Таким образом, мы видим, что большинство описаний самоидентификации у поэта реализуется прямо (прямая самоидентификация), также встречается косвенная самоидентификация, относящая нас к образам бурятского мира, и скрытая самоидентификация, как разновидность косвенной, которая осуществляется крайне редко. Нам кажется, что такой выбор говорит о том, что горячее сердце молодого поэта четко осознавало свою этническую самоидентификацию, страстно желало быть причастным к своему народу, доказывая, прежде всего себе, кем он является.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Н. Нимбуев **самоидентифицирует себя с бурятом, с современным молодым бурятом**, помнящим свои корни, но воспевающим не только прошлое, но и время, актуальное для автора. Он понимает, что Бурятия — это его настоящий дом, о котором все мысли и переживания, но в то же время поэт определяет себя как бурята XX в., человека современного и интересующегося как прошлым, так и настоящим. Он видит красоту и жизнь и в урбанистической Москве, и в бурятском ауле. Поэт молод — его сердцу откликается и скорость, суэта городов, и размерность, тишина степи. Наиболее часто автор использует прямое описание самоидентификации, открыто, четко и эмоционально манифестируя свою этническую идентичность.

Далее рассмотрим отношение автора сборника «Стреноженные молнии» к языку, на котором он говорит и творит.

Необходимо отметить, что, по словам ученых, «в случаях, когда некоторые представители этноса отходят от своего этнического языка, он все же

²² Нимбуев Н. Мой старый дед всегда возил с собой // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=98> (дата обращения: 23.01.2024).

сохраняет роль этнического символа и определяет внутреннюю настроенность человека на исполнение заложенных в нем с детства этнокультурных норм. Самоидентификация индивида в качестве представителя определенного этноса совсем не предполагает наличие однозначно позитивной связи с языком, который символически ассоциируется с этой этнической общностью» [7. С. 40].

Поэт говорит и пишет стихи на русском, при этом открыто и часто подчеркивает, что является бурятом. Но имеет место противоречие. В стихотворении «20 октября 1967 года» поэт цитирует слова «старухи русской», обращенные к нему: «Напрасно лжешь так истово, любезный! / Вы говорите слишком безупречно / на нашем языке великороссов, / и по сему свой в доску человек²³». Знание русского языка в глазах людей причисляет автора к русским. Однако можно проследить, что, даже говоря, что русский язык «материнскою кровью во мне²⁴», Н. Нимбуев не может отрицать, что этнический язык действует на него гораздо сильнее, сокровеннее, приобретая черты чего-то экзистенциального:

Кто, кто окликнул меня на моем языке?

*В голосисто-хрустальном безлюдье
изумрудно-зеленые взрывы
подмосковных берез.*

Тень крыла на лице²⁵.

Повторим, что уровень идентичности определяется прежде всего предпочтением языка, а не его реальным использованием [7. С. 42].

Однако такая «разноголосица», «величайшая путаница рас» не может не отразиться на авторе. По нашему мнению, в стихотворении «Рыжеволосому буряту» поэт посвящает данные строки не только тому молодому человеку, но и себе, который понимает, каково находиться в таком противоречии:

*...Ты — молодое деревце,
с мольбою воздевшее худые руки-ветви
на поле грозной и кровавой брани*

²³ Нимбуев Н. 20 октября 1967 года // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=72> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁴ Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁵ Нимбуев Н. Кто, кто окликнул меня на моем языке? // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=105> (дата обращения: 23.01.2024).

*меж русской горделивой ратью
и пыльными туманами Батыя*²⁶.

Такое положение «между» на поле сражения: с одной стороны, жертва и гибель, непонимание и отсутствие полного принятия с обеих сторон, а с другой — миротворчество, тот, кто понимает и тех и других. Мольба «худых рук-ветвей» кажется слабой — что может столь тонкое и хрупкое на первый взгляд существо, да еще и в одиночку? Но в действительности только гибкость и молодость имеет силу²⁷.

Рассмотрим одно из самых ярких стихотворений Н. Нимбуева на интересующую нас тему «Русский язык». Поэт образно показывает соотношение русского и бурятского в своей душе, называя русский язык «голубем», а бурятскую речь, которая проявляется через русский язык, — «беркутенком».

Не случаен и выбор именно этих птиц. Голубь — это символ мира, чистоты, любви, безмятежности, надежды. Именно эти качества ассоциируются у Н. Нимбуева с Россией и русским в себе. Колокольня также дополняет этот образ, относя нас к православной вере христиан России. Характерно, что голубь поэта не спокоен, он вьется, воркует, как язычок колокола, с помощью которого раздаются звуки, охватывающие огромные пространства. Так и голос Н. Нимбуева, молодого, динамичного и смелого поэта, прорезает пространства и время.

Беркут же является неофициальным символом Бурятии: эти птицы — самые крупные из орлов республики, ныне занесенные в Красную книгу. Гордый беркут также олицетворяет силу, смелость и долголетие. Культ этой птицы присутствует во многих преданиях и легендах. У шаманов Бурятии беркут символизирует духовное возрождение [8. С. 44]. Но даже в самом наименовании птиц мы видим зажатое, загнанное, недоразвитое положение этнического в авторе, так как используется уменьшительно-ласкательная форма слова. Мы понимаем, что это маленький беркут или птенец, еще не выросший в величественную и опасную птицу.

В данном художественном тексте присутствуют мотивы далекого прошлого, древних истоков поэта — нынешняя территория Бурятии издревле принадлежала монгольским племенам. Звучит тема чувства вины перед предками: поэт будто предал их, став «блудным сыном». Это подтверждается тем, что беркутенок не свободно летает, как голубь, а «сидит», и не в свободном

²⁶ Нимбуев Н. Рыжеволосому буряту // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=77> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁷ «Слабость велика, сила ничтожна. Когда человек рождается, он слаб и гибок. Когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево произрастает, оно гибко и нежно, и когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому, что отвердело, то не победит» — Лао-цзы.

пространстве, а в «подъязычье». Но тем не менее птенец имеет огромную власть над автором: крылья беркутенка жесткие, в отличие от нежного голубя; он захватывает речь поэта мгновенно («едва захлопает жестким крылом»), непреодолимо («врываются в речь мою русскую властно / гортанные, хриплые, смутные звуки») и неожиданно («внезапно»). Для нас важно подчеркнуть, что эти звуки, характерные для бурятской, но не русской речи, воспроизводятся все же средствами русского языка:

*...И речь моя русская пахнет внезапно
 полынной степью, звездой, табунами,
 скрипучим седлом, и гарцующим в нем
 удальцом, и скачущей с песней к нему
 с горизонта чернявой девчонкою —
 дочерью солнца...*

Далее поэт дает негативные образы такой русской речи: «Ты желчной старухой, базарной торговкой / орудуешь шумно в гортани моей — / в лавчонке своей». Здесь он использует слова низкого стиля, с пренебрежительным оттенком.

Передача всего бурятского, что есть в поэте, через русскую речь приводит автора к диссонансу, который разрывает его душу и приводит к отрицанию себя («до злости слепой, себе становлюсь я противен»). Звуки его речи становятся как «оскорбленная пчела», мечущаяся, ищущая свободы и кусающая — даже самых близких — от безвыходности и обиды («Свирепые звуки укусом пчелы оскорбленной терзают друзей»).

Но затем, после всех внутренних страданий и несоответствий, поэт говорит о том, что подобное единение картины мира бурята, воспроизводимой русским языком, все же возможно: «Ты горным ручьем низвергаешься гулко, / и в струях жемчужных сверкают форелью / изящность Европы и хмурая ласка Востока...». При помощи образов воды автор демонстрирует некое неотвратимое обновление, новое рождение себя в двуязычии, принятие в себе, казалось бы, несовместимого: Востока и Запада. Он осознает уникальность своей речи, видит ее созидательную силу: «И светлые брызги твои посевают в умах человеческих / ландыши мыслей»²⁸.

Таким образом, в стихотворении «Русский язык» Н. Нимбуев проходит через разные стадии в отношениях со своим языком: разграничение русской речи и бурятского духа, прорывающегося в русском языке автора; различение и оценивание их; негодование от их сосуществования в себе и, наконец, принятие своеобразия своей языковой парадигмы.

²⁸ Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024)

Следует отметить, что самоидентификация в творчестве Н. Нимбуева выражена не только с помощью наполнения поэтического текста национальным содержанием, нестандартными для русского уха эпитетами, метафорами, сравнениями и пр. Необычна сама форма. Поэт отступает от классического силлабо-тонического стихосложения, характерного для русской поэзии, и пишет верлибром. Считается, что родоначальниками верлибра были французские поэты-символисты конца 1880-х гг. Однако, читая стихи Н. Нимбуева, облеченные в эту стихотворную оболочку, не возникает ассоциаций с западной литературой. Русскому читателю стихотворения бурятского поэта, с большей вероятностью, напоминают японские хокку, отсылая исключительно к восточной культуре. Все потому, что поэт чувствовал связь свободного стиха и монгольской поэтики. Автор считал, что нельзя соответствовать классической форме в ущерб содержанию. Он «лепит» свое национальное из «глины» русского языка. Исходя из этого, можно утверждать, что Н. Нимбуев смог выразить сердце бурятского народа средствами русского языка, делая его как бы похожим на бурятский язык. Или, как отмечает Е.Н. Кремер: в «языковой оболочке» русского языка закодированы иные культуры [9. С. 113].

Заключение

Мы согласны с исследователем М.А. Лаппо в том, что идентичность нуждается в постоянной проверке и утверждении, связана с эмоциями и ценностями говорящего [3. С. 21], именно поэтому произведения Н. Нимбуева, связанные с темой самоидентификации, наиболее эмоциональны, в них присутствует эмотивно-оценочная лексика.

Анализ сборника стихотворений «Стреноженные молнии» Н. Нимбуева позволяет прийти к выводам о том, что самоидентификация автора наиболее сконцентрирована в произведениях о родине, творчестве, прошлом и современности. Размышления над вопросом «Кем я являюсь?» представляют собой важный мотив творчества автора и демонстрируют высокий уровень значимости переживаний относительно принадлежности автора к своему народу, а также глубокую эмоциональную вовлеченность.

Подводя итог, можно сделать вывод, что автор определяет себя *бурятом, говорящим на русском языке, выражающим свое национальное через русский язык*. Он «блудный сын», но все же сын своего народа, который, как в притче, возвращается к отцу с еще большей любовью. И национальное в нем неодолимо, как это проявлено во многих стихотворениях. Творчество Н. Нимбуева репрезентирует сосуществование, проявление этнической самоидентификации через русский язык.

Синтез двух не связанных генетическим родством языков, культур, объединённых одним пространством, обусловил появление нестандартной язы-

ковой и этнической идентичности, уникальный способ мышления, отраженный в поэзии, которая сохранила традицию мыслить образами своего народа (этноса). Иначе говоря, у Н. Нимбуева два дома: русский язык и бурятская картина мира.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. 2-е изд. М.: УРСС, 2002.
3. Лаппо М.А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018.
4. Кривых Л.В. Символический мир как основа самоидентификации // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009. С. 130–140.
5. Бахтикиреева У.М. Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
6. Булгутова И.В. Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции: монография. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2017.
7. Рахметова А.Т., Темургазина З.К., Мажитаева Ш. Язык как фактор этнической идентичности казахстанской молодежи // Алтайский Медиабарометр: культурная и языковая идентичность Восточной и Центральной Азии»: сборник статей по итогам Международного научного онлайн-симпозиума «Алтайский Медиабарометр: культурная и языковая идентичность Восточной и Центральной Азии» (16-17 декабря 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 38–44.
8. Хохлова Ю.Б. Скульптура как культурный маркер городского пространства на примере Улан-Удэ, сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Т. II. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2019. С. 40–46.
9. Кремер Е.Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая идентичность билингвальной личности): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

References

1. Stepanov, Yu.S. 1975. *Methods and principles of modern linguistics*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
2. Benveniste, E. 2002. *General linguistics*. Translated by Yu.N. Karaulov [and others]. 2 ed. Moscow: URSS publ. Print. (In Russ.)
3. Lappo, M.A. 2018. "Self-identification discourse of the Russian elite linguistic personality." Candidate of phil. Sciences thesis. Novosibirsk. Print. (In Russ.)
4. Krivikh, L.V. 2009. "The symbolic world as the basis of self-identification." *Political and philosophical yearbook*, vol. 2, pp. 130–140. Print. (In Russ.)
5. Bakhtikireeva, U.M. 1995. "Artistic functions of vocabulary with a national-cultural component of semantics in the novel by Chingiz Aitmatov 'The Day Lasts More Than a Hundred Years'." Dissertation for PhD in philology. Moscow. Print. (In Russ.)
6. Bulgutova, I.V. 2017. *Buryat philosophical lyrics: mythopoetic foundations and traditions: monograph*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House. Print. (In Russ.)

7. Rakhmetova, A.T., Temirgazina, Z.K. and Sh. Mazhitayeva. 2022. “Language as a factor of ethnic identity of Kazakhstani youth Altai Mediabarometer.” In Cultural and linguistic identity of East and Central Asia: a collection of articles based on the results of the International scientific online symposium “Altai Mediabarometer: cultural and linguistic identity of East and Central Asia”, December 16–17, 2021, Barnaul. Edited by N.V. Halina. Barnaul: Altai University Publishing House, pp. 38–44. Print. (In Russ.)
8. Khokhlova, Yu.B. 2019. “Sculpture as a cultural marker of urban space on the example of Ulan-Ude.” In Preservation, study and popularization of heritage: experience of participation and development vectors: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Volume II. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, pp. 40–46. Print. (In Russ.)
9. Kremer, E.N. 2010. Problems of Russian-foreign bilingualism (linguistic identity of a bilingual personality). Dissertation for Ph.D. in philology. Moscow: RUDN University publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Токарева Надежда Андреевна — педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов; E-mail: tokareva_nadia@mail.ru

Bio note:

Nadezhda A. Tokareva is a Teacher of Additional Education of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Russian Language Institute, RUDN University. E-mail: tokareva_nadia@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-280-294

EDN: NWWHEW

Научная статья / Research article

Репрезентация модусных смыслов в транскультурном художественном тексте

А.Б. Туманова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, 050040, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71

✉ a.tumanova@inbox.ru

Аннотация. Раскрывается актуальная проблема репрезентации субъективной модальности в транскультурном художественном тексте. Представлен краткий обзор научной информации о модусе и диктуме, о типах модусных слыслов, специфике языковой личности инонационального писателя. Цель исследования — определить основные способы выражения модусных смыслов в художественном тексте и их особенности. Используются следующие методы и приемы: структурно-семантический анализ, контекстуальный, описательный метод и др. Особое внимание уделяется описанию сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными как эффективного способа экспликации модусных смыслов, посредством которых выявляется уникальное мировидение и мировосприятие писателя/поэта, особенности его национального сознания. С целью иллюстрации полученных результатов исследования авторами использованы фрагменты из произведений современных русскоязычных писателей Казахстана.

Ключевые слова: категория модальности, модус, диктум, модусные смысловы, субъективная (авторская) модальность, транскультурный художественный текст

История статьи: поступила в редакцию 18.12.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Туманова А.Б. Репрезентация модусных смыслов в транскультурном художественном тексте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 280–294. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-280-294>

Representation of Modus Meanings in a Transcultural Literary Text

Ainakul B. Tumanova

al-Farabi Kazakh National University,
71 al-Farabi avenue, Almaty, 050040, Kazakhstan

✉ a.tumanova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of the representation of subjective modality in a transcultural literary text. It provides a brief overview of scientific information about mode and dictum, about the types of modus words, the specifics of the linguistic personality of a non-national writer. The purpose of this article is to determine the main ways of expressing modus meanings in a literary text and their features. The following methods and techniques were used: structural-semantic analysis, contextual, descriptive method, etc. Particular attention is paid to the description of complex sentences with explanatory clauses as an effective way of explication of modus meanings, through which the unique worldview and worldview of the writer / poet, the features of his national consciousness are revealed. In order to illustrate the results of the study, the authors used fragments from the works of modern Russian-speaking writers of Kazakhstan.

Key words: category of modality, modus, dictum, modus meanings, subjective (author's) modality, transcultural literary text

Article history: received 18.12. 2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Tumanova, A.B. 2024. "Representation of Modus Meanings in a Transcultural Literary Text." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 280–294. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-280-294>

Введение

Известно, что проблема билингвизма является актуальной и рассматривается в лингвистике как в советский, так и постсоветский период во всех союзных республиках, в том числе и в Казахстане. Следует отметить тот факт, что в это время наблюдается процесс активного усвоения национальной языковой картины мира (ЯКМ) прежде всего двух народов — русского и родного (например, казахского), в результате которого формируется билингвальная языковая личность, усвоившая языки соответственно с культурой народов — носителей этих языков. Особый интерес в этом отношении вызывает творчество писателей инонациональной культуры, пишущих на русском языке, авторов-билингвов, которых научное сообщество уже по традиции объединило в одну типологическую общность под названием «русскоязычных писателей-билингвов». В этой связи в современной науке отмечается, что, «когда соединение истории с лингвистикой в новой исторической данности стало объективным, возникла возможность историко-лингвистического анализа процессов, характерных для единой в XX в. общности, в частности — русско-национального коммуникативного двуязычия / билингвизма, в пределах которого

особое место занимает художественный билингвизм. При этом художественный текст, обусловленный билингвальным творческим сознанием, до сих пор остается одним из самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов» [1]. Эта идея была представлена еще ранее в диссертационном исследовании У.М. Бахтикереевой; она заключается «в постановке проблемы особых свойств обусловленного творческим билингвальным сознанием текста, в котором описывается национальный образ „первичной“ культуры средствами „вторичной“ языковой культуры, что выводит на познание природы билингвальной личности через ее приобретенный — русский язык и неисчерпаемых возможностей языка. Причем речь идет о языке, выражающем через свою систему речевых знаков значения, которые присущи иному языку» [2. С. 3].

Обзор научной информации позволяет нам называть художественные тексты данного типа транскультурными, в которых наблюдается сочетание двух культур (см работы: З.Г. Прошиной, М. Тлостановой, У.М. Бахтикереевой, М. Джусупова, Н.М. Джусупова и др.). Обращение к анализу транскультурных текстов вызвано необходимостью описания «особости» их функционирования: изображение жизни казахского народа, его быта, национальной культуры и географического местоположения не на казахском языке, а на русском — языке другой русской культуры.

Действительно, в художественном тексте русскоязычного писателя-билингва наблюдаются интересные и, на первый взгляд, необъяснимые процессы. Схематически это можно объяснить следующим образом: обозначим языковую личность русского писателя лингвистическим субъектом — L-1 (Language), а отражение им этно- и лингвокультуры русского народа как представителем данного этноса — C-1 (Culture), соответственно языковую личность казахского писателя — L-2 и отражение им этно- и лингвокультуры казахского народа — C-2. В нашем случае, как можно заметить, нет прямого соответствия: L-1 — C-1 или L-2 — C-2, а получается некая асимметрия: L-1 — C-2. Причем следует отметить, что на месте художника слова (L-1) — языковая личность не русская, а личность писателя-билингва, думающая, мыслящая и пишущая на русском языке (в нашем случае — казах). Нами рассматривается именно это «несоответствие», в процессе которого происходит некое наложение, соприкосновение, проникновение двух культур — русской со стороны средства повествования и казахской, так как отображается объективная действительность казахского народа. Этим вызвано принципиально важное для нас положение о том, что русскоязычный писатель-казах, творящий на русском языке, формирует ЯКМ не русскую (это касается не только объекта повествования) и не казахскую, так как пишет о казахском народе на русском языке. В результате русскоязычный писатель, описывая окружающую действительность объективного мира казахского народа, широко вводит в языковую ткань произведений различные единицы, передающие генетически родные для него

реалии, заполняя лакуны, соответствующие русской картине мира и русской ЯКМ. Именно в таком процессе творчества и сказывается особый генетический код писателя-казаха, который позволяет наиболее точно, ярко, образно передать особенности характера, поступков, обычаев и традиций казахского народа при помощи различных способов их языковой экспликации [3. С. 10–12].

В качестве источника языкового материала в работе использованы фрагменты из произведений казахстанских русскоязычных писателей: А. Алимжанова, Б. Джандарбекова, С. Санбаева, А. Жаксылыкова и др.

Обсуждение

Известно, что с позиции антропоцентризма вопросы, связанные с выражением категории модальности (в частности модуса и диктума), были и остаются актуальными в современной филологической науке. Слово *модус* (от ср.-лат. *modalis* — модальный; лат. *modus* — мера, способ) этимологически родственно термину *модальность* [4]. Анализ научной литературы по данной теме позволяет говорить о том, что модус представляется комплексом семантических категорий: персональностью, временной и пространственной локализацией, персуазивностью, модальностью, авторизацией, оценочностью и др. В рамках статьи ограничимся изучением соотношения понятий «модус» и «модальность» как взаимосвязанных и взаимообусловленных.

Термины «модус» и «диктум», введенные в научный оборот Ш. Балли, активно используются при описании структурно-семантических особенностей предложения как высшей единицы грамматической системы языка. По мнению ученого, в предложении — «это наиболее простая возможная форма сообщения мысли» — выделяется диктум, который коррелятивен процессу, образующему представление (основное содержание), и модус, выражающий модальность, который коррелятивен операции, производимой мыслящим субъектом с учетом его психо-, этнолингвистических особенностей, естественно влияющих на его картину мира и ЯКМ. Выражением модальности служит модальный глагол (*думать, радоваться, желать* и др.), а его субъектом — модальный субъект, оба вместе образуют модус, дополняющий диктум. Различаются эксплицитный и имплицитный модусы. Характерной формой выражения эксплицитного модуса является главная часть в составе сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным. В образовании таких предложений большую роль играют модальные глаголы, обозначающие суждение говорящего о предмете речи, диктуме. Модус и диктум дополняют друг друга [5].

По мнению Г.В. Гака, в российском языкознании различение денотативного (номинативного) и коммуникативно-модального аспектов предложения в сущности соответствует в общих чертах различию диктума и модуса. Под

диктумом он понимает пропозициональное значение — отображение определенного события, положения вещей («предметная ситуация»), модус же выражает то, что говорится о диктуме: кем, кому, когда, в каких условиях, с какой целью («речевая ситуация»). Модус «охватывает переменчивые элементы высказывания, субъективно окрашенные, зависящие от интенции говорящего» [6. С. 19–26].

М.И. Черемисина, Т.А. Колосова соотносят понятия «модус» и «диктум» с понятиями пропозиция, событие. Диктум понимается ими как «основное сообщение, референтом которого является некоторое положение дел в той реальности, которая отображается в речи. Объективная реальность противостоит связанному с нею психическому переживанию, языковое выражение которого понимается как модус. Для различения понятий «модальность» и «модус» авторы предпочитают называть модусами фрагменты предложения, содержащие модальную интерпретацию диктума: *я считаю/полагаю/уверен/мне кажется/может быть* и др. Модусы этого типа могут иметь форму предложений со свободно замещаемой позицией субъекта, прямого или косвенного (*я/ты убежден, мне/ему показалось ...*). Модусная часть предложения представляет собой специфическую пропозицию. Они дают следующее определение, которое, на наш взгляд, кажется наиболее точным: «Модус — это вербализованная субъективная интерпретация диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности (то есть возможности, вероятности события и степени достоверности его) или в аспекте характера психической обработки представления/информации о диктумном событии» [7. С. 34–95; 8. С. 47–53]. В дальнейшей работе данное определение модуса берется нами за основу.

В лингвистике установлено, что модус может занимать по отношению к диктуму как начальную, так и конечную позицию. Инверсии модуса и пропозиции зависят прежде всего от семантики модуса. Значения эксплицитного модуса распределены по следующим основным планам: перцептивному (сенсорному) — модусы чувственного восприятия: *видеть, слышать, чувствовать* и др.; ментальному (когнитивному, эпистематическому) — модусы полагания: *думать, считать, казаться, представляться* и т.п., модусы сомнения и допущения: *возможно, может быть* и др., модусы истинной оценки: *правда, верно, неверно, невероятно* и т.п., модусы знания и незнания: *знать, не знать, быть известным* и др., модусы общей оценки: *плохо, хорошо* и др.; эмотивному — модусы эмоционального состояния: *грустно, жаль* и т.п.; волеизъявительному (волитивному) — модусы желания, волеизъявления и необходимости: *хотеть, желать* и др., *нужно, необходимо* и т.п. Все указанные модусы могут иметь субъективную валентность, могут не иметь ее и быть нейтральными.

Итак, подведем итоги по данному вопросу:

1. В каждом предложении можно выделить основное содержание (диктум) и модальную часть (модус). Модус выражает субъективное отношение говорящего/пишущего к основному содержанию предложения с точки зрения его достоверности/недостоверности.

2. Диктум и модус взаимосвязаны, они дополняют друг друга.

3. В плане выражения выделяются эксплицитные и имплицитные модусы. Основными формами выражения эксплицитного модуса являются главная часть в структуре сложноподчиненного предложения с придаточными изъяснительными, а также специальные показатели в простом предложении — вводные (модальные) слова и вставные конструкции различного типа, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи. Далее остановимся коротко на одной из эксплицитных форм выражения модуса, а именно на сложноподчиненных предложениях (СПП) с придаточной изъяснительной частью.

Известно, что характерной формой выражения эксплицитного модуса считаются СПП изъяснительного типа, получившие в литературе название «псевдосложных предложений», где главная часть (модус) и придаточная часть (диктум) имеют свою модальность, выражаемую грамматически (наклонением, модальными словами, союзами). Единая модальность СПП данного типа есть результат «сложения» предикативных единиц его частей, то есть модуса и диктума. Модус занимает по отношению к диктуму прежде всего препозицию. В составе модусной конструкции решающая роль отводится модальным словам, в частности модальным глаголам, обозначающим суждение, чувства, восприятие говорящего о предмете речи, сопровождаемые предсказуемой/присловной связью [9–11].

Наши наблюдения позволяют считать, что стремление писателя к созданию естественной, доверительной беседы с читателем приводит его к эффективному использованию СПП с придаточным изъяснительным. Апелляция писателя к модусу служит для актуализации неожиданности, необычности сообщения, для создания атмосферы доверительности общения, для выражения эмфазы и т.д. В связи с этим в транскультурном тексте модусы служат показателями авторского заинтересованного участия в изображении событий, явлений, особенностей жизни и быта казахского народа, его географического местоположения; описанные события как бы «пропущены» писателем «сквозь себя», через его мировоззрение, миропонимание.

Без сложных предложений данного типа художественный текст писателя походил бы на роман-хронику, где исторические факты излагаются конкретно и точно, без актуализации субъективного фактора в повествовании. Поэтому в транскультурном тексте писателя-билингва речь повествователя, помимо философско-публицистических отступлений автора, сентенций, рассуждений, насыщена различными типами модуса — модусами перцептивного (сенсорного) плана (*видеть, слышать, чувствовать, видно, слышно* и т.д.),

модусами ментального (когнитивного) плана (*думать, считать, полагать, казаться, возможно, может быть* и т.д.) и др., т.е. такими, которые регулярно выражаются единицами русского языка, получившими в науке название «предикатов внутреннего состояния» [12–14]. Особенностью этих слов является их способность эксплицировать модусы, связанные с основными сферами внутренней жизни человека — мыслительной и эмоциональной.

Нами выделяются две основные группы СПП изъяснительного типа в зависимости от компонентов, составляющих главную часть — модус: 1) СПП, модус которых представлен предикативной конструкцией с опорным словом-глаголом, выражающим достоверность (*верить, знать, считать*), и 2) СПП, модус которых представлен предикативной конструкцией с опорным словом-глаголом, выражающим недостоверность информации (*думать, вспоминать, казаться, чудиться* и др.).

1. Сложные предложения первого типа в основном встречаются в речи персонажей, в отдельных случаях — и в собственно авторской речи. Такое соотношение в употреблении СПП изъяснительного типа, модусная часть которых выражает достоверность сообщаемого в придаточном — диктуме, закономерно, так как повествуется о событиях давно прошедших лет и говорить об их достоверности категорично от имени самого автора (*я знаю, я считаю, что...*) было бы некорректным. Анализ показал, что в контексте произведений данные конструкции СПП органично вплетаются в синтаксическую структуру речи персонажей, обретая при этом функциональную значимость. Ср.:

Манай продолжил беседу: «Горе одного не тяжелее печали народа», — говорили древние. Если сын останется жив, то вернется, если погибнет, то **я верю, что** он умрет, не опозорив чести ни своего рода, ни своего отца¹.

В речи старика Маная выражается уверенность в том, что его сын Кенже (единственный из оставшихся живых) лучше умрет, но не опозорит «чести ни своего рода, ни своего отца». На наш взгляд, с такой уверенностью может говорить тот отец, кто воспитывал настоящего джигита, воина, человека, знающего и почитающего обычаи и традиции своего народа.

СПП изъяснительного типа с модусной частью, выражающей достоверность сообщаемой информации, представлены в транскультурном тексте писателя-билингва не только в речи повествователя, но и в открытом авторском «слове». Рассмотрим фрагменты, в которых содержатся конструкции с использованием глагола *знать*: *знать, как...; знать, что...; знать о том, что...* и др. Например:

¹ Алимжанов А. Гонец. М.: Молодая Гвардия, 1974. С. 69.

После того как попытка открыть через третье лицо глаза Спаргапису окончилась неудачей, замолчал и Бахтияр. Он **лучше других знал, как страшна и безжалостна царица в гневе**²;

По рассказам Нургали он (Абен. — *Уточнение наше.*) **знал, что** старики проводили отца в последний путь с почестями: зарезали на поминки единственную корову. Закончится война, будет жив – приедет, поставит кладку на могиле³.

Как видим, семантическая структура предиката внутреннего состояния ‘знать’ дала возможность репрезентировать дополнительные модусные смыслы, заложенные в нем в ментальной области человека. Как правило, в художественный текст исторического характера, помимо основного содержания, вводятся подлинно исторические сведения. Так, например, в речи повествователя говорится о том, что после долгих преследований предводитель казахских повстанцев Махамбет был схвачен властями и посажен в царскую тюрьму в Калмыково, где он и узнает о подробностях многих преступлений. Например:

Находясь в тюрьме в Калмыково, **Махамбет узнал, что** на берегу Жаика атаман Донсков открыл огонь из орудий по кочевьям у брода, чтобы перейти на восточный берег — на свободные земли Среднего жуза. Река была затоплена трупами. А Кайбала, обещавший счастливую жизнь, бежал⁴.

С этих позиций интересны и фрагменты, в которых содержатся конструкции с использованием глаголов *утверждать, считать: утверждать/считать, что...* и др. Например, в СПП с придаточным изъяснительным:

Халебцы утверждают, что великий философ из Дамаска вновь вернулся в Халеб и последние дни жизни провел здесь, и потому, безусловно, Мухаммед аль-Фараби похоронен в этом городе, где-то возле старой крепости⁵.

Модусные конструкции фрагментов репрезентируют достоверную (‘утверждают’) либо относительно достоверную (‘считают’) информацию, представленную в диктуме сложных предложений, поэтому истинность сообщаемой

² Жанддарбеков Б. Томирис. Алматы: Жалын, 1975. С. 56.

³ Санбаев С. Дорога только одна. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 50.

⁴ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 45.

⁵ Алимжанов А. Возвращение учителя. М.: Советский писатель, 1983. С. 248.

мого здесь относительная. И на самом же деле никто не знает точного места захоронения великого Учителя, сына двух народов — казахов и арабов.

Итак, модусы, выражающие достоверность излагаемой информации в диктуме, используются наиболее широко в речи персонажа (реже — в речи повествователя) и придают речи говорящего естественный, непринужденный характер, обогащая ее новым, национально ориентированным содержанием, накладываемым на знания читателя и обогащающим их. Схематически это можно представить следующим образом:

Имя собственное + **верю,
знаю,
считаю,** что (как)...

2. СПП, модус которых представлен предикативной конструкцией с опорными словами-глаголами *понимать, думать, вспоминать, казаться, чудиться* и др., выражающими недостоверность информации (и предположение, и воспоминание, и мечта, и иллюзия, и размышление и т.п.).

В транскультурном тексте писателя-билингва СПП данного типа используются широко и своеобразно. Анализ фактического материала позволил нам сделать следующую градацию в выражении значения недостоверности сообщаемого: а) модусная часть сложного предложения со значением недостоверности первой степени — выражение возможности, предположения информации (при помощи опорного глагола *понимать, думать, вспоминать* и т.п.) и б) модусная часть сложного предложения со значением недостоверности второй степени — выражение предположения малого до невозможного при помощи глаголов типа *казаться, чудиться*.

а) Модусная часть сложного предложения со значением недостоверности первой степени. Они чаще всего встречаются в речи повествователя для передачи внутренних переживаний, волнений, различных чувств и потому особенно субъективно мотивированы. Сравним:

Очень скоро Ишпакай **понял, что** удержать в повиновении эту грозную степную вольницу невозможно, если ее не объединить общей целью. И он, соблазнив кочевников заманчивой картиной богатства и славы, повел свои орды в дальний и тяжелый подход⁶.

Интересен тот факт, что рассматриваемая конструкция употребляется писателем и при описании животных, делая при этом более понятным для читателя их внутреннее состояние. Например, однажды в зимнюю пору Тани с

⁶ Жандарбеков Б. Томирис. Алматы: Жалын, 1975. С. 218.

маленькими детьми возвращалась домой и неожиданно в открытом поле встретила лицом к лицу с голодной волчицей. Забыв о страхе, Тани бросилась защищать своих детей. Сравним:

Волчица поняла, что встретила с непобедимой силой. **Поняла, потому что** знала эту силу в самой себе...⁷

б) СПП изъяснительного типа с модусной частью, выражающей вторую степень достоверности, — выражение предположения малого до невозможного при помощи различных форм глаголов *казаться*, *чудиться*. В художественном дискурсе писателя-билингва данная группа является самой многочисленной. Опорными словами модуса здесь выступают безличные глаголы *казаться*, *чудиться*. Отметим, что данные глаголы оказываются очень близкими по значению. Сравним: глагол *чудиться* означает — ‘казаться, мерещиться’, а слово *казаться*, помимо своих основных значений (‘иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление’; вводное: ‘как будто, по-видимому’), имеет еще одно: ‘представляться воображению’⁸. Анализ показал, что частотность употребления данных глаголов позволяет писателю перевоплощаться в своих героев, передавать их внутреннее состояние, думать их мыслями, чувствовать их радости, печали и т.п.

В связи с особенностями структуры модуса СПП изъяснительного типа нами приводится следующая градация: 1) модусная часть (субъектно-предикатная конструкция), включающая имя собственное или его эквивалент (личное местоимение) и безличный глагол, присоединяемая к диктуму при помощи союза *что*; 2) модусная часть, представленная определенной видо-временной формой безличных глаголов, присоединяемая при помощи союза *что*; 3) модусная часть в форме глагола *казаться*, присоединяемая к диктуму без союза *что*.

1. СПП изъяснительного типа, модусная часть (субъектно-предикатная конструкция) которого включает имя собственное или его эквивалент (личное местоимение) и безличный глагол — *чудиться*, *казаться*. Например, молодому талантливому композитору Курмангазы «кажется, мерещится» в вое ветра волшебный гул и пение родной земли:

Никто, кроме Курмангазы, пока не мог ощутить этот звон от воя ветра. **Курманашу почудилось, что** гудит и поет земля, у него захватило дух от могучих аккордов, от волшебного гула земли⁹.

⁷ Жаксылыков А. Шаг навстречу. Алматы, 1987. С. 98.

⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. С. 240; 825.

⁹ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 92.

Здесь с помощью оценочного компонента в семантике предиката внутреннего состояния ‘(по)чудиться’ очень точно передан элемент творческого перевоплощения. Как известно, музыка, так же как и поэзия, имеет огромную силу воздействия на слушающих, тревожа их сердца, поднимая дух.

В следующем фрагменте сарбазам ‘кажется, видится’, что рядом с ними их друзья несутся лавиной, и это вселяет уверенность в освобождении и скорой победе — «*распрямились плечи джигитов*»:

Бурные, гневные, призывные аккорды тревожат сердце султана и поднимают дух пленных сарбазов.

Им чудится, что где-то близко лавиной несутся их друзья. От дробного стука копыт содрогается сердце. Распрямились плечи джигитов¹⁰.

Использование конструкции модуса возможно и без субъекта, тем не менее смысл излагаемого вполне понятен и завершен. Сравним:

Пели люди, **чудилось, что** это поет один человек с нежной глубокой душой, тоскующей по необыкновенному добру и любви...¹¹

Рассмотрим фрагменты, в модусной конструкции которых содержится в различных видо-временных формах безличный глагол *казаться*. Десятидневное вынужденное ожидание начала боя утомило сарбазов и раздражало их, вселило неуверенность в правильности такого решения предводителей Исатая и Махамбета; началось брожение в войске повстанцев, наблюдаются отдельные случаи измены, убийства. И во всем этом Махамбет винил только самого себя, ему *представлялось*, что «он причина всех бед и гибели Туке...»:

Ничто не удивило Махамбета — ни слова Исатая о том, что он, Махамбет, должен оставить его, ни уход батыра Асау, ни измена старшин бершцев... Его ошеломила весть о смерти Туке. **Махамбету казалось, что** он причина всех бед и гибели Туке...¹²

Приведем примеры СПП изъяснительного типа, в которых изображаются картины природы. Образное описание окружающей действительности у русскоязычного писателя сочетается с элементами метафоризации. Ср.:

Сеит вел Кенже по известным только ему одному тропам. А может, и тропинок-то не было. **Кенже казалось, что** небо опрокинулось на них, закрыв все пути...¹³

¹⁰ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 162–163.

¹¹ Жаксылыков А.Ж. Алма-Ата: Жазушы, 1987. С. 33.

¹² Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 144.

¹³ Алимжанов А. Гонец. М.: Молодая Гвардия, 1974. С. 23.

Закат был чудесен, Солнце приблизилось к земле и запылало красным пламенем. Тысячи золотых стрел бросило оно в степь. **Курмашу казалось, что** лучи звенят, поют и по степи несутся сладостные звуки тихой песни¹⁴.

Анализ показал, что данная группа СПП изъяснительного типа наиболее многочисленная и продуктивная. В них структура модуса состоит из сочетания имени собственного (Курмаш, Кенже, Махамбет, автор/повествователь и др.) или его эквивалента (он, она, они и др.) в дательном падеже с различными видо-временными формами безличных глаголов *казаться, чудиться*. Схематично это выглядит так:

	СС		СП
М	= в дат. падеже (<i>имя собств. или местом.</i>)	+	в наст./прош. вр. (<i>кажется, по/казалось, чудится, почудилось</i>)

Примечание: М — модус; СС — семантический субъект; СП — семантический предикат

Наряду с рассмотренными выше типами модуса в транскультурном тексте писателя-билингва регулярно употребляется ее редуцированная форма — *казалось, кажется*, то есть используются глаголы без эксплицитно выраженного субъекта. В таких СПП речь персонажа полностью сливается с авторской. На наш взгляд, при изъятии семантического субъекта сам писатель проявляется ярче и выразительнее. Перед нами особое, нестандартное мироощущение, мировосприятие художника слова, отсюда и необычное, субъективированное творческое отражение реально существующей окружающей действительности. Рассмотрим это на примерах. Так, использование слова *казалось* помогает создать иллюзию непосредственного участия самого писателя в событиях:

Казалось, что массагеты и савроматы решили полечь все до единого на этом окровавленном поле¹⁵;

Алдияр остановился, оглянулся назад. **Казалось, что** слова Зарбая вывели его из оцепенения. Он услышал, как жиделинцы слали проклятья карателям, увидел Курмангазы, медленно перевел взгляд на Мынбая¹⁶.

Также в сложном предложении смысл недостоверности может быть передан при помощи субъектно-предикатной конструкции, присоединяемой

¹⁴ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 78

¹⁵ Жанддарбеков Б. Томирис. Алматы.: Жалын, 1975. С. 68.

¹⁶ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 177.

к диктуму без союза *что*. На наш взгляд, писатель преднамеренно опускает союз *что*, удлиняя паузу и тем самым акцентирует внимание читателя на данном моменте, достигая тем самым оценочной цели. Ср.:

«Брат... Мой брат...» — колотилось сердце, переполненное небывалым чувством светлой, чистой любви. **Мне казалось**, вот-вот лопнет в груди горячая, натянутая струна. Сейчас для Акана я готов был пойти на все¹⁷.

Итак, модусы в структуре сложных предложений в виде форм глаголов *казалось*, *оказалось*, *кажется*, присоединяемые к диктуму при помощи союза и без него, стилистически мотивированы единой авторской точкой зрения на описываемые события. Модус находится обязательно в препозиции к диктуму сложного предложения, выделяется интонационно и графически. Схематически модус выглядит так:

М = **кажется,**
 казалось, **что/как + Д**
 оказалось,

Примечание: М — модус; Д — диктум

Заключение

Итак, в результате анализа транскультурного текста русскоязычного писателя-билингва нами сделаны следующие выводы:

1. СПП изъяснительного типа с модусной частью, представленной сочетанием имени собственного или его эквивалента в дательном падеже в функции семантического субъекта (и без него) с разными формами безличных глаголов *казаться*, *чудиться* (*казалось*, *оказалось*, *кажется*; *чудится*, *почудилось*), выбраны художником слова не случайно. Их использование в художественном дискурсе стилистически и семантически мотивировано, так как писатель в своих произведениях стремится «представить воображению» историческое прошлое и/или то или иное событие настоящего, при этом нереально гарантировать полную достоверность его.

2. Недостоверная информация передается путем привлечения художественного вымысла, домысливания, творческого перевоплощения писателя, что неизбежно репрезентируется средствами языка, а подлинные исторические факты легко и естественно вклиниваются в текст произведения, не нарушая плавного течения авторского повествования. Для выполнения этих задач и употребляются рассмотренные выше конструкции сложных предложений.

¹⁷ Жаксылыков А. Окно в степь. Алматы, 1987. С. 30.

3. Кроме основной функции оценки диктума, то есть того, что «представляется воображению» субъекту речи, модус выполняет и дополнительные функции: отражение специфики мировоззрения национального писателя, его творческого мировосприятия, особенностей его ЯКМ; стремление к реальному отражению важных событий из жизни казахского народа, придание торжественности, образности речи повествователя и персонажей произведений; желание «оживить» не только давнопрошедшие события, но и их участников и т.д.

Все сказанное прекрасно удается выполнить русскоязычному писателю, так как описываемые события, факты, образы и их чаяния «пропущены» художником слова «сквозь себя», прочувствованы им и предопределяют, на наш взгляд, адекватное декодирование информации от реципиента/читателя. Следовательно, модальную интерпретацию диктума СПП изъяснительного типа можно считать одним из продуктивных способов экспликации модусных смыслов с точки зрения достоверности/недостоверности излагаемой информации, а конструкции такого типа являются эффективными способами реализации авторского отношения к изображаемому.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): монография. Изд. 2-е, доп. Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009.
2. *Бахтикиреева У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2005.
3. *Туманова А.Б.* Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: монография. Алматы: КБТУ, 2010.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955.
6. *Гак В.Г.* О категории модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: КГУ, 1978. С. 19–26.
7. *Черемисина М.А., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
8. *Колосова Т.А.* О диктуме и модусе в сложном предложении // Филологические науки. 1979. № 2. С. 47–53.
9. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. М.: Наука, 1988. 240 с.
10. *Чумаков Г.М.* Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев: Вища школа, 1975.
11. *Зализняк А., Падучева Е.В.* О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М.: Кибернетика, 1987. С. 80–96.
12. *Дешериева Т.И.* О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 34–45.
13. *Зализняк А., Падучева Е.В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

14. Касевич В.Б., Храковский В.С. От пропозиции к семантике предложения // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985.

References

1. Bakhtikireeva, U.M. 2009. Creative bilingual personality (features of the Russian text by an author of Turkic origin): monograph. Astana: Publishing house “TsBO and MI.” Print. (In Russ.)
2. Bakhtikireeva, U.M. 2005. “Literary bilingualism and features of the Russian literary text of a bilingual writer.” Author’s abstract. dis. ... Dr. Philol. Sciences. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Tumanova, A.B. 2010. A contaminated linguistic picture of the world in the artistic discourse of a bilingual writer. Monograph. Almaty: KBTU publ. Print. (In Russ.)
4. Linguistic encyclopedic dictionary. 1990. Edited by V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia publ. Print. (In Russ.)
5. Bally, S. 1955. General linguistics and issues of the French language. Moscow: Foreign literature publ. Print. (In Russ.)
6. Gak, V.G. 1978. “On the category of sentence mode.” In Sentence and text in the semantic aspect. Kalinin: KSU publ., pp. 19–26. Print. (In Russ.)
7. Cheremisina, M.A., and T.A. Kolosova. 1987. Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk. Print. (In Russ.)
8. Kolosova, T.A. 1979. “On dictum and mode in a complex sentence.” Philological Sciences, no. 2, pp. 47–53. Print. (In Russ.)
9. Shmeleva, T.V. 1988. Semantic syntax. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Chumakov, G.M. 1975. Syntax of constructions with foreign speech. Kyiv: Vishcha shkola publ. Print. (In Russ.)
11. Zaliznyak, A., and E. Paducheva. 1987. “On the semantics of introductory use of verbs.” Questions of cybernetics. Applied aspects of linguistic theory. Moscow: Cybernetics, pp. 80–96. Print. (In Russ.)
12. Desherieva, T.I. 1987. “On the relationship between modality and predicativity.” Questions of linguistics, no. 1, pp. 34–45. Print. (In Russ.)
13. Zaliznyak, A., and E. Paducheva. 1989. “Predicates of propositional attitude in a modal context.” In Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
14. Kasevich, V.B., and V.S. Khrakovsky. 1985. “From proposition to sentence semantics.” In Typology of constructions with predicate actants. Leningrad: Nauka. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Туманова Айнакуль Бектасовна — доктор филологических наук, профессор, кафедра русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Bio note:

Ainakul B. Tumanova is a Doctor in Philology, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, al Farabi Kazakh National University. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-295-307

EDN: NTPWJH

Научная статья / Research article

Опыт автоперевода поэтом-билингвом лирического стихотворения с русского языка на эрзянский

Е.А. Шаронова¹, А.М. Шаронов²

¹ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
*Российская Федерация, Республика Мордовия,
430000, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68;*

² Научный центр социально-экономического мониторинга,
*Российская Федерация, Республика Мордовия,
430000, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а*

✉ sharon.ov@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть опыт автоперевода поэтом-билингвом лирического стихотворения с русского языка на эрзянский. Анализ опыта автоперевода с русского языка на эрзянский позволил прийти к выводу о том, что каждое переводимое произведение обладает своим собственным «кодом поведения», что заставляет его уникальным образом выдерживать процедуру перевода. «Код поведения» стихотворения складывается из целого ряда факторов — жанра, темы, основной идеи, мотивов, образа лирического героя, характера личности автора, национальных и вненациональных знаков и символов, времени создания текста и времени его перевода. Все это влияет на то, как произведение будет входить в пространство другого языка. Оно может «согласиться» на новую языковую оболочку и тогда сохранит свой первоначальный замысел, ничего не утратив, но и ничего не приобретает, а может «начать сопротивляться» новому звучанию, что вызовет рождение новых смыслов, а значит, и новых образов, усложнит природу художественного высказывания. Родной язык как язык, генетически унаследованный от родителей, передает автору так называемые «врождённые идеи», записанные в генофонде его предков. И они, безусловно, играют важную роль как при создании оригинального произведения, так и при его переводе на другой язык. Методы исследования: описательный, генетический, сравнительно-сопоставительный.

Ключевые слова: «Финно-Угрия», «Бунт», стихотворение, поэтический перевод, поэт-билингв, билингвизм, языковое пространство

© Шаронова Е.А., Шаронов А.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 22.10.2023; принята к печати 19.02.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Шаронова Е.А., Шаронов А.М. Опыт автоперевода поэтом-билингвом лирического стихотворения с русского языка на эрзянский // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 295–307. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-295-307>

Experience of Self-Translation of a Lyric Poem from Russian into Erzya by a Bilingual Poet

Elena A. Sharonova¹, Alexander M. Sharonov²

Mordovian State University named after N.P. Ogaryov
68 Bolshevik St,
Saransk, 430000, Republic of Mordovia, Russian Federation;
Scientific Center for Socio-Economic Monitoring,
39a B. Khmelnitsky St,
Saransk, 430000, Republic of Mordovia, Russian Federation,
 sharon.ov@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to consider the experience of self-translation of a lyric poem from Russian into Erzya by a bilingual poet. An analysis of the experience of automatic translation from Russian into Erzya allowed us to come to the conclusion that each translated work has its own “code of behavior,” which makes it uniquely withstand the translation procedure. The “code of behavior” of a poem consists of a number of factors — genre, theme, main idea, motives, image of the lyrical hero, the author’s personality, national and non-national signs and symbols, the time of creation of the text and the time of its translation. All this affects how the work will enter the space of another language. It may ‘agree’ to a new linguistic shell and then retain its original concept, without losing anything, but also without gaining anything, or it ‘may begin to resist’ the new sound, which will cause the birth of new meanings, and therefore new images, and complicate the nature of artistic expression. The native language, as a language genetically inherited from parents, conveys to a person the so-called “innate ideas” recorded in the gene pool of his ancestors. And they play an important role both when creating an original work and when translating it into another language. Research methods: descriptive, genetic, comparative.

Key words: “Finno-Ugria”, “Revolt”, poem, poetic translation, bilingual poet, bilingualism, linguistic space

Article history: received 22.10.2023; accepted 19.02.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors’ contribution: undivided co-authorship.

For citation: Sharonova E.A., and A.M. Sharonov. 2024. “Experience of Self-Translation of a Lyric Poem from Russian into Erzya by a Bilingual Poet.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 295–307. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-295-307>

Введение

Россия сильна своей многонациональностью, ибо каждый народ является генератором развития, поставщиком выдающихся людей, создателем уникальных материальных и духовных ценностей. Тысячелетний опыт русского государства показывает, что центростремительные тенденции в отношениях между входящими в него народами во много раз превосходят центробежные. Его народонаселение развивается по линии трансформации в единую русскую народность, которая является многоплеменной со времён князей Рюрика и Олега. При этом центростремительные тенденции в ней тем сильнее, чем более развиты регионы. Сближение национальностей, формирование общего русского/российского сознания происходит и в результате взаимодействия литератур, в котором заметную роль играет творчество писателей, осуществляемое одновременно на этнических языках и на русском как языке межнационального общения. Важен также перевод художественных текстов с одного языка на другой, прежде всего на русский язык, через который произведения становятся известными во всей России.

Перевод поэтических произведений является сложным и противоречивым процессом, актуализирующим проблему соответствия перевода оригиналу. Переводчик при перемещении оригинала в иное языковое пространство стремится сохранить его национальное звучание, выражающееся в текстовой близости, концептуальном сходстве, идентичности формы перевода форме оригинала.

Обсуждение

Этноязыковая ситуация получает новое качество с развитием в России как в полиэтнической стране двуязычия и многоязычия, когда наряду с национальным языком высокий статус приобретает русский язык, на котором люди общаются во всех сферах жизни. В Мордовии многими эрзянами он называется «вторым родным языком». Некоторые поэты и прозаики являются билингвами, создают произведения на двух языках — эрзянском и русском, сами осуществляют перевод своих произведений на русский язык, поскольку их не всегда удовлетворяют переводы, сделанные переводчиками. Хорошо владея русским языком, они решаются на автоперевод. В связи с данным явлением возникает тема амбивалентной роли русского языка в духовной жизни эрзянского народа. Если его активное использование в бытовом общении ведет к ограничению звучания национального языка, то обращение к нему в сфере литературы способствует актуализации имени народа и сохранению его духовного, ментального, исторического облика, удлинению его жизни в условиях новой культурной среды. При переводе произведения с одного языка на

другой происходит не только презентация его автора, но и презентация народа (в самом широком значении этого понятия), который он представляет. Организуется межлитературный, межнациональный и межкультурный диалог. Талантливо переведенное стихотворение или поэма сохраняет свой этнический код, продолжает обладать системой культурных символов, отсылающих к народу, на языке которого оно изначально написано. Поэт, осуществляющий автоперевод, стремится максимально полно отразить поэтику и эстетику своего произведения, представить не только авторскую, но и национальную его специфику, открыть свой народ, показать его миру во всей сложности его национального образа. Им движет и желание более адекватно и масштабно выразить своё Я в его поэтическом, эстетическом, философском и прочих проявлениях. Такой взгляд переключается с проблематикой исследования У.М. Бахтикиреевой и Н.А. Токаревой «Перевод культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора» [1], в котором они осмысливают процесс перевода этнической культуры, осуществляемый нерусским писателем-билингвом в русскоязычном произведении (вопросы литературного билингвизма рассматриваются и в других работах ученых [2]).

В настоящей статье речь идёт о переводе автором (А.М. Шароновым) собственных стихотворений с русского языка на эрзянский. Русский и эрзянский языки отчасти сближает свойственное им полногласие и свободное ударение, что в какой-то степени способствует достижению более полного смыслового сходства и приводит в переводе к диалектическому единству языка и содержания.

На первый взгляд, обычный перевод и авторский перевод решают одни и те же задачи, преодолевают одинаковые трудности, вместе с тем «в автопереводе разрешение их приобретает несколько иной характер, иное направление, иное содержание, чем в переводе обычном» [3. С. 12]. Автоперевод обладает большими возможностями для более точного воспроизведения оригинального текста, так как автор знает все поэтические и эстетические нюансы своего произведения, его психологию, оно представляется во всех отношениях состоявшимся и получившим литературное и общественное признание, в силу чего недопустимо выходить за его пределы [См. об этом: 4–9]. Большие возможности автоперевода обуславливаются и тем, что Автор более свободен в интерпретации созданного им текста. Переводчик-не автор ввиду объективных требований идеи перевода вынужден считать себя обязанным как можно точнее воспроизвести текст оригинала, воздержаться от внесения в него каких-либо сюжетных и смысловых изменений, сохранить замысел первоисточника, его содержание и поэтику.

Автор произведения при переводе осуществляет воспроизведение на другом языке уже решенной им художественной задачи. Одинаково хорошо владея обоими языками, он находит слова-эквиваленты, вернее понимает их

смыслы, отчего переведенный текст получается более совершенным в плане поэтики и эстетики. И в этом отношении он превосходит вариант неавторского перевода. Но авторский перевод часто выходит за пределы требований обычного перевода. Автор при решении своей творческой задачи может позволить себе внести изменения и дополнения во вновь создаваемый иноязычный текст, в результате чего может возникнуть новое произведение. Он считает допустимым использовать первоисточник как материал для создания оригинального текста.

Перевод произведения иноязычным переводчиком есть действительный перевод по той причине, что он осуществлён человеком с менталитетом, во многом сформированным языком перевода, обладающим другой языковой эстетикой, художественной и философской культурой (см. об этом: [10]). Его перевод объективирует в стихии другого языка и этнического сознания смысл, поэтику, эстетику иноязычного произведения.

Качество перевода зависит от поэтического дарования переводчика, уровня его интеллекта, образованности, целеполагания, присущих ему социальных, этнических и других нюансов. Перевод — продолжение оригинала в стихии другого языка и в интерпретации другого поэта, он есть перевоплощение оригинала в другой языковой форме.

В качестве примера авторского перевода с русского языка на эрзянский выбраны стихотворения «Финно-Угрия» (1990) и «Бунт» (1991). Первое стихотворение носит этноисторический характер, в нём рисуется картина финно-угорского мира с его культурно-историческим своеобразием, второе стихотворение выражает отношение к социальным и политическим процессам, происходившим в стране на рубеже 80–90-х гг. XX в., в так называемую эпоху «перестройки».

Лексический состав «Финно-Угрии» позволил в первых двух строфах перевода добиться почти дословного совпадения с оригинальным текстом:

Оригинал:

*О, Финно-Угрия! Сто стран и сто имён:
Хунгария, Эстляндия, Суоми,
Мокшания, загадочное Коми
И Русь, где я «словеном» наречён...
Соцветье многоликое племён
От Балтии до берегов Аляски
Живёт в пространствах, где гуляют сказки,
Перемешав течение времён...¹*

¹ Шаронов А.М. Монологи: стихотворения. Саранск: Республиканская типография «Красный Октябрь», 2019. 512 с.

Перевод:

*О, Финно-Угрия! Масторт ды лемть — сядо:
Хунгария, Эстляндия, Суоми,
Мокшания, ёвксонь кондямо Коми
Ды Русь, «мордва» лемесь пижни косто.
Ламо тюссо раськень мазый каштаз
Балтиясто Аляска чирес сраговсь
Сеть модатнева, кува кеззрень шкась
Кутумордазь яки неень шкатнень марто.*

Подстрочник перевода:

*О, Финно-Угрия! Сто стран и сто имён:
Хунгария, Эстляндия, Суоми,
Мокшания, подобное сказке Коми
И Русь, где звучит слово «мордва».
Во многих лицах добрая семья
От Балтики до Аляски раскинулась
По тем землям, где древнее время
В обнимку ходит с нынешним временем.*

В переводе сохранены размер и мелодика стиха, достигнуто поэтическое и эстетическое сходство в той мере, в какой это возможно; эрзянский текст идентичен русскому тексту в выражении содержания и языка оригинала. Благодаря творческой интерпретации стихотворения появились новые акценты и смыслы, которые неизбежно возникают при переходе произведения из одного языкового и культурного поля в другое. Мы можем говорить о явлении культурной трансплантации, ибо присутствуют все её признаки.

Излагая сквозь призму своего понимания взгляд на автоперевод, следует отметить: как бы поэт хорошо ни знал другой язык, его сознание остаётся этническим, сознанием родного языка. Данное утверждение иллюстрируется, например, включением в текст стихотворения упоминания об эпосе «Масторава»², отразившем поэтическую историю народа:

*И в Муроме, и в Мере, и в Мещёре —
Они суть с Эрзею один язык —
Объяв тысячелетия, возник
Лик «Масторавы», древней Ине Моро.
Но глас её не слушает «мордва»³.*

² Шаронов А.М. Масторава. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 496 с.

³ Великая песнь (эрз.).

*Со злобою в меня швыряет камни.
В крови, с подтёками и синяками,
Висит моя над бездной голова⁴.*

В переводе отражен менталитет эрзянина, восприятие им описанной ситуации:

*Мещёрасо, Мерясо, Муромасо —
Сынь Эрзя марто ве народ, ве кель —
Чачсь «Масторавась», кона касты мель:
«Менелень сэръс раськем моросо стязо!..»
Ансяк а мари валонзо «мордвась»,
Кода ятонь, чавомон кевсэ снартни.
Прям верьсэ, сельмсэм чивалдось ёмась,
Седейгам азоргадозь верьгиз ардтни.*

Подстрочник перевода:

*И в Муроме, и в Мере, и в Мещёре —
Они с Эрзей один народ с единым языком, —
Родилась «Масторава», которая провозглашает:
«До небес в песне пусть народ вознесётся!».
Но слов её не слышит «мордва»,
Как врага, пытается побить меня камнями.
В глазах моих свет солнечный потух,
В сердце взбесившийся волк скачет.*

Здесь мы видим эрзянское поэтическое образное мышление. Очевидно, что русский текст стихотворения, будучи включенным в смысловое, звуковое, эстетическое, ментальное пространство эрзянского языка, не может быть повторен абсолютно. В эрзянской версии возникают новые образы, новые метафоры, новые смысловые обороты. Иногда одна русская строчка превращается в две на эрзянском языке: «Висит моя над бездной голова» > «Прям верьсэ, сельмсэм чивалдось ёмась, / Седейгам азоргадозь верьгиз ардтни» > «В глазах моих свет солнечный потух, / В сердце взбесившийся волк скачет». При этом главный смысл первоисточника сохраняется, но неизбежно усложняется при переходе в другой язык. Художественный перевод, будучи многомерным, требует концептуального и сюжетного сходства подлинника и иноязычной его версии.

При переводе «Финно-Угрии» достигнуто текстуальное сходство в пределах 80 %. Сюжетное и концептуальное соответствие выдержано в таком же

⁴ Шаронов А.М. Монологи: стихотворения. Саранск: Республиканская типография «Красный Октябрь», 2019. 512 с.

объёме. Поэтическое, художественно-эстетическое тождество выражено в меньшей степени. При чтении перевода ощущается, что это вторичный продукт творчества, видно, что это не оригинал, а перевод, отмеченный зависимостью от оригинала.

Поскольку при переводе происходит переход текста в другой язык с другой фонетикой, синтаксисом, морфологией, менталитетом, в нем сталкиваются два способа и средства выражения национального самосознания — русский и эрзянский, между которыми происходит противоборство с компромиссами, ошибками, нереализованными задачами и желаниями. Сталкиваются, разумеется, автор оригинала и автор перевода.

В стихотворении «Бунт» наблюдается несколько иной результат, здесь переводчик созвучен автору, ибо перевод выглядит как оригинальный текст, не как калькированное стихотворение.

Оригинал:

*На небесах я слышу топот ног,
Пальбу из пушек, злую брань и крики.
То всемогущий взбунтовался Бог
И сбрасывает прочь с себя вериги.
Архангелы и ангелы ему,
Апостолы, святые надоели,
И окунуться в дьявольскую тьму
Его душа и тело захотели...⁵*

Перевод

*Кайсетить вере менельтнестэ зэртъ,
Кежей сёвномат, пушкасо леднемат,
Пилем яжить а содавикс вайгельть,
Седеем пупить сянгора пижнемат.
Мезень менельсэ пелькстамо сыргась?
Кие тосо эрямо лувонть кравты?
Се ятонь пазось чарамо кармась,
Пингень койть-илат лужавты-калавты.*

Эрзянский текст свободен в самовыражении, не зависит от оригинала. Сохранив полностью содержание и даже несколько развив его, перевод позволил себе быть самостоятельным в пределах допустимого — в той мере, в какой требуют эрзянский язык и его ментальность. Совпадение текста перевода с текстом оригинала составляет около 40–50 %. В русском оригинале

⁵ Шаронов А.М. Монологи: стихотворения. Саранск: Республиканская типография «Красный Октябрь», 2019. 512 с.

40 строк, в переводе — 56. Русский текст заканчивается обращением к архангелу Гавриилу и святым:

*Ну что ж, архангел-ловелас, ну что ж?
Ну что ж, апостолы и вы, святые?
Как алкоголь, с ума нас сводит ложь,
И гибнем мы. Идут дни роковые⁶.*

Эрзянский текст заканчивается обращением к Инешкипазу — верховному богу эрзян:

*Эрзянь Инешкипаз, энялдан тетъ:
Кардамизь ятонь сырница «богтнэде»;
Кардамизь ангелтнэде, шайтянтнэде,
Кода эрямс ней, ёвтык эсь мелеть.*

Подстрочник перевода:

*Эрзянский Инешкипаз, прошу Тебя:
Огради от безумствующих чужих богов;
Огради от ангелов и бесов,
Как жить теперь, — скажи своё слово.*

В эрзянском переводе «Бунта» меняется концепция образа бога, ибо эрзянские языческие боги созданы Инешкипазом — богом богов для человека, предназначены служить ему, а человек имеет право просить их о помощи и не надеяться на ее получение, а уверенно ждать ее. Как следствие меняется основная идея стихотворения: если в русскоязычном первоисточнике главный мотив — апокалиптический, то в эрзяноязычном варианте звучит надежда на спасительное вмешательство богов в жизнь человека, благодаря которому восстановится статус-кво в мире людей (подобного рода метаморфозы на ином национальном материале анализируются Л.Р. Чанкаевой [11]). Здесь опытным путем доказывается закономерность, отмеченная Ю.М. Лотманом: «Замена в тексте того или иного слова дает для него не вариант содержания, а новое содержание» [12. С. 52].

«Бунт» в переводе на эрзянский язык, при меньшем текстовом совпадении, концептуально и сюжетно, по поэтике и эстетике ближе к оригиналу. Следовательно, безусловно имея в виду сохранение близости текста к оригиналу, важно ориентироваться на концептуально-сюжетное, поэтическое и эстетическое тождество, которого можно добиться. Достижение текстового

⁶ Шаронов А.М. Монологи: стихотворения. Саранск: Республиканская типография «Красный Октябрь», 2019. 512 с.

сходства затрудняется разной природой русского и эрзянского языков (фонетика, синтаксис, морфология, лексика), поэтому акцент желательно делать на поэтике и эстетике стихотворения. Это мы видим в предпоследних восьми строчках:

Оригинал:

*Утихнет скоро в небе топот ног.
Умолкнут пушки, прекратятся крики.
Ещё год-два, и всемогущий Бог
С себя прочь скинет тяжкие вериги.
Теперь он плюралист и демократ.
Он всё себе и людям всё позволил.
Открыл все двери настезь в рай и ад,
Добру и злу бандитскую дал волю.*

Перевод:

*Курок менелесь ойми. Стака зэртъ
Ды пижнемат а кармить марявомо.
Лия арсемат, лия ламо мелть
Пазось ушоды тосо топавтомо.
Ней сон алкуксонь ине демократ.
Ломантненень бандитэнь оля яви.
Вешат — ва рай, вешат — ва тонеть ад,
Вейкеяк кенки икелеть а пекстави.*

Подстрочник перевода:

*Утихнет скоро небо. Тяжкий гул
И грохот мы оттуда не услышим.
Иные думы и желанья
Бог начнёт там исполнять.
Теперь он настоящий демократ.
Людам даёт бандитскую волю.
Хочешь – вот тебе рай, хочешь — ад,
Ни одна дверь перед тобой не заперта.*

В переводе текстуальное сходство сохранено на 50–60 %, смысловое и сюжетное — на 70–80 %, что является вполне приемлемым результатом.

Ввиду того, что перевод есть переход художественного произведения из одного языкового поля в другое, безусловно, адекватнее он получается тогда, когда осуществляется поэтом — носителем того языка, на который делается перевод. В то же время автоперевод представляется плодотворным видом перевода, ибо автор-билингв способен управлять стихиями обоих языков, учитывать их особенности, ментальность, поэтику и эстетику художественного

мышления. Переведённое произведение должно подчиняться филологическим и поэтическим требованиям того языка, на котором происходит его новое, перевоплощённое существование.

Заключение

Анализ опыта автоперевода с русского языка на эрзянский позволил прийти к выводу о том, что каждое переводимое произведение обладает своим собственным «кодом поведения», что заставляет его уникальным образом выдерживать процедуру перевода. «Код поведения» стихотворения складывается из целого ряда факторов — жанра, темы, основной идеи, мотивов, образа лирического героя, характера личности автора, национальных и вне-национальных знаков и символов, времени создания текста и времени его перевода. Всё это влияет на то, насколько легко произведение будет входить в пространство другого языка. Оно может согласиться на новую языковую оболочку и тогда сохранит свой первоначальный замысел, ничего не утратив, но и ничего не приобретя, как «Финно-Угрия». А может начать сопротивляться новому звучанию, что вызовет рождение новых смыслов, а значит, и новых образов, усложнит природу художественного высказывания. Это вынудит переводчика расширить круг слов-эквивалентов, спровоцирует увеличение количества поэтических строк, что, с одной стороны, существенно отдалит перевод от первоисточника, а с другой — выстроит перспективу для появления новых смысловых оттенков и парадоксальным образом углубит первоначальный замысел, как в «Бунте».

Стихотворение «Финно-Угрия» было написано в 1990 г., «Бунт» — в 1991 г. Переведены оба произведения на эрзянский язык были в 2023 г. Очевидно, что они оказались по-разному перечитаны автором. Тема «Финно-Угрии» не была переосмыслена, отношение к ней у автора не изменилось, отсюда такой «нетворческий» подход к переводу. Тема «Бунта» сохранила свою актуальность в современном историческом контексте, что способствовало не констатации художественного высказывания в переводе, а его развитию в границах материнского для автора языка.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М., Токарева Н.А.* Перевод культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. Т. 20, № 1. С. 80–86.
2. *Бахтикиреева У.М.* Размышления о билингвизме и трансьязычии // Лингвистика в диалоге с другими областями знаний: юрислингвистика и дискурсивная лингвистика, коммуникативная лингвистика и лингвокультурология: сборник научных статей. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. С. 6–12.

3. *Финкель А.М.* Об автопереводе // Теория и критика перевода. Л.: Наука, 1962. С. 12–15.
4. *Шаронов А.М., Шаронова Е.А.* Билингвизм в авторском переводе национального эпоса: на материале «Масторавы» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-298-311>
5. *Арзамазов А.А.* Этномифологическое «мерцание» в поэмах Александра Шаронова // Русский фольклор Мордовии в контексте мировой культуры: сборник материалов всероссийской научной конференции (Седьмые всероссийские научно-педагогические чтения с международным участием). Саранск: Издательство Мордовского университета, 2023. С. 3–8.
6. *Арзамазов А.А.* Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 622–636.
7. *Арзамазов А.А.* Национальная литература vs русский язык: юкагирский и чеченский сценарии // Центр и периферия в Российском культурном пространстве XIX–XXI веков. Казань: Издательство «Заман», 2020. С. 21–50.
8. *Арзамазов А.А.* Русский вместо национального: сценарии языкового «переключения» в художественной литературе // Материалы Международного образовательного салона: сборник статей. Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2020. С. 59–73.
9. *Арзамазов А.А.* На перекрестье языков и культур. Поэзия восточного мари Гани Гадиатова // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (44). С. 36–39.
10. *Хайрутдинова Г.А.* К проблеме эстетики языковых единиц // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 6. С. 22–30.
11. *Чанкаева Л.Р.* Русскоязычная поэзия Ю. Созарукова: сохранение национального колорита // Традиции, обычаи и нравы народов России: в 2 томах. СПб.: Лема, 2010. Т. 2. С. 384–388.
12. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: ЭКСМО, 2023.

References

1. Bakhtikireeva, U.M., and N.A. Tokareva. 2023. “Translation of culture in the Russian-language works of a non-Russian author.” *Social and humanitarian sciences in the Far East*, vol. 20, no.1, pp. 80–86. Print. (In Russ.)
2. Bakhtikireeva, U.M. 2022. “Reflections on bilingualism and translanguaging.” In *Linguistics in dialogue with other fields of knowledge: legal linguistics and discursive linguistics, communicative linguistics and linguoculturology: collection of scientific articles*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, pp. 6–12. Print. (In Russ.)
3. Finkel, A.M. 1962. “About automatic translation”. In *Theory and criticism of translation*. Leningrad: Nauka publ., pp. 12–15. Print. (In Russ.)
4. Sharonov, A.M., and E.A. Sharonova. 2023. “Bilingualism in the Author’s Translation of the National Epic: on the Material of ‘Mastorava.’” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-298-311> Print. (In Russ.)
5. Arzamazov, A.A. 2023. “Ethnomythological ‘flicker’ in the poems of Alexander Sharonov.” In *Russian folklore of Mordovia in the context of world culture: collection of materials of the All-Russian scientific conference (Seventh All-Russian scientific and pedagogical readings with international participation)*. Saransk: Mordovian University Publishing House, pp. 3–8. Print. (In Russ.)
6. Arzamazov, A.A. 2022. “The reality of Erzya-Russian poetic bilingualism: the artistic phenomenon of Alexander Arapov.” *Polylinguality and transcultural practices*, vol. 19, no. 4, pp. 622–636. Print. (In Russ.)

7. Arzamazov, A.A. 2020. “National literature vs Russian language: Yukagir and Chechen scripts.” In Center and periphery in the Russian cultural space of the XIX–XXI centuries. Kazan: Zaman Publ., pp. 21–50. Print. (In Russ.)
8. Arzamazov, A.A. 2020. “Russian instead of national: scenarios of language ‘switching’ in fiction.” In Materials of the International Educational Salon: collection of articles. Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Research, pp. 59–73. Print. (In Russ.)
9. Arzamazov, A.A. 2023. “At the crossroads of languages and cultures. Poetry of the Eastern Mari Gani Gadiatov.” Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, no. 1, pp. 36–39. Print. (In Russ.)
10. Khairutdinova, G.A. 2009. “On the problem of aesthetics of linguistic units.” Scientific notes of the Kazan State University. Series: Humanities, vol. 151, no. 6, pp. 22–30. Print. (In Russ.)
11. Chankaeva, L.R. 2010. “Russian-language poetry by Yu. Sozarukov: preservation of national flavor.” Traditions, customs and customs of the peoples of Russia: in 2 volumes. St. Petersburg: Lema publ., vol. 2, pp. 384–388. Print. (In Russ.)
12. Lotman, Yu. M. 2023. The structure of literary text. Moscow: EKSMO publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Шаронова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Московский государственный университет им. Н.П. Огарева. ORCID: 0000-0003-0221-4427; eLibrary SPIN-код: 4820–3264, AuthorID: 478323; E-mail: sharon.ov@mail.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, отдел мониторинга социальных процессов. ORCID: 0000-0002-2724-3112; eLibrary SPIN-код: 5550–5047, AuthorID: 644935; E-mail: sharon.ov@mail.ru

Bio notes

Elena A. Sharonova is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Moscow State University named after N.P. Ogarev. ORCID: 0000-0003-0221-4427; eLibrary SPIN-code: 4820–3264; AuthorID: 478323; E-mail: sharon.ov@mail.ru

Alexander M. Sharonov is a Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Department of Monitoring Social Processes. ORCID: 0000-0002-2724-3112; eLibrary SPIN-code: 5550–5047; AuthorID: 644935; E-mail: sharon.ov@mail.ru

ДИСКУРС

DISCOURSE

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-308-339

EDN: LEJLOD

Научная статья / Research article

Жанровые характеристики медицинского плаката о диабете

Ю.Н. Эбзеева[✉], Н.М. Дугалич[✉], Н.М. НиконовРоссийский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6✉ dugalich-nm@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено поликодовому жанру медицинского дискурса — медицинскому плакату. Актуальность работы вызвана сложившимся интересом лингвистов к медицинскому дискурсу и необходимостью его изучения в разнообразии поликодовых жанров и в различных лингвокультурах. Целью стало установление универсальных и культурно-специфических черт вербального и визуального компонентов и их связи в медицинском плакате как жанре медицинского дискурса. Материалом исследования явились поликодовые тексты медицинского плаката о диабете на русском, арабском и китайском языках, полученные методом сплошной выборки из открытых источников в Интернете. Исследование позволило сделать выводы о том, что диабет как заболевание, имеющее высокий темп распространения и устойчивую корреляцию с образом жизни, воспринимается как социальная проблема, инструментом информирования о которой становится медицинский плакат, который имеет следующие жанровые характеристики: определенную *форму подачи информации*, тематическое деление (на описание симптомов, осложнений, профилактики, жизни с диабетом, питания, физической активности и др.), включение *медицинской терминологии*; использование *рисунков и схем*, прежде всего показывающих возможные осложнения; ориентацию на *семiotические характеристики цвета* согласно национальной культуре, дублирование информации текстового компонента инструментами визуального ряда. Основными лингвокультурными особенностями медицинского плаката стали их *доминирующие функции* (русский медицинский плакат — организующая; арабский — информационная и обучающая; китайский — аттрактивная), *модальность* (русский медицинский плакат — рабочая; арабский — тревожная; китайский — нейтральная) и *акценты* на различные аспекты заболевания (русский медицинский плакат — углубление фоновых знаний о болезни; арабский — изменение пищевых стереотипов и возможность включения в лечение лекарственных растений и бадов; китайский — отсутствие требования кардинального изменения пищевого поведения

© Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М., Никонов Н.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

из уважения к гастрономическим традициям, физическая активность как профилактика заболеваний). Исследование вносит вклад в описание особенностей реализации медицинского дискурса в различных лингвокультурах. Перспектива исследования видится во включении в материал исследования медицинских плакатов, посвященных широкому спектру медицинских проблем, и на материале других языков.

Ключевые слова: медицинский дискурс, медицинский плакат, поликодовый текст, вербальный компонент, визуальный компонент, семиотика цвета

История статьи: поступила в редакцию 18.01.2023; принята к печати 19.02.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М., Никонов Н.М. Жанровые характеристики медицинского плаката о диабете // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 308–339. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-308-339>

Genre Characteristics of a Medical Poster about Diabetes

Yulia N. Ebzeeva^{ORCID}, Natalia M. Dugalich[✉], Nikita M. Nikonov

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ dugalich-nm@rudn.ru

Abstract. The study is devoted to a polycode genre of medical discourse — medical poster. The relevance of the work is explained by the established interest of linguists in medical discourse and the need to study it in a variety of polycode genres and in various linguistic cultures. The purpose of the work is to establish universal and culturally specific features of verbal and visual components of a medical poster as a genre of medical discourse. The research material is polycode texts of a medical poster about diabetes in Russian, Arabic and Chinese languages, obtained by continuous sampling from open sources on the Internet. The study allowed us to conclude that diabetes, as a disease that has a high rate of spread and a stable correlation with lifestyle, is perceived as a social problem, the tool for informing about it is a medical poster, that has the following genre characteristics: a certain form of presenting information, thematic division (symptoms description, complications, prevention, life with diabetes, nutrition, physical activity, etc.), inclusion of medical terminology; the use of drawings and diagrams, primarily showing possible complications; orientation to semiotic characteristics of colour according to national culture; duplication of text component information with use of visual tools. The main linguistic and cultural features of a medical poster are their dominant functions (Russian medical poster — organizing; Arabic — informational and educational; Chinese — attractive), modality (Russian medical poster — working; Arabic — alarming; Chinese — neutral) and emphasis on various aspects of the disease (Russian medical poster — deepening background knowledge about the disease; Arabic — changing food stereotypes and the possibility of including medicinal plants and dietary supplements in treatment; Chinese — no requirement for a radical change in eating behaviour out of respect for gastronomic traditions, physical activity as disease prevention). The study contributes to describing features of the implementation of medical discourse in various linguistic cultures. The prospect of the study is seen in the inclusion of medical posters devoted to a wide range of medical problems in various languages in the research material.

Key words: medical discourse, medical poster, polycode text, verbal component, visual component, semiotics of colour

Article history: received 18.01. 2023; accepted 19.02.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Ebzeeva, Yu.N., Dugalich, N.M., and N.M. Nikonov. 2024. “Genre Characteristics of a Medical Poster about Diabetes.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 308–339. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-308-339>

Введение

В настоящее время внимание лингвистов к корпусу поликодовых тестов мотивировано развитием дискурсивной лингвистики, фокусом которой является обращение преимущественно к таким типам институциональных дискурсов, как политический, рекламный, педагогический, религиозный. Это связано, прежде всего, с тем, что для данных типов дискурса достаточно уверенно можно описать все четыре вида признаков (по В.И. Карасику [1. С. 32]): конститутивные признаки, признаки институциональности, признаки конкретного типа институционального дискурса, нейтральные признаки). Для медицинского дискурса данное описание вызывает определенное затруднение.

О конститутивных признаках можно утверждать, что участники общения — это получатель услуги (пациент) и тот, кто эту услугу оказывает (для медицинского плаката — составитель текста, владеющий медицинской проблематикой и терминологией); условиями общения становится обращение пациента за услугой или ее предложение (медицинский плакат чаще всего становится объектом рассмотрения в медицинских учреждениях); организация общения может быть описана в категориях «поликлиника» (больница, аптека и др.); способы и материал (в том числе мотивы, цели, канал, режим, тональность, стиль и др.) общения в целом для медицинского дискурса представляют собой разветвленную сеть жанров, которые можно представить как монокодовые (например, инструкции к медицинским препаратам) и поликодовые (медицинский плакат).

Поскольку дискурс определенного типа ограничен типом общественного института, в котором он реализуется, сложность описания медицинского дискурса заключается в необходимости разграничения или расширения границ сферы реализации. Так, медицинский дискурс определяется как реализуемый в общественном институте, в котором «в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (медицинский — здоровье)» [1. С. 32]. Однако ролевые характеристики агентов и клиентов института, хронотопы, символические жанры и речевые клише медицинского дискурса, что составляет признаки институциональности, не могут быть представлены единым корпусом, поскольку подкорпус коммуникаций врача и пациента, врача и врача, провизора

и пациента, тексты рекламы медицинских услуг и лекарств противопоставлены по своим характеристикам, частично пересекаются и не всегда точно определены в категории агент/клиент. Все это затрудняет дискурсивный анализ текстов медицинского дискурса. Статья продолжает исследование таких поликодовых жанров медицинского дискурса, как медицинский плакат и демотиватор на тему *здоровье*.

Медицинский дискурс, определяемый как «многомерное коммуникативное образование, признаками которого является его цель, типовые участники (врач и пациент) и социокультурные обстоятельства общения» [2. С. 67], в лингвистике рассматривается в таких аспектах, как

- коммуникативные стратегии, например работы М.И. Барсуковой, И.В. Шешневой и А.Я. Рамазановой [3], В.В. Журы [4], О.С. Иссерс [5];
- особенности использования языковых средств, например, исследование С.Л. Мишлановой и Т.И. Уткиной [6], С.В. Первухиной [7], О.В. Раздорской и Ю.Ю. Цыбиной [8], работы о Г.П. Буровой и Я.И. Фрикке [9], Т.А. Ткачевой [10], Е.С. Степановой [11];
- жанровая представленность и тематическое разнообразие медицинского дискурса отражены в работах Ф.Л. Косицкой и М.В. Матюхиной [12], И.Ф. Шамары [13], Е.Е. Сараевой и Ю.И. Детинко [14];
- хронотоп, суггестивные аспекты описаны в исследованиях Н.В. Данилевской [15], Н.А. Ахреновой [16], Н.В. Гончаренко [17] и Ж.Н. Макушевой [18];
- особенности монокодового и поликодового текста различных жанров медицинского дискурса представлены в работах О.И. Таюповой и Е.В. Поляковой [19], В.Б. Куриленко и М.А. Макаровой [20], Н.М. Дугалич [21], С.Ю. Павлиной [22].

Цель исследования — определить лингвокультурные особенности вербального и визуального компонентов плакатов, а также установить универсальные характеристики современного медицинского плаката как поликодового жанра медицинского дискурса. Одной из задач стало описание инструментария привлечения внимания населения к заболеванию, имеющему высокий уровень распространения, инвалидизации и летальности при относительной бессимптомности, а также имеющему устойчивую корреляцию с образом жизни.

Основным методом нашего исследования является компонентный анализ лексических единиц и лингвосемиотический анализ вербального компонента поликодового текста медицинского плаката. Также был использован метод сплошной выборки текстов для анализа, количественный и сравнительный методы. В массиве медицинских плакатов, полученных методом сплошной выборки из сети Интернет в объеме 300 единиц (100 на русском, 100 на арабском и 100 на китайском языке), процент плакатов о диабете составил 6 : 24 : 19 соответственно. Методология анализа основывается на сложившейся традиции лингвистического описания поликодового текста [23–25].

Обсуждение

Сахарный диабет — это нарушение обмена веществ множественной этиологии, для которого характерна хроническая гипергликемия с нарушениями метаболизма углеводов, жиров и белков, связанная с нарушениями секреции инсулина, что в значительной степени может быть предотвращено соответствующим образом жизни. Данное заболевание является глобальной проблемой: по данным Всемирной организации здравоохранения, в 2023 г. диабетом страдает более 422 млн человек, что составляет 6,03 % населения планеты¹. Необходимо отметить, что статистика больных диабетом растет, и при сохранении темпов ее роста к 2025 г. количество пациентов с диабетом будет в 2 раза больше². Сахарный диабет является седьмой причиной смертности в мире, а также представляет собой угрозу ранней инвалидизации. В связи с этим Организация Объединенных Наций взяла диабет под контроль как единственное неинфекционное заболевание, вошедшее в список особо опасных наряду с такими инфекциями, как туберкулез, оспа, чума. Исследователи отмечают низкий уровень информированности общества об опасности и отдаленных последствиях диабета, к которым относятся инсульт, слепота, инфаркт, почечная недостаточность и аатравматическая причина мутации нижних конечностей³. Также известно, что население Земли не представляет в достаточной мере полный спектр угроз диабета, не выстраивает логические связи между нездоровым образом жизни и рисками заболевания [26]. Медицинский плакат является действенным способом информирования людей о причинах, течении, лечении и профилактике диабета. Это утверждение может быть подкреплено историей медицинского плаката в СССР, посредством которого была успешно распространена информация о санитарных нормах, особенно в сфере акушерства, а также о профилактике туберкулеза [27. С. 986].

Плакаты о диабете на русском языке

В полученной выборке медицинские плакаты о диабете составили только 6 %. Обращают на себя внимание их структурированность, прямой ввод в проблематику (шапки плакатов: *Сахарный диабет 2 типа; Диагностика Профилактика Лечение сахарного диабета 2 типа; Дети тоже болеют диабетом* и др. (см. рис. 1, а, в, г).

¹ Сахарный диабет. Актуальность проблемы. URL: <https://www.mgbsmp.by/informatsiya/informatsiya-dlya-patsientov/543-sakharnyj-diabet> (дата обращения: 21.09.2023).

² Всемирная организация здравоохранения. Информационные бюллетени. Диабет. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/diabetes> (дата обращения: 21.09.2023).

³ Там же.

a

Рис. 1. Примеры медицинских плакатов о диабете на русском языке:
a — Сахарный диабет 2 типа. Источник: URL: <https://www.nvrsk-pc.ru/posts/profilaktika-sakharnogo-diabeta> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 1. Examples of medical posters about diabetes in Russian:
a — Diabetes mellitus type 2. Source: 21 Sept. 2023,
<https://www.nvrsk-pc.ru/posts/profilaktika-sakharnogo-diabeta>

б

Рис. 1. Примеры медицинских плакатов о диабете на русском языке (*продолжение*):

б — Сахарный диабет. Источник: URL: <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/ed6/ed64b5603e22243aa1e1954b19b88d9b.jpg> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 1. Examples of medical posters about diabetes in Russian (*continuation*):

б — Diabetes. Source: 21 Sept. 2023, <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/ed6/ed64b5603e22243aa1e1954b19b88d9b.jpg>

6

Рис. 1. Примеры медицинских плакатов о диабете на русском языке (*продолжение*):

6 — Дети тоже болеют диабетом. Источник: URL: <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/aeb/aeb5d5024d89d420fe7d4b56be3d01af.jpg> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 1. Examples of medical posters about diabetes in Russian (*continuation*):

6 — Children get diabetes too. Source: 21 Sept. 2023, <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/aeb/aeb5d5024d89d420fe7d4b56be3d01af.jpg>

Вербальный компонент плакатов содержит медицинскую терминологию (*инсулин, поджелудочная железа, гестационный диабет, поликистоз яичников, гипертензия, вагинальные инфекции, ретинопатия* и др.). Часть терминов сопровождается дефинитивным адаптированным для неспециалистов описанием, характерным для вторичных научных текстов (см. рис. 1, а): «Что такое сахарный диабет 2 типа? СД 2 типа вызван неспособностью организма эффективно использовать вырабатываемый им инсулин в поджелудочной железе. Это приводит к повышению сахара в крови, что в дальнейшем, при отсутствии надлежащего контроля за заболеванием, сказывается на появлении осложнений». Часть терминов сопровождается контекстуальной конкретизацией: «*гестационный диабет (повышенный уровень сахара в крови при беременности)*». Отмечается сокращение термина *сахарный диабет 2 типа* до формулы *СД 2* (см. рис. 1, а). Не отмечена эмоционально окрашенная лексика и императивы, интенция побуждения выражена отглагольными существительными: *соблюдение рекомендаций врача, ведение здорового образа жизни, систематическое определение уровня сахара в крови и моче* и др. (рис. 1, з). в контексте рубрики *Как лечить сахарный диабет*.

Визуальный компонент плакатов представлен расположением текстовых фрагментов, рисунков и схем, а также семиотикой цвета.

Текстовые фрагменты обладают небольшой длиной (в среднем 35 слов); частотно применение тезисного текста (см. рис. 1, а):

- «потливость;
- слабость, дезориентация;
- головная боль;
- чувство голода;
- резкие перепады настроения» и др.

Частотно употребление двоеточий, неброских знаков привлечения внимания (см., например, красный кружок с белым кантом с указательным пальцем сжатой кисти руки с капелькой крови для привлечения внимания к норме сахара в крови взрослого человека, выраженной числом на рис. 1, б).

Связь визуального и вербального компонентов представлена преимущественно *выделительной* связью, при которой изображение подчеркивает какой-то аспект вербальной информации, которая по своему объему значительно превосходит невербальную (см. рис. 1, а, б, з); однако отмечена и *репетиционная* связь (см. рис. 1, в), при которой изображение повторяет вербальный компонент [28. С. 105].

Схемы и рисунки относятся к трем типам: 1) рисунки поджелудочной железы; рук, из которых берут кровь для измерения сахара глюкометром; 2) ног, глаз, мозга, сердца для указания на страдающие от диабета органы и системы человека, но важно отметить, что не отмечена их устрашающая детализация (см. рис. 1, а); 3) схематические рисунки для указания на симптомы и лечение (см. рис. 1, з).

Семиотика цвета плакатов о диабете в целом совпадает с медицинскими плакатами других тем, однако отмечается, что общая модальность значительно менее тревожная, чем, например, у медицинских плакатов о профилактике инсультов, туберкулезе и других инфекционных заболеваниях. Сам термин СД частотно отмечен красным цветом (цвет тревоги и угрозы в медицинских плакатах на русском языке (см. рис. 1, а, б, г); также красным отмечен допустимый уровень глюкозы в венозной крови: $\leq 7,0$ ммоль/л (см. рис. 1, б). Фоновый цвет преимущественно белый, серый, голубой — цвета спокойствия (см. рис. 1, а, б, в, г) [17].

Таким образом, мы можем видеть, что основной функцией медицинского плаката о диабете на русском языке является организационная функция, которая реализуется в систематизации фоновых знаний о диабете, обучающая функция, которую мы видим в структурировании симптомов и угроз диабета. Общая модальность — спокойный, рабочий, размеренный разговор о существующем заболевании. В выборке не представлены способы лечения, сопутствующие мероприятия (точная диета, занятия физкультурой), нет статистических данных и любой информации, способной вызвать паническое настроение.

Плакаты о диабете на арабском языке

Плакаты о диабете на арабском языке представлены наибольшим числом (24 %), что в совокупности со статистическими⁴ данными иллюстрирует значимость данной проблемы в регионе.

Вербальный компонент плакатов о диабете отличается многословностью, предложения представляют собой связанные в текст блоки, посвященные всем этапам эндокринологического усвоения сахара, симптомам, рискам, особенностям течения болезни и т.д. с интенцией «первой встречи» с проблемой. На лексико-грамматическом уровне отмечены следующие особенности:

- употребляются императивные и отрицательные конструкции:

تحدث مع طبيبك او مع العيادة الصحية للحصول على المزيد من المعلومات.

[tahadath mae tabibik aw mae aleiadat alsihyat lilhusul ealaa almazid min almaelumati] ‘проконсультируйся с врачом или в поликлинике для получения дополнительной информации’ (императив);

⁴ Масштабы, которые приобретает диабет в странах Персидского залива, средни эпидемии. 25–30 % жителей ОАЭ страдают диабетом. За ними по пятам следуют Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Оман и Египет. По оценкам специалистов, к 2030 г. их число увеличится вдвое. В Эмиратах 31 % летальных исходов связан с сердечно-сосудистыми заболеваниями — прямым результатом диабета. URL: <https://www.inopressa.ru/article/05apr2011/welt/diabet.html> (дата обращения: 21.09.2023).

لا يمكن الشفاء من مرض السكري، ولا يمكن التحكم به

[la yumkin alshifa' min marad alsukari, wala yumkin altahakum bih] ‘**нельзя** вылечиться от сахарного диабета и невозможно его контролировать’ (отрицание) (см. рис. 2, а);

- отмечаются излишняя детализация и повторы:

تتميل في اليدين والقدمين

[tanmil fi alyadayn walqadamaayn] ‘онемение в руках и ногах (**двух руках и двух ногах**)’;

عدم وضوح الرؤية

[eadam wuduh alruwya] ‘отсутствие четкости зрения (**затуманенное зрение**)’;

- минимизировано использование терминологической лексики, употребляемые термины сопровождаются толкованием:

إذا لم تحصل خلايا جسمك على السكر اللازم لإنتاج الطاقة، تصبح نسبة السكر في الدم لديك مرتفعة.
مرضى السكري من النوع الأول
مصطلح طبي يعبر عن الأشخاص الذين لديهم مشكلة في ارتفاع السكر في الدم

[iidha lam tahsul khalaya jismik ealaa alsukar allaazim li'iintaj altaaqati, tusbih nisbat alsukar fi aldam ladayk murtafiatan. mardaa alsukari min alnawe al'awal mustalah tibiyun yueabir ean al'ashkhas aladhin ladayhim mushkilat fi airtifae alsukar fi aldam] ‘Если клетки твоего тела не получают необходимого сахара для производства энергии, уровень сахара в крови становится повышенным. Диабет первого типа — это медицинский термин, который описывает людей, у которых проблемы с повышением сахара в крови’;

- частотно описательное представление рисков или угроз (без употребления терминов):

مضاعفات في العين

يزيد مرضى السكري من خطر الإصابة بها يعاني معظم المصابون بمرض السكري من خلل في شبكية العين أو ضعف في النظر

[mudaeafat fi aleayn yazid mardaa alsukari min khatar al'iisabat biha yueani muezam almusabun bimarad alsukari min khalal fi shabakiat aleayn 'aw daef fi alnazar] ‘**глазные осложнения** (ослабления). Диабетики подвергаются большому риску их (осложнения с глазами) развития. Большинство людей с диабетом страдают от **дефектов сетчатки или плохого зрения**’;

- медицинские плакаты о диабете на арабском языке содержат информацию о пищевых добавках и лекарственных травах:

فيما يأتي بعض الاعشاب والمكملات الغذائية التي يتناولها مرضى السكري:
ضع علامة صح بجانب كل ما تأخذ
تحدث عنها مع طبيبك اثناء زيارتك التأليه لعيادة السكري

[fima yati baed alaeshab walmukamilat alghidhayiyat alati yatanawaluha mardaa alsukari: dae ealamat saha bijanib kuli ma takhudh tahadath eanha mae tabibik aithna' ziaratik altaalih lieiadat alsukari] 'Вот некоторые травы и пищевые добавки, которые принимают диабетики: поставьте галочку напротив того, что вы принимаете. Поговорите об этом со своим врачом во время следующего визита в диабетическую клинику';

إكنيشيا

[iiknishia] 'эхинацея'

تين شوكي

[tin shawki] 'опунция' (см. рис. 2, б);

➤ описание угроз и симптомов содержит больше информации, чем плакаты на русском языке, включая интимную сферу:

مشاكل اثناء ممارسه الجنس

[mashakil aithna' mumarisih aljins] 'проблемы во время секса';

فقدان السمع

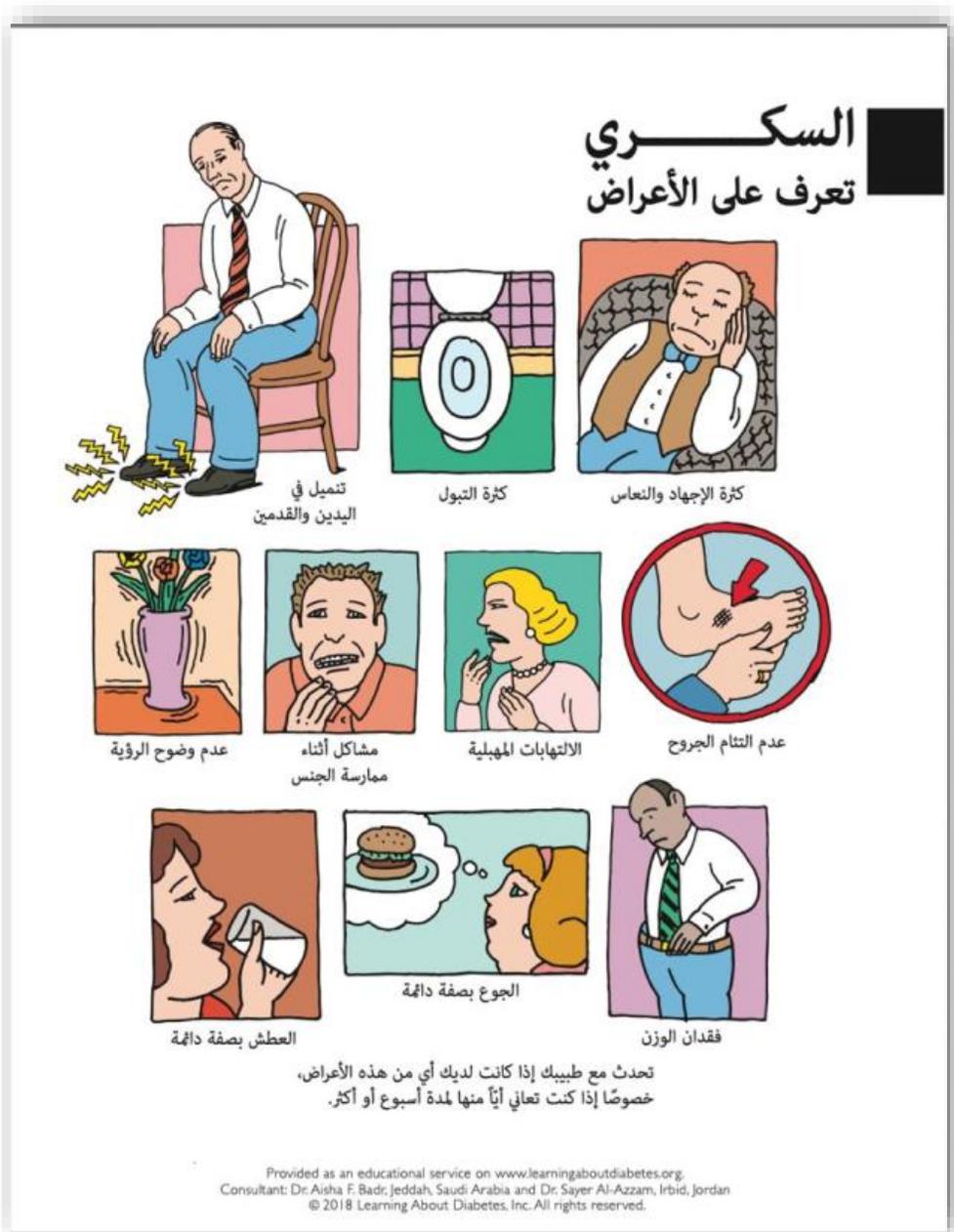
يعتمد السمع على الاعصاب والأوعية الدموية الصغيرة في الاذن الداخلية مع مرور الوقت قد يسبب ارتفاع مستوى السكر في الدم شفا في هذه الأوعية والاعصاب مما يعد من المؤثرة على السمع

[fuqdan alsame yuetamid alsamie ealaa alaeisab wal'aweiat aldamawiat alsaghirat fi aladhn aldaakhilia mae murur alwaqt qad yusabib airtifae mustawaa alsukar fi aldam shaqana fi hadhih al'aweiat walaieisab mimaa yueadu min almuathirat ealaa alsame] 'потеря слуха. Слух опирается на мелкие нервы и кровеносные сосуды внутреннего уха. Со временем высокий уровень сахара в крови может вызвать разрыв этих сосудов и нервов, что влияет на слух';

➤ значительно расширен список рекомендаций. В плакаты о диабете на арабском языке включена информация, характерная для медицинских плакатов на русском языке, посвященных здоровому питанию и здоровому образу жизни. Однако следует отметить максимальную их детализацию:

قم باستخدام الليمون أو الحامض عند طهي الأسماك والخضروات بدلا من الزبدة أو الصوص

[qum biastikhdam allaymun 'aw alhamid eind tahy al'asmak walkhadrawat badalan min alzubdat 'aw alsuws] 'используйте лимон или лайм при приготовлении рыбы и овощей вместо масла или соуса'.

a

Рис. 2. Примеры медицинских плакатов о диабете на арабском языке
a — Сахарный диабет. Узнай о симптомах.

Источник: URL: <https://learningaboutdiabetes.org/wp-content/uploads/Know20The20Symptoms20AR.pdf> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 2. Examples of medical posters about diabetes in Arabic
a — Diabetes. Learn about the symptoms.

Source: 21 Sept. 2023, <https://learningaboutdiabetes.org/wp-content/uploads/Know20The20Symptoms20AR.pdf>

б

Рис. 2. Примеры медицинских плакатов о диабете на арабском языке (продолжение):

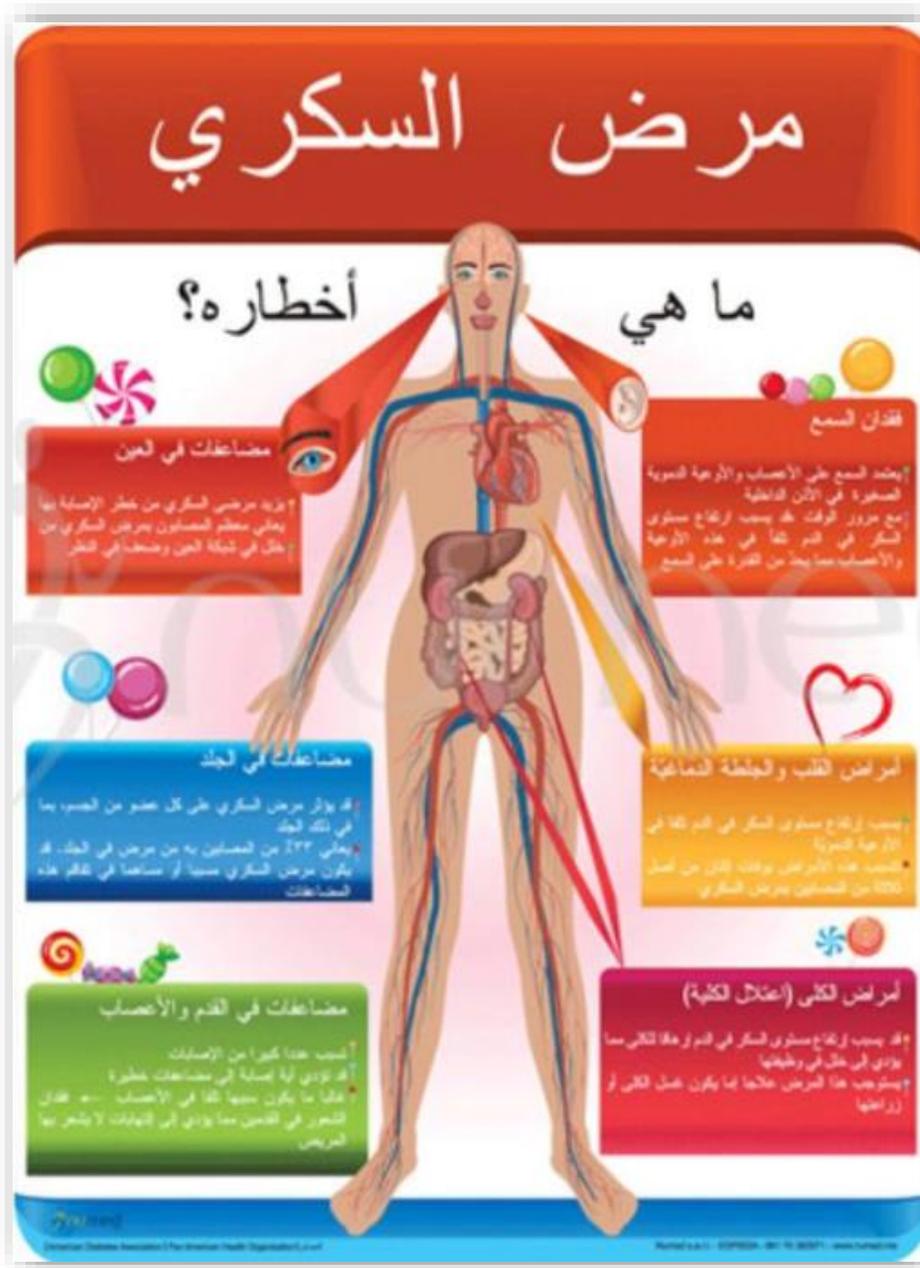
б — Травы и пищевые добавки при диабете.

Источник: URL: <https://learningaboutdiabetes.org/wp-content/uploads/pdfs-language-arabic/HerbsFoods4Diabetes-AR.pdf> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 2. Examples of medical posters about diabetes in Arabic (continuation):

б — Herbs and nutritional supplements for diabetes.

Source: 21 Sept. 2023, URL: <https://learningaboutdiabetes.org/wp-content/uploads/pdfs-language-arabic/HerbsFoods4Diabetes-AR.pdf>

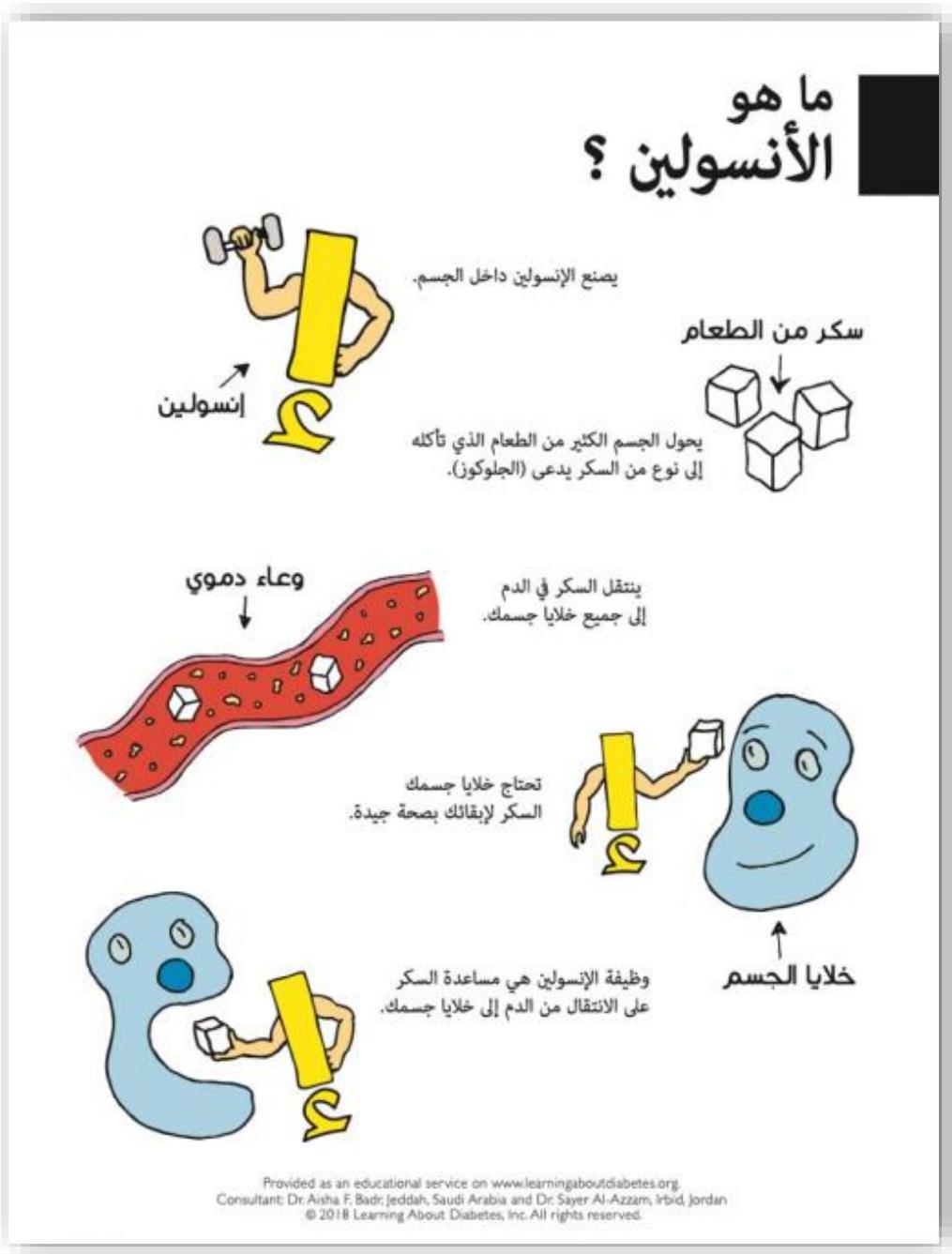
6

Рис. 2. Примеры медицинских плакатов о диабете на арабском языке (продолжение):

6 — Диабет. И источник: URL: http://www.numed.me/web/image/product.product/37789/image_1024/%5BEDP002AS%5D%20Why%20Diabetes%20Is%20Dangerous%20Poster%20%28Arabic%29?unique=fb1a7c2 (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 2. Examples of medical posters about diabetes in Arabic (continuation):

6 — Diabetes. Source: 21 Sept. 2023, http://www.numed.me/web/image/product.product/37789/image_1024/%5BEDP002AS%5D%20Why%20Diabetes%20Is%20Dangerous%20Poster%20%28Arabic%29?unique=fb1a7c2

2

Рис. 2. Примеры медицинских плакатов о диабете на арабском языке (окончание):

2 — Сахарный диабет 2 типа. Источник: URL: <https://learningaboutdiabetes.org/wp-content/uploads/pdfs-language-arabic/WhatIsInsulin-AR.pdf> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 2. Examples of medical posters about diabetes in Arabic (ending):

2 — Diabetes mellitus type 2. Source: 21 Sept. 2023, <https://learningaboutdiabetes.org/wp-content/uploads/pdfs-language-arabic/WhatIsInsulin-AR.pdf>

Визуальный компонент плакатов представлен так же, как и в плакате на русском языке, расположением текстовых фрагментов, рисунков и схем, которых больше, а также семиотикой цвета.

Текстовые фрагменты обладают большей, чем в русском языке, длиной (45 слов); также частотно применение тезисного текста, в том числе по одному слову или словосочетанию, состоящему из имени существительного и имени прилагательного (см. рис. 2, а), знаков привлечения внимания не отмечено, их функцию выполняют схематичные рисунки.

Схемы и рисунки относятся к четырем типам:

1) распространена техника комикса, который представляет собой полноценное изображение и подпись к нему (без реплик, присущих комиксу (см. рис. 2, а);

2) схематичные рисунки клеток тела, представленные как неровный кружок с глазками, носом и ртом, выражающим страдание или радость; сахар представлен в виде пачки, данные рисунки отмечены в нескольких плакатах, таким образом, можно говорить о созданных символах; часто встречаются схемы и диаграммы (см. рис. 2, з);

3) частотно изображения человека, мужчины встречаются в 4 раза чаще, в том числе без одежды (см. рис. 2, в); все женщины, найденные на изображениях, — блондинки или шатенки (см. рис. 2, а);

4) точные изображения, близкие к фотографиям, обычно относятся к сфере полезных продуктов. Связь визуального и вербального компонентов преимущественно является *репетиционной* (см. рис. 2, а, в, з).

Семиотика цвета арабских плакатов значительно отличается от использования цвета в плакате на русском языке. Арабские плакаты ярче, цветовая палитра богаче, чаще используются теплые яркие цвета (красный, оранжевый, желтый (прежде всего, как цвет инсулина — символ буква *!*)). (см. рис. 2, в и з). Рамочное оформление и подчеркивание выполнено зеленым цветом, который в арабской культуре является основным коннотативно-положительным цветом.

Таким образом, мы можем видеть, что основными функциями медицинского плаката о диабете на арабском языке являются информационная и обучающая. Очевидно, что население арабских стран должно быть встревожено получаемой информацией, поскольку отмечен высокий рост заболевания диабетом, частотность его тяжелых форм, а пищевые привычки, национальные кухни и малоподвижный образ жизни среднего класса и обеспеченных слоев общества способствуют данной негативной тенденции. В сравнении с русским медицинским плакатом о диабете модальность является панической, обучающая роль плаката реализована в таких сферах, как регулярный медицинский осмотр, изменение пищевых привычек, сопутствующее лечению

применение лекарственных трав. Однако практически нет информации о необходимости активного образа жизни, что, на наш взгляд, мотивировано выстроенной иерархией причин диабета, первое место в которой занимает избыточность углеводов и жиров в традиционном питании арабов.

Плакаты о диабете на китайском языке

Частотность медицинских плакатов о диабете на китайском языке подтверждает обеспокоенность правительства страны темпами роста диабета среди китайцев. Нами отмечено, что почти все из плакатов выборки выпущены ко Всемирному дню борьбы с диабетом (World Diabetes Day), который был введен в 1991 г. Международной диабетической федерацией (International Diabetes Federation) и Всемирной организацией здравоохранения (World Health Organization).

Рассматривая вербальный компонент плакатов, можно отметить относительную немногословность текста и скудность средств выражения; меньше 1/5 медицинских плакатов на китайском языке содержит большие блоки текста. Содержательную основу плакатов составляют визуальные элементы, например изображения органов с подписями, которые иллюстрируют осложнения, вызываемые диабетом (рис. 3, а).

На лексико-грамматическом уровне отмечены следующие особенности:

➤ основным содержанием вербального компонента медицинского плаката является описание диабета, в котором используется терминологическая лексика, например: 酮症酸中毒 [tóng zhèng suān zhòngdú] ‘диабетический кетоцитоз’, 多尿 [duō niào] ‘полиурия’, и рекомендации по его лечению (см. рис. 3, б);

➤ как и в арабском языке, часто употребляются императивные и отрицательные конструкции:

控制糖血糖预防并发症 [kòngzhì táng xiětáng yùfáng bìngfā zhèng] ‘Контролируйте уровень сахара в крови и предотвращайте осложнения’;

谨遵医嘱治疗、提高自我管理能力是关键 [jǐn zūn yīzhǔ zhìliáo, tígāo zìwǒ guǎnlǐ nénglì shì guānjiàn] ‘Крайне важно строго следовать инструкциям врача по лечению и улучшать самоконтроль’;

不做小糖人 [bù zuò xiǎo táng rén] ‘Не становись сладкоежкой’;

➤ симптомы описываются, в большинстве случаев, не полными предложениями, а словосочетаниями, которые являются подписью к изображению пораженного в результате диабета органа, например: 引起盲点 [shìwǎngmó yīnqǐ mángdiǎn] ‘Сетчатка. Вызывает ухудшение зрения’ (Изображение глаза и подпись к нему) (рис. 3, а);

a

Рис. 3. Примеры медицинских плакатов о диабете на китайском языке

a — Диабет вредит всем тканям организма.

Источник: URL: <https://www.jianshu.com/p/df67b90e8d0d> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 3. Examples of medical posters about diabetes in Chinese

a — Diabetes harms all tissues of the body.

Source: 21 Sept. 2023, <https://www.jianshu.com/p/df67b90e8d0d>

б

Рис. 3. Примеры медицинских плакатов о диабете на китайском языке (продолжение):

б — Люби свою жизнь. Профилактика и контроль диабета.

Источник: URL: <https://www.ztupic.com/suca/2431131.html> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 3. Examples of medical posters about diabetes in Chinese (continuation):

б — Love your life. Prevention and control of diabetes.

Source: 21 Sept. 2023, <https://www.ztupic.com/suca/2431131.html>

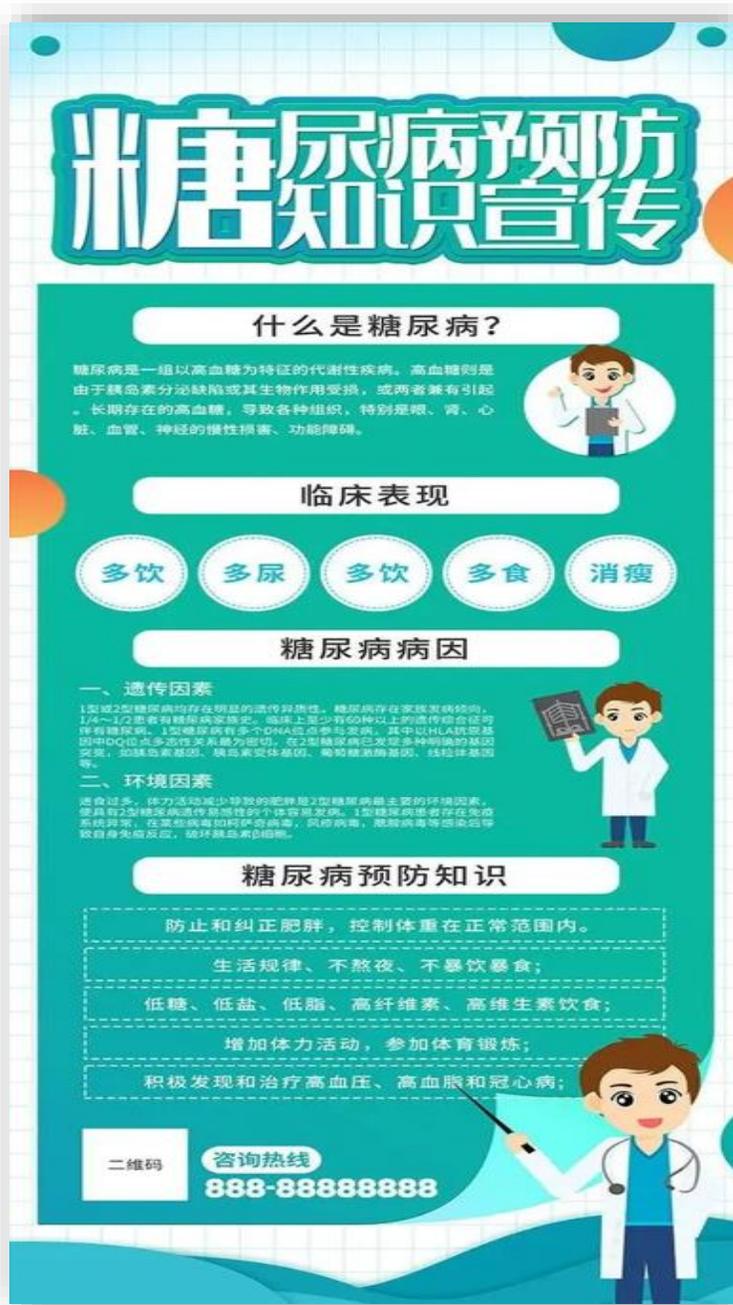
6

Рис. 3. Примеры медицинских плакатов о диабете на китайском языке (*продолжение*):

в — Профилактика диабета. Источник: URL: <https://www.ztupic.com/suca/4671144.html> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 3. Examples of medical posters about diabetes in Chinese (*continuation*):

в — Prevention of diabetes. Source: 21 Sept. 2023, <https://www.ztupic.com/suca/4671144.html>

2

Рис. 3. Примеры медицинских плакатов о диабете на китайском языке (продолжение):

2 — Популяризация знаний о профилактике диабета.

Источник: URL: <https://pic.5tu.cn/psd/202011/haibao-1731541.html> (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 3. Examples of medical posters about diabetes in Chinese (continuation):

2 — Popularization of knowledge about diabetes prevention.

Source: 21 Sept. 2023, <https://pic.5tu.cn/psd/202011/haibao-1731541.html>

ð

Рис. 3. Примеры медицинских плакатов о диабете на китайском языке (продолжение):
ð — Гипертония и диабет. Источник: URL: <https://www.meipian.cn/399clyjt>
(дата обращения: 21.09.2023)

Figure 3. Examples of medical posters about diabetes in Chinese (continuation):
ð — Hypertension and diabetes. Source: 21 Sept. 2023, <https://www.meipian.cn/399clyjt>

e

Рис. 3. Примеры медицинских плакатов о диабете на китайском языке (*окончание*):

e — Профилактика диабета. Источник: URL: https://pic4.zhimg.com/80/v2-f8ea1a0dad7bfa7c9731ddfbedc4f853_1440w.jpg (дата обращения: 21.09.2023)

Figure 3. Examples of medical posters about diabetes in Chinese (*ending*):

e — Prevention of diabetes. Source: 21 Sept. 2023, https://pic4.zhimg.com/80/v2-f8ea1a0dad7bfa7c9731ddfbedc4f853_1440w.jpg

➤ так же как в плакатах на русском и арабском языках, в китайских плакатах содержатся рекомендации по здоровому питанию, например: 减少脂肪摄入 [jiǎnshǎo zhīfáng shè rù] ‘Уменьшите потребление жиров’ (см. рис. 3, б); однако мы отметили, что в китайских плакатах присутствует рекомендация не ограничивать объем и качество питания за исключением сахара: 无糖食品可以随意吃 [wú táng shípǐn kěyǐ suíyì chī] ‘Вы можете есть еду без сахара сколько хотите’. Это связано с культом еды, который существует в китайской культуре: «В Китае любовь к еде носит философский характер, в гастрономических привычках отражается понимание гармонии в противоречиях, понимание равновесия между природой и жизненной силой. <...> Приветствуя друг друга, китайцы интересуются «Вы уже ели? [Nǐ chīle ma]? А о человеке, потерявшем работу, говорят: „Он разбил свою чашку с рисом“» [29];

➤ как и в медицинских плакатах на русском языке, в китайских плакатах отсутствует информация о лечении диабета лекарственными травами или пищевыми добавками. Как нам кажется, это связано с высокой популярностью традиционной / альтернативной медицины в Китае, что, безусловно, не способствует обращению к медикаментозному пути борьбы с диабетом, поэтому для информирования населения об опасности диабета следует избегать общепринятых для китайцев практик. Рекомендации по лечению включают только общепризнанные медицинские протоколы (измерение сахара в крови, прием инсулина) (рис. 3, д, е);

➤ отличительной особенностью китайских медицинских плакатов о диабете является высокая частотность обращения к аспекту физической активности для профилактики и лечения диабета: подпись к картинке с бегущим человеком: 适量运动 [shìliàng yùndòng] ‘Умеренные физические нагрузки’ (см. рис. 3, б, д, е).

Связь визуального и вербального компонентов представлена комбинацией *выделительной* связи, при которой изображение подчеркивает какой-то аспект вербальной информации, которая по своему объему значительно превосходит невербальную (см. рис. 3, б-е) и *репетиционную* связь (см. рис. 3, а), что сближает плакаты на китайском языке с рассмотренными выше примерами на русском и арабском языках.

Цветовая палитра плакатов разнообразна, частотны нежные цвета, такие как зеленый, голубой, розовый (см. рис. 3, а-г). Это связано с необходимостью заливки фона, так как в китайской культуре нежелательно использование белого цвета как цвета траура. Выбор указанных нежных цветов мотивирован общими тенденциями китайского дизайна.

С указанными цветами могут контрастировать более яркие цвета: традиционный набор желтого (см. рис. 3, а, б) и красного (см. рис. 3, д), которые имеют в китайской культуре преимущественно положительные коннотации.

Так, например, «желтый цвет ассоциируется с храбростью, преданностью и бесстрашием героев» [30. С. 738]. Что касается зеленого цвета и его оттенков, то для китайского плаката характерны два варианта зеленого цвета, которые не встречаются в плакате на русском и арабском языках:

➤ серо-голубо-зеленый цвет цин 靑 [qīng], близкий к цвету тифани, имеющий символическое значение жизненной силы, весны, прорастания, традиции, исторической связи (например, с китайской оперой или китайским фарфором). Это один из цветов пяти первоэлементов;

➤ цвет близкий к хаки — цвет мужества и силы (см. рис. 3, д).

Таким образом, анализ медицинских плакатов на китайском языке показал, что основными функциями являются информационная и аттрактивная, что сближает их с плакатами на арабском языке. Однако необходимо отметить относительно нейтральную модальность плакатов, яркие цветовые решения и отсутствие информационного нагнетания. Информативная роль плаката реализована в таких сферах, как регулярный медицинский осмотр, отказ от сахара, медикаментозное лечение, зоны поражения организма при диабете, роль физической активности. Лингвокультурные особенности проявляются на уровне советов по питанию и в цветовом оформлении медицинского плаката.

Заключение

Проведенное исследование показало, что медицинский плакат о диабете представлен в каждом из рассматриваемых языков и характеризуется следующими конститутивными универсальными жанровыми признаками:

1) *цель* плаката — информирование населения об опасном заболевании, его симптомах и осложнениях, о профилактике и жизни с диабетом;

2) *форма* — взаимодействие визуального и вербального компонентов для достижения цели с помощью *выделительной* и *репетиционной* связи;

3) использование медицинской терминологии в вербальном компоненте;

4) использование схем и рисунков для детализации медицинской информации;

5) семиотика цвета — использование принятого в конкретной лингвокультуре цветового оформления медицинского плаката при отсутствии единого шаблона.

Лингвокультурными особенностями медицинского плаката на русском языке, к которым мы относим как этноспецифические реалии, отраженные в поликодовом тексте медицинского плаката, так и лингвистическое их осмысление — такие черты, как рабочая модальность представления информации, реализация организующей функции (что, как, где, когда нужно сделать при симптомах диабета и для его профилактики человеку, который уже

имеет фоновые знания о диабете) и типичные цвета оформления медицинского плаката — белый, голубой, красный.

Лингвокультурными особенностями медицинского плаката на арабском языке стали тревожная модальность представления информации, реализация обучающей и аттрактивной функций, рекомендации по изменению пищевых привычек, признание эффективности лечения лекарственными травами и бадами, отсутствие внимания к аспекту физической активности, дефиниции терминов в тексте плакатов. Нетипичной для арабской культуры становится частотность изображений частей человеческого тела. Важно отметить использование ярких цветов в оформлении плакатов, что сопряжено с их аттрактивностью.

Специфическими чертами китайского медицинского плаката о диабете является частотность употребления терминов — большая, чем в русском, но меньшая, чем в арабском языке — для придания значимости проблеме; внимание к необходимости физической активности для профилактики диабета; отсутствие требования кардинального изменения пищевого поведения из уважения к гастрономическим традициям, особый набор цветов для оформления медицинского плаката.

Список литературы

1. Карасик В.И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
2. Шуравина Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 65–67.
3. Барсукова М.И., Шешнева И.В., Рамазанова А.Я. Рискогенность общения врача и пациента: коммуникативный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 486–487.
4. Жура В.В. Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3–2. С. 59–61.
5. Иссерс О.С. Диалог с потребителем в эпоху медиатизации: ответы на отзывы о медицинских услугах в условиях Интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 43–54. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-43-54>
6. Мишланова С.Л., Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2008.
7. Первухина С.В. Лингвопрагматические и функционально-стилистические характеристики рекламно-медицинского субдискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 51–56. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.270>
8. Раздорская О.В., Цыбина Ю.Ю. Метафора в медицинском профессиональном общении // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 8–3 (28). С. 341–344. <https://doi.org/26140/bgz3-2019-0803-0085>
9. Бурова Г.П., Фрикке Я.А. Интернациональная языковая основа номинации лекарственного сырья // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 20–24.

10. *Ткачева Т.А.* Инициальные аббревиатуры как результат процесса компрессии в медицинском терминологическом образовании и их языковой статус (на материале русского и французского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 19 (1). С. 42–48. <https://doi.org/10.14529/ling220106>
11. *Stepanova E.S.* Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13 (1). С. 174–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>
12. *Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В.* К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 7 (196). С. 43–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-133-137>
13. *Шамара И.Ф.* Роль дискурсивных маркеров, отражающих разные виды логических связей, в организации текста современной научной медицинской статьи // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 236–245.
14. *Сараева Е.Е., Детинко Ю.И.* Информационный медицинский плакат о профилактике COVID-19 в мультимодальном аспекте: средства воздействия на аудиторию // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (225). С. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57>
15. *Данилевская Н.В.* О специфике текстов социальной рекламы в современном рекламном дискурсе (на материале медицинской профилактической литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 132–137.
16. *Ахренова Н.А.* Особенности репрезентации концепта Covid-19 // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 108–121.
17. *Гончаренко Н.В.* Суггестивность медицинского дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 2 (26). С. 12–16.
18. *Макушева Ж.Н.* Аксиология научного медицинского дискурса в английском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (167). С. 9–15.
19. *Таюпова О.И., Полякова Е.В.* Визуализация в медицинском рекламном дискурсе Германии // Медиалингвистика. 2022. № 9 (4). С. 389–403. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.406>
20. *Куриленко В.Б., Макарова М.А.* Педагогическая модель учебно-научного медицинского дискурса // Полилингвистика и транскультурные практики. 2012. № 1. С. 60–67.
21. *Дугалич Н.М.* Конститутивные признаки медицинского плаката // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1366/1216> (дата обращения: 10.01.2024). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1366>
22. *Pavlina S.Yu.* Covid-Related Issues Visual Representation in British and American Cartoons // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 131–142. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-131-142>
23. *Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М.* Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 23 (1). С. 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133>
24. *Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М.* Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. № 20 (3). С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
25. *Дугалич Н.М.* Средства создания комического эффекта в карикатуре медицинского дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 46–58.
26. *Дайнеко И.А., Кучер О.Н., Логинова И.О.* Мотивационная доска: обучающие возможности метода в формировании внутренней мотивации контроля уровня сахара в крови больных сахарным диабетом // СибСкрипт. 2020. Т. 22, № 1 (81). С. 123–130.
27. *Казимирова Н.Е., Завьялов А.И., Басова А.В., Чулочников А.А.* Вклад дома санитарного просвещения в борьбу и профилактику туберкулеза в Саратовской области: основные вехи истории // Саратовский научно-медицинский журнал. 2020. № 16 (4). С. 984–989.

28. *Пойманова О.В.* Семантическое пространство. Анализ семантической структуры видеовербального текста // Информационная структура текста: сб. ст. М.: МГЛУ, 1994. № 404. С. 9–16.

29. *Антонова Ю.А.* Китайские традиции и приметы как носитель лингвокультурологической информации: особенности трапезы в дискурсе // Лингвокультурология. 2012. № 6. С. 4–12.

30. *Ву П.* Семантика цветообозначения желтый в китайской и русской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 729–746. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746>

References

1. Karasik, V.I. 2000. On types of discourse. Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd, pp. 5–20. Print. (In Russ.)

2. Shuravina, L.S. 2013. “On Typology of Medical Discourse.” Bulletin of Chelyabinsk State University, no 37, pp. 65–67. Print. (In Russ.)

3. Barsukova, M.I., Sheshneva, I.V., and A.Ya. Ramazanova. 2019. “Riskiness of Doctor-Patient Interaction: Communicative Aspect.” Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya, no. 3(76), pp. 486–487. Print. (In Russ.)

4. Zhura, V.V. 2019. “Doctor’s speech strategies in oral medical discourse.” Almanac of Modern Science and Education, vol.3, no 2, pp. 59–61. Print. (In Russ.)

5. Issers, O.S. 2023. “Dialogue with the Consumer in the Era of Mediatization: Responses to Reviews about Medical Services in the Context of Internet Communication.” Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, no 2, pp. 43–54. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-43-54> (In Russ.)

6. Mishlanova, S.L., and T.I. Utkina. 2008. Metaphor in popular scientific medical discourse (semiotic, cognitive-communicative, pragmatic aspects). Perm: Perm State National Research University publ. Print. (In Russ.)

7. Pervukhina, S.V. 2019. “Linguistic and Pragmatic, Functional and Stylistic Characteristics of Advertising and Medical Subdiscourse.” Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, no 1, pp. 51–56. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.270> (In Russ.)

8. Razdorskaya, O.V., and Yu.Yu. Tsybina. 2019. “Metaphor in Medical Professional Communication.” Baltic Humanitarian Journal, vol. 8–3, no 28, pp. 341–344. <https://doi.org/26140/bgz3-2019-0803-0085> (In Russ.)

9. Burova, G.P., and Ya.A. Frikke. 2011. “International linguistic basis for the nomination of medicinal raw materials.” Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin, no. 3, pp. 20–24. (In Russ.)

10. Tkacheva, T.A. 2022. “Initial Abbreviations as a Result of Compression in Medical Term Formation and Their Language Status (based on the Russian and French Languages.” Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics, vol. 19, no. 1, pp. 42–48. <https://doi.org/10.14529/ling220106> (In Russ.)

11. Stepanova, E.S. 2022. “Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths.” RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, vol. 13, no. 1, pp. 174–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>

12. Kositskaya, F.L., and M.V. Matyukhina. 2018. “On the Question of the Speech Genre Differentiation of the French Scientific Medical Discourse.” Tomsk State Pedagogical University Bulletin, no. 7, pp. 43–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-133-137> (In Russ.)

13. Shamara, I.F. 2021. “The role of discourse markers, reflecting different types of logical connections, in organizing the text of a modern scientific medical article.” Language Theory and Intercultural Communication, no. 3, pp. 236–245. Print. (In Russ.)

14. Sarayeva, E.E. 2023. “Multimodal Specifics of Covid-19 Poster: Impact on the Audience.” *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 1, pp. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57> (In Russ.).
15. Danilevskaya, N.V. 2012. “On Specific Character of Texts of Social Advertisement in Contemporary Advertisement Discourse (Based on the Data of Medical Prophylactic Literature).” *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 4, pp. 132–137. Print. (In Russ.)
16. Akhrenova, N.A. 2021. “Representational Peculiarities of the Conceptual Sphere Covid-19.” *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 108–121. Print. (In Russ.).
17. Goncharenko, N.V. 2008. “Suggestiveness of medical discourse.” *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 2(26), pp. 12–16. Print. (In Russ.)
18. Makusheva, Zh.N. 2016. “Axiology of the Academic medical discourse in the English Language.” *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 2, pp. 9–15. Print. (In Russ.).
19. Tayupova, O.I., and E.V. Polyakova. 2022. “Visualization in Medical Advertising Discourse in Germany.” *Media Linguistics*, vol. 9, no. 4, pp. 389–403. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.406> (In Russ.)
20. Kurilenko, V.B., and M.A. Makarova. 2012. “Pedagogic model of academic medical discourse.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 1, pp. 60–67. Print. (In Russ.).
21. Dugalich, N.M. 2023. “Constitutive Characteristics of a Medical Poster.” *Russian Social and Humanitarian Journal*, no. 4, 1 Nov. 2023, <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1366/1216>. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1366> (In Russ.).
22. Pavlina, S.Yu. 2021. “Covid-Related Issues Visual Representation in British and American Cartoons.” *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 3, pp. 131–142. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-131-142> (In Russ.)
23. Ebzeeva, Yu.N., and N.M. Dugalich. 2018. “Methodology for analyzing creolized text of political cartoon in the Arabic and French languages.” *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 23, no. 1, pp. 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133> (In Russ.).
24. Novospasskaya, N.V., and N.M. Dugalich. 2022. “Terminological system of the polycode text theory.” *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
25. Dugalich, N.M. 2023. “Means of Creating a Comic Effect in a Caricature of Medical Discourse.” *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 46–58. Print. (In Russ.).
26. Dayneko, I.A., Kucher, O.N., and I.O. Loginova. 2020. “Training Opportunities of the Motivation Board: Method of Internal Motivation Forming to Monitor Blood Sugar Level in Patients with Diabetes Mellitus.” *The Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 22, no. 1, pp. 123–130. (In Russ.).
27. Kazimirova, N.E., Zavyalov, A.I., Basova, A.V., and A.A. Chulochnikov. 2020. “Contribution of the House of Sanitary Education to the Fight and Prevention of tuberculosis in the Saratov Region: Basic Milestones of history.” *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, vol. 16, no. 4, pp. 984–989. Print. (In Russ.)
28. Poimanova, O.V. 1994. “Semantic space. Analysis of the Semantic Structure of the Video-verbal Text.” In: *Information Structure of the Text*, no. 404, pp. 9–16. Moscow. Print. (In Russ.)
29. Antonova, Yu.A. 2012. “Chinese Traditions and Signs as Bearers of Lingo-Cultural Information: Features of the Meal.” *Lingvokulturologiya*, no. 6, pp. 4–12. Print. (In Russ.)
30. Wu, P. 2018. “The Semantics of Yellow Color Terms in Chinese and Russian Linguocultures.” *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 9, no. 3, pp. 729–746. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Эбзеева Юлия Николаевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета, первый проректор — проректор по образовательной деятельности, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-0043-7590; E-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, заведующая кафедрой иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов. E-mail: dugalich-nm@rudn.ru

Никонов Никита Михайлович, ассистент кафедры иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов. E-mail: nikonov-nm@rudn.ru

Bio notes:

Yulia N. Ebzeeva is a Doctor in Sociology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, First Vice Rector — Vice Rector for Education, RUDN University. ORCID: 0000-0002-0043-7590; E-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru

Natalia M. Dugalich is a PhD in Philology, Associate Professor at the Foreign Languages Department, Faculty of Philology; Head of Foreign Languages Department, Institute of Medicine, RUDN University. E-mail: dugalich-nm@rudn.ru

Nikita M. Nikonov is an Assistant at Foreign Languages Department, Institute of Medicine, RUDN University. E-mail: nikonov-nm@rudn.ru

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

PHILOSOPHY AND CULTURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-340-354

EDN: KLKSYG

Научная статья / Research article

Художественный феномен картины Ивана Крамского «Неизвестная» в живописи и литературе

Е.Ю. Муратова^{ID}

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова,
Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский пр., д. 33

✉ muratova@tut.by

Аннотация. Исследование написано в русле исследований специфики живописи и литературы. В ее центре — картина Ивана Николаевича Крамского «Неизвестная», которая до сих пор остается загадкой в плане истории ее создания, причины написания, заказчика и, главное, — героини картины. Проводится параллель между картиной, стихотворением А. Блока «Незнакомка», образом Анны Карениной в театре в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и др. И картина Крамского, и исследуемые в статье художественные произведения задают одни и те же вопросы: в чем притягательность и таинственность этой женщины, кто она, счастлива или, наоборот, очень несчастна, и в конечном итоге — что есть красота, почему у человечества неизбежно томление по красоте? Помимо возникающих ассоциаций существует несколько версий-предположений, кто изображен на картине. Одна из них — это портрет Екатерины Долгорукой, второй жены Александра II. В статье описывается история их удивительной любви.

Ключевые слова: поэзия, живопись, семиотическая система, картина И. Крамского «Неизвестная», красота, таинственность

История статьи: поступила в редакцию 15.06.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Муратова Е.Ю. Художественный феномен картины Ивана Крамского «Неизвестная» в живописи и литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 340–354. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-340-354>

The Artistic Phenomenon of Ivan Kramskoy's Painting "Unknown" in Painting and Literature

Elena Yu. Muratova^{ORCID}

Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
33 Moskovsky Ave., 210038, Vitebsk, Republic of Belarus

✉ mouratova@tut.by

Abstract. The study was written in line with research into the specifics of painting and literature. At its center is the painting "Unknown" by Ivan Nikolaevich Kramskoy, which still remains a mystery in terms of the history of its creation, the reason for painting, the customer, and most importantly — the heroine of the painting. A parallel is drawn between the painting, A. Blok's poem "The Stranger", and the image of Anna Karenina in the theater in the novel by L.N. Tolstoy's "Anna Karenina" and others. Both Kramskoy's painting and the works of art examined in the article ask the same questions: what is the attractiveness and mystery of this woman, who is she, is she happy or, conversely, very unhappy, and ultimately — what is beauty? Why does humanity have an inescapable yearning for beauty? In addition to the associations that arise, there are several versions of assumptions about who is depicted in the picture. One of them is a portrait of Catherine Dolgoruky, the second wife of Alexander II. The article describes the story of their amazing love.

Key words: poetry, painting, semiotic system, painting by I. Kramskoy "Unknown", beauty, mystery

Article history: received 15.06.2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Muratova, E.Yu. 2024. "The Artistic Phenomenon of Ivan Kramskoy's Painting "Unknown" in Painting and Literature." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 340–354. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-340-354>

Введение

Основы европейской философско-художественной традиции исследования специфики живописи и литературы еще в XVIII в. заложил Г.Э. Лессинг в своем классическом труде «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии», в котором он писал: «Живопись в своих подражаниях действительности употребляет средства и знаки, совершенно отличные от средств и знаков поэзии, а именно: живопись — тела и краски, взятые в пространстве, поэзия — членораздельные звуки, воспринимаемые во времени», т. е. он разделял виды искусства на пространственные и временные [1. С. 444].

И эта традиция отдельного рассмотрения пластической и лингвистической репрезентации картины мира держалась довольно долго. Хотя еще в XIX в. А.А. Потебня писал: «Творческая мысль живописца, ваятеля, музыканта невыразима словом и совершается без него, хотя и предполагает значительную степень развития, которая дается только языком» [2. С. 35].

Но в XX в. изменилось очень многое в понимании специфики связи языка и искусства. Ю.М. Лотман ввел понятие и разработал теорию семио-

сферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов. Любое произведение искусства — это текст культуры, а культура — это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем [3].

В XX–XXI вв. многие лингвисты, литературоведы, философы, искусствоведы стали исследовать своеобразное «ментальное соединение» (Ю.С. Степанов) зрительного и словесного, которое зиждется на глубинных смыслах художественного произведения, вне зависимости от того, относится ли оно к пространственному или временному виду искусства.

Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» выдвинул идею о том, что существует особая содержательная область в психике человека, которую он называл *Высшее* (Hoheres), *Невысказываемое* (Unassprachliches), *Мистическое* (das Mystische); З. Фрейд определял ее как *Оно* (Id), К. Юнг — как *архетипы коллективного бессознательного*; о «сфере смутных представлений» писал И. Кант, в русской науке эта область определяется как *Несказанное*, современный ученый Т.В. Черниговская выделяет «невычисляемые пласты» человеческой психики.

Для всей современной гуманитарной науки характерны переход от фактического знания к глубинному, синтез разных подходов (философский, научный, художественный, религиозный и др.) с целью обретения целостного видения человека и способов его мирозерцания.

Авторы монографии «Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства», следуя идеям Ю.С. Степанова, утверждают: «Сегодня становится совершенно очевидным, что визуальная культура, оформившаяся на волне глобализации в XX–XXI ст., базируется на механизмах перекодирования и переинтерпретации всего предыдущего культурного опыта и культурных смыслов, задействованных в процессах создания новых форм визуальной и социокультурной институализации. В этой связи справедливым оказывается рассматривать визуальную культуру... как форму нового, выстроенного на принципах универсализма... гибридизированного лингвоизобразительного (в прямом и семиотическом смысле) мышления» [4. С. 560].

Естественно, имеют место быть разные виды искусства — разные по материалу, методам, инструментарию и т.д. Н.Б. Мечковская в своей книге «Семиотика: Язык. Природа. Культура» подробно описывает семиотическое различие между произведениями изобразительного искусства и другими видами искусств, в частности художественной литературой. В изобразительном искусстве основной единицей, основным знаком является целостное (законченное) изображение, в котором преобладает прямая и сильная иконичность. Произведения изобразительного искусства не разворачиваются во времени: их восприятие происходит одномоментно, в отличие от восприятия речи, танца, фильма; зритель может долго стоять перед понравившейся картиной,

но нельзя сказать, что он еще не видел ее конца. А не обладая протяженностью во времени, художественные полотна, следовательно, отображают прежде всего статику мира. Произведения пластических искусств: изобразительных (живопись, графика, скульптура) и неизобразительных (архитектура, декоративное искусство) чисто физически занимают определенные пространства, что отличает их от всех других искусств [5. С. 344–345].

Обсуждение

Несмотря на семиотические различия разных видов искусств, их объединяет великое духовное влияние на человека, обращение к глубинным составляющим его психики, поэтому совершенно правомерно, на наш взгляд, сравнивать, анализировать, сопоставлять проявление любых составляющих человеческой жизни в разных видах искусства, в разных видах творчества. Ю.С. Степанов, вслед за Н. Бердяевым и В. Розановым, утверждал, что творчество есть создание нового, «прибыль бытия», «освобождение» и «преодоление» и в конечном итоге «выход, исход, победа» [6. С. 11].

Картина Ивана Николаевича Крамского «Неизвестная» до сих пор остается загадкой в плане истории ее создания, причины написания, заказчика, и, главное, — героини картины.

И.Н. Крамской мог бы остаться в истории русского искусства, написав лишь портрет «Неизвестной», которую называют русской Джокондой. Когда в 1883 г. художник показал на публике свою «Неизвестную», она произвела на зрителей неизгладимое впечатление. Портрет гордой красавицы заворожил. Героиня И. Крамского по-настоящему прекрасна. Она не сидит, а гордо восседает в открытой коляске, взгляд Неизвестной сочетает надменность, достоинство и грусть. Картина Крамского дает основание вспомнить замечательное высказывание швейцарского художника Жана Леотера, который утверждал, что живопись — самое прекрасное, что предлагает нам Вселенная.

Своеобразным эпиграфом к этой картине могут служить слова философа Сергея Булгакова: «Земная красота загадочна и зловеща, как улыбка Джоконды! Томление по красоте есть вопль всего мироздания». В своей картине И. Крамской прикасается к самым мучительным загадкам человечества: что есть красота, как соотносятся красота и нравственность, красота — она от Бога или от Дьявола?

Вот как эту картину увидел поэт Александр Верба:

*Зимним сном затуманилась дымка.
Дремлет сумрачных зданий гранит.
Петербург, как на выцветшем снимке,
Молчаливо преданья хранит.*

*В пересудах столичного света,
Оживает застывший мираж:
В мерном цокоте, словно карета,
Тёмной тенью скользит экипаж.*

*И не ветреница, не кокетка
В нём всё время блистает одна.
Кто ты, строгая, в чёрном, брюнетка?
Так загадочна и холодна!*

*Кто ты? Силой какой поднебесной
Окрылён чуть надменный твой взгляд?
И о чём, Чёрный Ангел прелестный,
Уголки твоих глаз говорят?*

*Не слезинки ль застыли в них блеском?
Или страсть загустела вином?..
Нет ответа... Всё стихло на Невском.
Петербург забывается сном¹.*

Стихотворение имеет кольцевую структуру: оно начинается с описания Петербурга и им же заканчивается. Петербург предстает живым и каким-то грустно-молчаливым существом: в начале стихотворения *дремлет зданий гранит, город молчаливо преданья хранит*; в конце: *Петербург забывается сном*. И в этом сумрачном, молчаливом, дремлющем городе *темной тенью скользит экипаж*. Уже при таком описании города возникает некая таинственность и загадочность.

В стихотворении мы видим описание картины и отдельные черты самой героини: *Петербург как на выцветшем снимке, экипаж, брюнетка в черном, надменный взгляд, уголки глаз, слезинки в глазах*. Но все это фон, художественная аура. Поэт, как многие и многие смотрящие на картину И. Крамского «Неизвестная», пытается понять, кто она, эта таинственная женщина. *Не ветреница, не кокетка, все время блистает одна*, т.е. ни от кого не скрывается, сидит открыто и гордо, строгая, загадочная, холодная, с надменным взглядом.

Поэт называет эту женщину *Черным Ангелом прелестным*. По Библии, ангелы — духи, не имеющие плоти, все они сотворены Богом и служат Ему, они активные участники Божественного Промысла. Кроме того, еврейское «малах», как и греческое «ангелос», означает «вестник», Библия преимущественно говорит об ангелах как о посланцах Бога. Согласно христианскому учению, помимо безгрешных ангелов существуют падшие ангелы, которые,

¹ Верба А. Неизвестная (на картину И.Н. Крамского). Эл. ресурс. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/115569/> (дата обращения: 03.03.2024)

будучи увлечены Дьяволом и взбунтовавшись, перестали служить **Богу** и стали служителями Сатаны. Но черные ангелы в Библии не упоминаются вообще, хотя в разных текстах, в том числе и в русской классической литературе, они нередко встречаются, и это именование имеет достаточно разное смысловое наполнение.

В иудейской религии есть Черный Ангел Смерти. Согласно Талмуду, чаще всего Черный Ангел Смерти является в образе беглеца либо нищего бродяги. Дарует Малах только естественную смерть, при насильственной или преждевременной смерти Ангел не присутствует.

Существует Черный Ангел Хранитель — это мощная душа, прошедшая через два первых круга Ада и вырвавшаяся на свободу в результате землетрясения или извержения вулкана. И это именно Черный Хранитель, он не убеждает человека, а, наоборот, толкает его к преступлениям и греху.

В разных текстах, особенно поэтических, Черный Ангел — это ангел ночи, покровитель тайных любовников.

Существует понимание, что Черные Ангелы — это уже не ангелы, но еще и не служители Сатаны. Они сочетают в себе ангельское начало и дьявольское мышление и находятся где-то посередине рая и ада.

Трудно сказать, какой именно смысл вкладывает поэт в именование Черный Ангел, но для приближения к его пониманию необходимо обратить внимание на предыдущую строку — *Силой какой поднебесной Окрылён чуть надменный твой взгляд?* Речь идет все-таки о поднебесных силах, которых, строго говоря, всего две: Бог и Дьявол, и эти силы поэт предполагает в этой таинственной женщине: Ангел (Бог) и Черный (Дьявол). То есть поэт задает вечный вопрос: красота — она от Бога или от Дьявола?, на который ответить невозможно. Да он и сам говорит об этом в стихотворении: *Нет ответа...*

Все это подтверждает идею современной науки, что разные семиотические системы (в данном случае поэзия и живопись), разными средствами и путями постижения и достижения своих целей ставят одинаковые вопросы и пытаются получить на них ответы. Так, картина Крамского и данное стихотворение (а оно не одно) задают одни и те же вопросы: в чем притягательность и таинственность этой женщины, кто она, счастлива или, наоборот, очень несчастна, и в конечном итоге — что есть красота? Почему неизбежно томление человечества по красоте?

Изобразительное искусство как «текст» культуры, «знаковая материя», «знак» особого рода подразумевает социальное, коммуникативное бытие. Своей картиной Иван Крамской не только поразил общество, но и расколол его. Кого изобразил художник? Кто эта женщина? Критик Владимир Стасов назвал ее кокеткой в коляске. Многие современники сошлись во мнении, что на портрете — богатая содержанка. Женщина одета модно, дорого

и элегантно, но неписанные правила высшего света исключали строгое следование моде, в котором было принято намеренно отставать от новых веяний в одежде. Подчеркнутую модность могли позволить себе дамы полусвета: куртизанки и содержанки. Кроме того, в то время почтенная дама не разъезжала одна. Павел Михайлович Третьяков отказался покупать картину — ее приобрел промышленник Павел Харитоненко, хотя сейчас «Неизвестная» является украшением Третьяковской галереи.

Уже давно проводится параллель между картиной И. Крамского и стихотворением А. Блока «Незнакомка», которое было написано поэтом в 1906 г., т.е. через 23 года после создания картины:

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

*Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.*

*И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.*

*Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бессмысленно кривится диск.*

*И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.*

*А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.*

*И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.*

*И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.*

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

*И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.*

*Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.*

*И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.*

*В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты, право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине².*

Кто эта элегантно одетая женщина, красивая и гордая, которая ежевечерне приходит во второразрядный захудалый загородный каба́к и сидит между пьяниц с глазами кроликов? Верх неприличия во всем: в поведении (одна, без спутников), в месте (пьяный каба́к), в окружении и атмосфере (пьяные окрики, пыль переулочной, женский визг). Сразу невольно напрашивается мысль, что перед нами дама «определенного сорта» и приходит она в каба́к с определенной целью. Такие «дамы» легкого поведения обычно приходят «стайками», с нетрезвыми спутниками, с удовольствием выпивают с пьяницами.

Но такую мысль невольно останавливает, как и в картине И. Крамского, некая удаленность, отстраненность этой таинственной женщины от всего

² Блок А. Незнакомка. Эл. ресурс. URL <https://www.culture.ru/poems/284/neznamomka> (дата обращения: 02.03. 2024)

окружающего, она как будто существует над реальной жизнью, над действительностью. И появляется *Всегда без спутников, одна*, садится на одно и то же место у окна и весь вечер проводит в одиночестве.

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

Узкая рука — признаки аристократки голубых кровей. Черные траурные перья на шляпе, почему черные? — возможно, дама носит траур? И еще: незнакомка появляется в строго определенное время (*И каждый вечер, в час назначенный...*). Кто его назначил? Что она вообще делает в этом заведении? *И медленно, пройдя меж пьяными...* почему медленно? Кого-то ищет?

Незнакомкой вполне могла быть дама из светского общества. Причины ее постоянного появления в заурядном кабаке разгадать, наверное, нельзя. Но если учесть время, эпоху, в которую все это происходит, то можно несколько по-иному взглянуть на присутствие таинственной дамы в загородном кабаке. В начале XX в. меняются взгляды общества на то, что допустимо, а что неприемлемо. Исчезают многие моральные запреты. Дамы, пользуясь предоставленной свободой, открыто появляются там, куда им раньше вход был запрещен. В местах с сомнительной репутацией они носят вуаль, как и блоковская Незнакомка:

*И странной близостью закованный,
смотрю за темную вуаль.*

Кроме того, надо учесть, что А. Блок писал это стихотворение в очень тяжелое для себя время — крушение идеала Вечной Женственности, свержение с пьедестала Прекрасной Дамы: его жена Любовь Дмитриевна Менделеева изменила ему с его другом Андреем Белым. Хотя надо сказать, что и сам А. Блок был далеко не примерным мужем, проводя время в кабаках с проститутками. В частности, место кабака в «Незнакомке» описано поэтом практически детально: он находился в дачном поселке Озерки, где Блок проводил вечера летом 1906 г.

Поэт почему-то решил, что ему, чтобы избавиться от депрессии, нужно упасть на самое дно жизни, познать мир трущоб. У Незнакомки и А. Блока своя тайна, свой путь в бездну (в бездну чего? Разврата, дна, опустошенности, депрессии? А, может быть, это путь самопознания, избавления от ненависти к самому себе: раз есть такие, как Я (Незнакомка), похожие своей тайной на мою, может быть, еще не все потеряно и можно вырваться из этого

душевного ада?). Но герой стихотворения не делает никаких попыток подойти, поговорить, он только наблюдает чужую тайну, но не вторгается в нее, да и Незнакомке, он понимает, совершенно не нужны его участие или помощь, она наслаждается своей тайной (возможно, с горечью и болью), ежевечерне приходя в этот кабак, она абсолютна гармонична в своем одиночестве среди пьяниц с глазами кроликов.

С другой стороны, таинственная незнакомка могла быть *просто видением, мечтой поэта, желанием очарованного берега и очарованной дали*. Изображая свое видение, художник или поэт «вовсе не претендует на его реальную объективность; однако, если б оно не было знаком реального инобытия, оно не было бы ни сообщительным, ни действенным [7. С. 277].

И картина И. Крамского «Неизвестная», и стихотворение А. Блока «Незнакомка» окружены ореолом загадки и таинственности. И поэт, и художник, создавая прекрасный женский образ, хотели отразить в нём своё понимание красоты, таинственной женской привлекательности.

Картина И. Крамского вызывает еще одну ассоциативную связь с другой литературной героиней — Анной Карениной. Вот как описывает Л.Н. Толстой образ и внутреннее состояние Анны Карениной в ложе театра, в который она, отвергнутая высшим светом из-за ухода от мужа к Вронскому, пришла, бросая вызов всем:

«Вронский вдруг увидал голову Анны, гордую, поразительно красивую и улыбающуюся в рамке кружев. Она была в пятом бенуаре, в двадцати шагах от него... Постанов ее головы на красивых и широких плечах и сдержанно-возбужденное сияние ее глаз и всего лица напомнили ему ее такую совершенно, какую он увидел ее на бале в Москве. Но он совсем иначе теперь ощущал эту красоту. В чувстве его к ней теперь не было ничего таинственного, и потому красота ее, хотя и сильнее, чем прежде, привлекала его, вместе с тем теперь оскорбляла его. Она не смотрела в его сторону, но Вронский чувствовал, что она уже видела его... Анна же, сложив веер и постукивая им по красному бархату, приглядывается куда-то, но не видит и, очевидно, не хочет видеть того, что происходит в соседней ложе. ...Картасов вышел, не поклонившись, и ложа осталась пустою. Вронский не понял того, что именно произошло между Картасовыми и Анной, но он понял, что произошло что-то ужасное для Анны. Он понял это и потому, что видел, и более всего по лицу Анны, которая, он знал, собрала свои последние силы, чтобы выдержать взятую на себя роль. И эта роль внешнего спокойствия вполне удавалась ей. Кто не знал ее и ее круга, не слышал всех выражений соболезнования, негодования и удивления женщин, что она позволила себе показаться в свете и показаться так заметно в своем кружевном уборе и со своей красотой, те любовались спокойствием и красотой этой женщины и не подозревали, что она испытывала чувства человека, выставляемого у позорного столба».

«Неизвестная» И. Крамского до сих пор остается загадкой художника. Ни в письмах, ни в дневниках он не оставил упоминаний о личности неизвестной.

Помимо возникающих ассоциаций, существует несколько версий-предположений, кто изображен на картине. Одна из них — это портрет Екатерины Долгорукой, второй жены Александра II.

История удивительной любви Александра II и Екатерины, которая продолжалась 15 лет, до трагической гибели государя 1 марта 1881 г., была известна тогда всему дворянству и известна сейчас.

Отец Екатерины князь Михаил Михайлович Долгорукий разорился, его имение пошло с молотка, а надо было как-то содержать шестерых детей. Александр II взял потомство князя на свое попечение. Четверых сыновей определили в военное училище, а 12-летняя Катя и 10-летняя Мария были приняты в Смольный институт благородных девиц на правах пансионеров его императорского величества. Александр, регулярно навещавшийся в Смольный, постоянно интересовался своими пансионерками и навещал Екатерину даже в лазарете. Его забота была именно отеческой: царь был старше Долгорукой почти на 30 лет.

Через год после окончания 16-летней Екатериной Смольного института они случайно встретились в Летнем саду. После этого встречи стали почти ежедневными. Они подолгу вместе гуляли по аллеям Летнего сада. Привычная прогулка состоялась и 4 апреля 1866 г. Они договорились встретиться вечером в Смольном, навестить сестру Екатерины Машу. Через несколько минут в Александра II стрелял Дмитрий Каракозов, но промахнулся. Это было первое из семи покушений на царя. И тем не менее Александр через несколько часов после этого трагического инцидента приехал в Смольный. Узнав об этом, Екатерина потеряла сознание, а потом долго плакала и поняла, что любит Александра и что император тоже любит ее.

Их регулярные свидания проходили во всех резиденциях. То, что императрица Мария Федоровна и наследник Александр Александрович явно не одобряли эту скандализировавшую всё общество связь, ничуть не смущало императора, потерявшего голову от любви. Екатерина родила от Александра четверых детей (первый сын умер почти сразу после родов).

Для Екатерины выделили комнаты в Зимнем дворце прямо над покоями императора. Днем Александр играл там с детьми, а вечером малышей отвозили в дом недалеко от дворца, монарх же оставался наедине со своей возлюбленной. «Я обожаю просыпаться с тобой, когда ты лежишь в кровати рядом со мной, глаза закрыты, красивая, как никогда в нашей солнечной комнате», — писал он ей.

Сохранилось почти 5 тысяч писем их взаимной переписки за 15 лет. Отдельные письма опубликованы, но в целом переписку Александра и Ека-

терины публиковать не хотят, видимо, из-за слишком интимного характера документов. Но существует книга, написанная на основе этих писем Юлией Сафоновой «Екатерина Юрьевская. Роман в письмах», в которой автор деликатно и психологически тонко постаралась передать всю глубину любви и взаимопонимания между императором и Екатериной Долгорукой. Их отношения никогда не мыслились ими в категориях греха, а, напротив, — как следование божьему велению. Их отношения, конечно, были известны всему высшему свету и воспринимались как скандальные, но все молчали, не смея говорить об этом открыто.

В 1880 г., когда после смерти императрицы Марии Федоровны не прошло и сорока дней, государь обвенчался с Екатериной Долгорукой, она получила титул светлейшей княгини Юрьевской, в распоряжение которой государь, как будто предчувствуя свою близкую гибель, передал Особый капитал, составивший 3 409 580 рублей 1 копейку. «Придворные, получавшие приглашения на чай к молодоженам, были изумлены той фамильярностью, с которой Долгорукая обращалась к государю. И вообще, манеры Юрьевской показались им вульгарными, провинциальными, как и ее наряды. Возможно, отчасти так и было. Ведь Екатерина после Смольного почти все годы провела в изоляции, вдали от светских салонов. Она так и не успела «обтесаться» там, приобрести лоск безупречно воспитанной светской дамы. Но, может быть, в этом и заключались для царя ее достоинства: не приобретя салонного лоска, она не стала фальшивой» [8. С. 561].

Александр II хотел короновать свою новую жену, а затем — отречься от престола и частным человеком провести остаток жизни где-нибудь за границей с Катенькой: «Ах! Как все мне надоело, и что бы я дал, чтобы бросить все, удалиться куда-нибудь с тобою, ангел души моей, и жить только для тебя».

Возникает вопрос: почему среди искусствоведов, историков, литературоведов возникла версия, что на портрете И. Крамского изображена Екатерина Долгорукая, вернее — ее неотразимый и таинственный образ?

Известно, что именно в это время, в 1880 г., И. Крамской получил заказ написать портрет княгини Юрьевской, но заказ просили не афишировать.

Осенью 1880 г. другой известный столичный художник К.Е. Маковский писал в Ливадии парадный портрет княгини Юрьевской, который недавно был обнаружен в Стокгольме и в 2017 г. продан на аукционе за рекордные 1,304 млн долл. США. Сын художника запомнил такую подробность: Маковский начал картину в Ливадии, написав лицо модели с натуры, а заканчивал в Петербурге, воспользовавшись услугами натурщицы, так как княгине Екатерине Юрьевской явно недоставало терпения и усидчивости для позирования.

Сохранился этюд И. Крамского времен работы над «Неизвестной» — молодая женщина в коляске в той же позе. Чем-то похожа на героиню

картины. Скорее всего, это натурщица. До непосредственного изображения лица княгини И. Крамской хотел написать нужную ему позу, которую он уже творчески создал в своем художественном воображении, он заранее готовился к тому, чтобы при работе над портретом княгини Юрьевской напрасно не тратить время на проработку деталей. Но Крамскому не удалось осуществить этот замысел.

1 марта 1881 г. Александр II погиб от бомбы народовольцев, трон занял его сын Александр III. Княгиня Юрьевская отрезала свои роскошные волосы (длинная коса достигала пола) и положила их в гроб императора. Наследник престола ненавидел княгиню, считая ее причиной бед в их семье, жалея свою действительно несчастную мать-императрицу, которая все эти долгие 15 лет переносила тихо и стойко открытую измену мужа. Под их жестким давлением безутешная вдова покинула Зимний дворец, а затем уехала вместе с детьми из России в Ниццу.

И. Крамской оказался невольно вовлечен в чужую семейную драму, заказ отпал сам собой, тайна сохранилась: он нигде, никогда и никому не рассказывал об этой ситуации, но успокоиться, освободиться от образа женщины, заполнившей его творческую душу, он не мог. Он создал этот шедевр. Чувствуются мотивы от княгини Юрьевской: героиня изображена на фоне Аничкова дворца, того, в котором еще совсем недавно жил Александр III. По ее позе и гордой осанке видно, что она уезжает отсюда навсегда. Уезжает с болью, печалью и да, с надменностью, а может быть, это высота ее и его любви, которая выше слухов, сплетен, пересудов? Этого мы никогда не узнаем, потому что героиня, действительно, *Неизвестная*.

Заключение

Таким образом, «ментальное соединение» зрительного и словесного позволяет объемно, стереоскопически (т.е. одновременно с разных сторон — живописи и поэзии), более объективно «разгадывать» глубинные смыслы художественного произведения.

При этом каждая семиотика искусств имеет свои плюсы и минусы. Так, художественная литература значительно подробнее и объективнее отражает жизнь определенной эпохи, но уступает живописи в чувственной наглядности, зримой объемности. Можно много документально и художественно рассказывать о гибели Помпеи, но достаточно остановиться у полотна К. Брюллова «Последний день Помпеи», чтобы не забыть эту трагедию никогда.

Вместе с тем в стихах тоже может создаваться воображаемая картина, реально воспринимаемая читателем. Например, у О. Мандельштама: *Худож-*

ник нам изобразил / Глубокий обморок сирени... Такую сирень трудно представить пышным и свежим букетом. Через семиотическую систему художественного текста поэт передал семиотику живописи, т.е. и изображенное на картине, и свое видение ее, и свои эмоции.

Взаимопроникновение разных семиотических систем друг в друга, их взаимовлияние объективно обусловлено общей человеческой природой, психологией, культурой, целями искусства. Живопись и литература — это космические художественные миры искусства, и в конечном итоге эти миры реализуются в художественном произведении любого вида искусства, в любой семиотической системе — феномене кристаллизации личности творца и времени его творения.

Список литературы

1. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии // Избранные произведения. М., 1953. С. 385–516.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1926.
3. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. СПб., 2002.
4. Феценко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014.
5. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводов. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
6. Степанов Ю.С. Творчество // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: материалы конференции. М.; Калуга, 2008.
7. Иванов В.И. Форма жидущая и форма созиданная // Семиотика и Авангард: антология. М., 2006.
8. Анисимов Е. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2014.

References

1. Lessing, G.E. 1953. "Laocoon, or about the boundaries of painting and poetry". In Selected works. Moscow, pp. 385–516. Print. (In Russ.)
2. Potebnya, A.A. 1926. Thought and language. Kyiv. Print. (In Russ.)
3. Lotman, Yu.M. 2000. "History and typology of Russian culture: Semiotics and typology of culture. Text as a semiotic problem. Semiotics of everyday behavior." In History of literature and culture. St. Petersburg. Print. (In Russ.)
4. Feshchenko, V.V., and O.V. Koval. 2014. Creation of the sign: Essays on linguistic aesthetics and semiotics of art. Moscow: Languages of Slavic Culture publ. Print. (In Russ.)
5. Mechkovskaya, N.B. 2008. Semiotics: Language. Nature. Culture: Course of lectures: textbook. Moscow: Academy publ. Print. (In Russ.)
6. Stepanov, Yu.S. 2008. "Creativity." In Creativity beyond traditional classifications of the humanities: Conference materials. Moscow, Kaluga. Print. (In Russ.)

7. Ivanov, V.I. 2006. “The form that builds and the form that is created.” In *Semiotics and Avant-Garde*. Anthology. Moscow. Print. (In Russ.)
8. Anisimov, E. 2014. *Imperial Russia*. St. Petersburg: Piter publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Муратова Елена Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусского и русского языкознания, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь. ORCID 0000-0002-5246-8911; E-mail: mouratova@tut.by

Bio note:

Elena Yu. Muratova is a Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Belarusian and Russian Linguistics, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus. ORCID 0000-0002-5246-8911; E-mail: mouratova@tut.by

ЭССЕ

ESSAY

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-355-364

EDN: LDENPZ

Эссе / Essay

Кочующие в мирах

Ш.А. Кулиева✉, Е.Н. Маркова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, д. 6

✉ shekkul@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию 17.02.2024; принята к печати 19.03.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Кулиева Ш.А., Маркова Е.А. Кочующие в мирах // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 355–364. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-355-364>

Nomads across the Worlds

Sheker A. Kulieva✉, Elena A. Markova

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ shekkul@mail.ru

Article history: received 17.02.2024; accepted 19.03.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Kulieva, Sh.A., and E.A. Markova. 2024. "Nomads across the Worlds." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 355–364. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-355-364>

© Кулиева Ш.А., Маркова Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

В русле антропоцентризма — главенствующего вектора развития современной гуманитарной науки — человек становится альфой и омегой исследовательского интереса. Однако следует признать, что с изменением контекста бытования изменился и сам «мыслящий субъект»: эпоха постмодерности повлекла за собой масштабные трансформации метасоциума, затронувшие жизненные ориентиры человечества. Они потребовали новых подходов к программированию ментального и духовного жизнеположения индивида. Человечество вступило в новый эон — эон постнеклассической рациональности, когда культура не может более базироваться на доминанте разума, способного объяснить и детерминировать внешний мир.

Если определяющим принципом рациональности остается целесообразность, при которой нравственные, духовные и деятельностные интенции человека должны отвечать критерию результативности, то постнеклассическая рациональность базируется на постулате универсальности субъективности. Если классическая рациональность конструирует идеальную реальность, не зависящую от сознания мыслящего субъекта, то постнеклассическая рациональность ориентируется на множественность истин с расширенным потенциалом к интерпретации. Показательно, что постнеклассическая рациональность соответствует запросу на межкультурный диалог, культурные трансформации и культурное посредничество.

В рамках постнеклассической рациональности развивается понятие «номадизм», которое закономерно рассматривать не только как социально-экономический тип хозяйствования, но и как альтернативную концепцию транскультурных «перемещений», в соответствии с которой активно формируется тип «культурно мобильных писателей», не ограниченных в своих творческих практиках конкретно-историческим локалом.

Номадизм — проект нового миропорядка, выдвинутый философами-постструктуралистами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Однако нового ли?

Концепция номадизма базируется на логике отказа от ряда презумпций, согласно которым организация бытия структурирована и иерархична, а миропорядок подчиняется идее центрированности и детерминизма как принудительной каузальности в сфере функционирования классических бинарных оппозиций (таких, как «внешнее — внутреннее», «прошлое — настоящее» и др.). Провозглашая эпистемологическую исчерпанность западной философии, номадизм выдвигает базовые установки, согласно которым внешний мир аструктурен, пространство децентрировано и открыто потенциальной территориализации.

Как общественная концепция номадизм базируется на философии «племенной психологии», которая подразумевает образование аутентичных социальных групп, бросающих вызов социуму и разрабатывающих собственную уникальную символику и ритуалы. По мысли Делеза, новые «племена» спо-

собны реконструировать субсистемы древности и сам аппарат цивилизации; в этом понимании номадизм сближается с понятием постмодернизма.

Один из ключевых символов номадизма — ризома как метафора сознания. Ризома («корневище») — это феномен нелинейного порядка. Он противопоставлен онтологической вертикали как горизонтальный ползучий «стебель», приращивающий все новые и новые «побеги». Будучи децентрированным образованием, ризома «растет вширь». Так, «кочевники» постмодерности не сегментируют пространство: они пребывают в неограниченном поле бытийствования. Любое место ризомы может быть присоединено к другому ее месту по принципу сцепления. Стержень объекта отсутствует априори; при повреждении структуры ризома возобновляется. В отличие от паттернов классической рациональности ризома открыта трансформациям и бесконечно разнообразна: это ее свойство характерно для транслингвальных художественных дискурсов, которые рождаются на стыке культурно гетерогенных зон.

Ризома – залог креативного потенциала системы: произрастая по горизонтали в какую угодно сторону, она образует сеть корневых «побегов», переплетение которых бесконечно многообразно; в частности, это достигается за счет того, что в подобном сцеплении участвуют этиологически гетерогенные элементы. По мысли Делеза и Гваттари, ризома процессуальна: она не имеет ни начала, ни конца, всегда занимая положение «посередине» [1].

Осмысляя организацию бытийного пространства, Делез и Гваттари апеллируют к феномену культурной игры, противопоставляя шахматы и игру кочевников (*go*) как принципиально различные модели пространственного членения. Так, шахматы с их очерченной доской символизируют идею системы мест и четкую фиксацию значимых фигур. *Go*, напротив, знаменует концепцию детерриториализации: камешки «рассеиваются» по незамкнутой поверхности, и каждый бросок есть акт ситуативной реконфигурации смыслов, то есть реализация идеи о распределении сингулярностей, априори подвижных и способных к самовоссоединению. Ризома в этом случае негенеалогична, а потому не подчиняется структурной модели.

Оседлая культура рассматривает движение как перемещение по осевому вектору. Номадизм рассматривает его как дисперсное «рассеивание». Пространство лишено понятия центра. Будучи разорванной, ризома как нефинальный элемент системы, обладающий витальной энергией, способна перестроиться на другую линию. Любая точка ризомы должна быть связана с любой же другой: ее сингулярности не только воссоединяются, но и активно коммуницируют между собой.

Номадизм новейшего времени провозглашает идею субъекта как химеры — человека-лошади, который вместе с другими познающими субъектами собирается в орду, не признающую границ. Путь «кочевника» как индивида новой формации — это путь эволюционной экспансии, движущейся

в противонаправленном отношении к государству с его идеей сегментации и жесткой зафиксированности границ — территориальных и культурных. «Кочевник» переоткрывает пространства путем бесконечного перемещения. Движение есть его экзистенциальная характеристика, и в этом отношении он не движется «от точки к точке». Перемещаясь вместе с «домом» (*Omnia mea mecum porto*), кочевник онтологически неподвижен [1].

«Номадами семиотических пространств» выступают и культурно мобильные писатели, которые не прикреплены к определенной этнокультурной территории. С одной стороны, это писатели, которые столкнулись с необходимостью реальных географических перемещений (эмиграция вследствие различных причин). С другой — это внутренние «иные», не признающие жестких детерминант монолингвальных и монокультурных парадигм. В особенности это касается пост- и метамодернистских креативных дискурсов.

Культурно мобильный автор — это «человек семиотического „пограничья“ (не случайно Б. Каирбеков определяет себя как мифического „перевозчика“), посредник между культурами, а транслингвальный текст — своеобразный кроссовер, вбирающий в себя черты нескольких культур, но не соответствующий ни одной из них полностью» [2].

По мнению исследователя М.В. Глостановой, современная эпоха ознаменована кризисом конца локальности, что подразумевает интенсификацию самоощущения мыслящего субъекта как «пойманного в культурную ловушку» [3]. Личность оказывается в промежуточном положении между несколькими кодирующими системами, однако ни одна из них не становится для нее «центром». Пространство бытования культурно мобильного писателя децентрировано, что сопряжено с различными модусами автовосприятия: с одной стороны, оно может быть дефецитарным, с другой — целостно-синтетическим, восходящим к принятию себя как креативного посредника между мирами. В лейдермановском Хаосмосе [4] осуществляется пересборка мира, его реконфигурация. Тем не менее сегодня мы можем наблюдать и следующую тенденцию: в противовес пространственной венаходимости автора актуализируется субъект-позиция единовременного присутствия в различных культурных и креативных дискурсах: писатели, относящиеся к одной культуре, творят на языке другой культуры, создавая нарративы нелинейного порядка, нарративы-ризомы, смыслы которых произрастают горизонтально в различных точках сцепления гетерогенных культурных элементов. Литература, создаваемая автором, относящимся к одному культурному полю, на языке другого культурного поля, называют транслингвальной [5]. По мнению исследователей [6], именно художественная литература дает современному читателю возможность пережить транскультурный опыт, так как процесс отождествления себя с представителями иных культур и географических пространств достаточно интенсивен.

Несмотря на то, что транслингвальная ситуация (в частности, в художественной литературе) предполагает функциональное доминирование одного языка над другим, она, как правило, детерминирована рядом объективных факторов. Так, «обреченными на диалог» (формулировка В.Р. Аминовой) оказались все выходцы из бывшего СССР, в котором русский язык выполнял функцию консолидирующего и интегрирующего явления. По мнению теоретика транслингвизма С. Келлмана [5] авторы, намеренно выбирающие другой язык в своих креативных практиках, зачастую нацелены на выход к более широкой аудитории и ожидание коммерческого успеха. Кроме того, язык «усвоенной культуры» может предложить автору более совершенный технический инструментарий для трансляции своих идей. Однако ограничиться только этими факторами значит априори совершить герменевтическую ошибку в отношении транслингвального текста. Нам ближе позиция У.М. Бахтикиреевой, в соответствии с которой трансязычие способно дать читателю ту стереоскопичность мировидения, которая недостижима внутри монолингвальной парадигмы [7]. Одной из моделей транслингвальной литературы исследователь называет литературу русофонную. Именно в ее пространстве происходит перманентный диалог различных мировоззрений, в процессе которого продуцируются новые смыслы. Русский язык выступает в данном случае посредником между культурными «полями», приобщая читателя к новой для себя языковой картине мира. В данном случае именно язык становится коммуникативным мостом к культурным ресурсам народов всего постсоветского локала.

В транслингвальном художественном тексте формируется континуум взаимодействия нескольких языков и культур; при этом мы, как правило, не наблюдаем ни ассимиляции, ни взаиморастворения: аутентичные элементы каждой лингвосистемы оставляют за собой право на «непрозрачность». Стирания границ между этносами не происходит; напротив, элементы обеих культур циркулируют в единстве потенциально не ограниченного креативного поля, трансформируя его «зоны». М.В. Тлостанова видит в транскulturации вызов монокультурным конструктам, провозглашающим чистую культурную идентичность [2].

Транслингвальный художественный текст — это текст «номадического типа»: он не прочерчивает границ между коммуницирующими языками и предполагает ризоматическое продуцирование новых смыслов.

Учитывая, что в распоряжении автора-билингва оказывается арсенал двух лингвосемиотических систем, формируется альтернативная картина мира, не замкнутая по своей природе. Более того, исходная культура, «просвечивающая» сквозь палимпсест русскоязычного текста, продолжает активно ретранслироваться, следовательно, правомерно говорить о ее ревитализации. М. Хайдеггер справедливо называл язык «единящим началом»: говоря через

Творца, он продолжает выражать его самость (отметим, что это касается и этнической самости в том числе).

Итак, русофонный транслингвальный текст как текст номадического типа осуществляется на русском языке, но произрастает из почвы исконной для автора культуры. При этом мы не можем говорить ни о диктате этой культуры, ни о диктате языка-посредника: сплав этот органичен, природен. Исконная культура для автора первостепенна в силу своей архетипичности: ее паттерны, в том числе сюжеты и образы, ритмика и строение фразы, мотивика и нарратив заложены в сознании билингвального автора не только как *воображаемое*, но как активно *ретранслируемое воображаемое*, уходящее в глубь веков; в силу этого первородность культуры стихийна, естественна и не всегда опознаваема в транслингвальном тексте в *системе* только иноязыковых лексических маркеров. «Оболочка русского слова» зачастую облекает идею иного миропорядка, поначалу являющегося для моноязычного восприятия нейтральной. Привычка читательского сознания «цепляться» за экзотизмы, «намеренно» манифестирующие свое происхождение, зачастую не дает нам увидеть, что весь текст по сути служит моделью языкового и культурного инобытия. Чтобы избежать ошибки в интерпретации такого текста, закономерно обратиться к метатексту иной культуры, который носит не только дескриптивный, но и смыслообразующий характер.

Примером такого метатекста может служить книга поэта, переводчика, режиссера, фотохудожника Бахыта Каирбекова «Кочующие в мирах»¹ — гимн великому кочевью, миру, который продолжает жить спустя века и эпохи в сознании всех тюркоязычных народов, миру настолько же посюстороннему, насколько посюсторонняя реальность нашего хаотичного, оторванного от прапамяти времени. Жанр книги нельзя определить только как собрание мифов и легенд Великой степи. В первую очередь, это книга-приглашение, книга-диалог, в которой автор собрал по крупицам все самое важное о мирочувствии и мировосприятии своих предков. Обладая несомненной логикой повествования, она скорее напоминает «ковер» из текстов, каждый элемент которого можно рассматривать отдельно (и в этом ее бесспорная ризоматичность). Книгу можно начать читать с любого интересующего места: каждая глава, каждая ниточка уникального узора самодостаточна.

Книга Б. Каирбекова — это путешествие в глубь Мифа. Вечное движение, нелинейное, не признающее границ, интуитивное и понятное каждому кочевнику, отважившемуся на великий поход. Кочевники — медиумы между мирами. В истории цивилизаций, отмечает автор, им была уготована роль связных человечества, без которых нет дороги. Кочевники — истинные первооткрыватели не только в плане своего физического бытования, вживания в

¹ Каирбеков Б.Г. *Кочующие в мирах*. М.: РУДН, 2023.

окружающий природный мир, который становится своего рода внешней детерминантой их существования; в первую очередь кочевник — тот, чье духовное путешествие помогает проложить путь другим — это знахари и баксы, жырау, поэты, мыслители и все, кто движется не только по горизонтали, но и по вертикали мироздания, как древо жизни Байтерек. Б. Каирбеков рассказывает о Кочевье во времени, иерархии миров, первоначалах Вселенной; о сотворении мира, пути Солнца, степном календаре; о степи великих трав под оком божества Тенгри; о священном лесе и культуре животных; об обрядах и запретах степного народа и о карте Вселенской Юрты.

Для нас — с точки зрения исследовательского сюжета — книга Б. Каирбекова «Кочующие в мирах» является, в первую очередь, метатекстом, то есть текстом о тексте, позволяющим дешифровать этот текст. Рассмотрим стихотворение «Как забыли мы неба уроки»:

*Как забыли мы неба уроки
И каникулы рек и озер,
И росу, и лучи на востоке,
И манящий полет гордо рдеющих гор?*

*Тело наше — всего оболочка
Искры божьей — крылатой души,
Может, самая малая точка,
Но пучок ее — лазер в ночи.*

*Забываем о силе душевной,
И скупимся на чувства свои,
И в пустой суете ежедневной
Зря живем — без надежды и сил.*

*Так верните нам память о крыльях,
Равновесие гор и цветка!
Опадет придорожною пылью
Беспричинная дурь и тоска².*

В стихотворении нет ни одного элемента, который мы могли бы охарактеризовать как заимствование из другого языка. Тем не менее оно предвзвешивает главу «Кочующих в мирах», посвященную великому богу Тенгри. Как пишет Б. Каирбеков: «Недосягаемая глубина и высота Неба, необъятная ширь его вызвали невольное восхищение у человека, и неудивительно, что в нем он увидел своего Творца, Отца, с ним навеки связал свою родословную — свое прошлое и будущее» [8. С. 99]. Тенгрианство, культ Вечносинего Неба, лежало

² Каирбеков Б.Г. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023. С. 119.

в основе верований древних тюрков. Современный человек забыл уроки своего Небесного Отца, но одно лишь напоминание о Нем в стихотворении Б. Каирбекова сообщает произведению мифопоэтическое измерение, и мы начинаем по-новому смотреть на другие семантически «прозрачные» на первый взгляд слова: реки и озера, лучи на востоке, горы. Ведь в самом начале космогонии тюрков была Вода — Великий океан. Это место рождения и место смерти, амбивалентный образ, требующий в миропонимании древних наличия границы, которой стала Река. Река для кочевника — та же Дорога, по которой люди и боги перемещались между мирами. В горизонтальной плоскости земли, если взглянуть на сплетения рек сверху, они напоминают все ту же ось мироздания, великое Древо, соединяющее Верхний, Срединный и Нижний миры. Именно из воды появляется тюркская богиня-мать Ак-Ене, которая незримо участвует в сотворении мира. Попав в мир воды, человек в мифопоэтическом толковании умирал и возрождался в новом качестве: отныне ему была дарована иная судьба, о чем, по Б. Каирбекову, свидетельствует внушительный корпус текстов. Срединный мир тюрки стали называть Йер-Су — Землей-Водой. Вот почему в стихотворении так значим мотив возвращения человека к истокам — к изначальной «крылатости» собственной души, которую вдохнули в него созидающие божества. И человек, как напоминает нам Поэт, должен снова отправиться в путь — Движение и Возвращение:

*Так выходит кочевник в дорогу
Мир познать, о котором забыл,
Поднабраться душевного прока,
Раззадорить пригасший свой пыл!*

*Так сбиваются в час перелета
Птицы в стаю, галдя, гомоня...
Пусть же вновь окрылит нас свобода,
Испытаем дорогой себя!*

Великое степное знание открывается лишь в Пути. Каждому читателю, готовому разделить этот Путь, дается напутствие:

*Мы — кочевники в Космосе Мироздания.
Мы выходим на планетарное мышление, придя к идее Земли —
как общего дома,
но мы готовы покинуть ее и пуститься в новый путь.
Наша одиссея должна продолжиться в космосе.*

*Сегодня мы осознаем себя Путешественниками,
вечными гостями во Вселенной,
но прежде, чем выйти на другую орбиту кочевания,
мы должны вспомнить законы кочевания.*

*А они просты:
гость не враг, и нет врагов,
если мы все гости по отношению друг к другу;
единый пастырь наш — Великое Небо;
почитай старших,
и они станут твоими покровителями и в ином мире;
бери от мира столько — сколько можешь проглотить;
в жизненном пути своем приучись обходиться малым,
потому как всякая лишняя вещь в пути — обуза.*

*осознав эти истины,
можно выходить в Путь-Дорогу,
которой нет и не будет конца³.*

Список литературы

1. Делёз Ж., Гватари Ф. Трактат о номадологии // НК. 2005. № 2 (92). С. 183–187.
2. Валикова О.А., Шагимгиреева Б.Е., Кулиева Ш.А. Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 230–249. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
3. Тлостанова М.В. Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник РУДН. Серия Философия. 2006. № 2. С. 5–16.
4. Лейдерман Н.Л. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург: УГПУ, 2004. 244 с.
5. Kellman S.G. Translingual Writers: Introductory Notes // Polylinguality and Transcultural Practices. 2019, vol. 16, no. 1, pp. 9–12. <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>
6. Tannenbaum M., Haim O. Journeys to a New Homeland // Journal of Modern Jewish Studies. 2019, vol. 6, no 3, pp. 273–287. <https://www.doi.org/10.1080/14725880701655037>
7. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБО и МИ, 2009.

References

1. Delyoz, Zh., Gvatari F. 2005. “Nomadology.” NK, no. 2, pp. 183–187. (In Rus.)
2. Valikova, O. A., B.E. Shagimgireeva, and Sh. A. Kulieva. 2020. “Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov.” New Research of Tuva, no. 4, pp. 230–249. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
3. Tlostanova, M.V. 2006. “Transculturation as a new episteme of globalization.” Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya, no. 2, pp. 5–16. (In Russ.)
4. Leiderman, N.L. 2004. Postrealism: a theoretical essay. Ekaterinburg: UGPU publ. Print. (In Russ.)
5. Kellman, S.G. 2019. “Translingual Writers: Introductory Notes.” Polylinguality and Transcultural Practices, vol. 16, no. 1, pp. 9–12. <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>
6. Tannenbaum M., Haim O. 2019. “Journeys to a New Homeland.” Journal of Modern Jewish Studies, vol. 6, no 3, pp. 273–287. <https://www.doi.org/10.1080/14725880701655037>
7. Bahtikireeva, U.M. 2009. Creative bilingual personality: authors of Turkic origin and their texts in Russian. Astana: CBO i MI. publ. (In Russ.)

³ Каирбеков Б.Г. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023. С. 237.

Сведения об авторах:

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

Маркова Елена Андреевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов. E-mail: markova_ea@pfur.ru

Bio notes:

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. E-mail: shekkul@mail.ru

Elena A. Markova is a Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. E-mail: markova_ea@pfur.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-365-371

EDN: KBRSSL

Эссе / Essay

Статус жанра романа и метаромана в аспекте новой литературной эстетики

В.И. Пьянкова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6
✉ valeria.pyankova@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию 18.12.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пьянкова В.И. Статус жанра романа и метаромана в аспекте новой литературной эстетики // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 365–371. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-365-371>

The Genre of the Novel and the Meta-Novel in the Aspect of the New Literary Aesthetics

Valeriya I. Pyankova

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
✉ valeria.pyankova@mail.ru

Article history: received 18.12.2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Pyankova, V.I. 2024. “The Genre of the Novel and the Meta-Novel in the Aspect of the New Literary Aesthetics.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 365–371. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-365-371>

Как известно, *omnia initium difficile est*, однако *демон теории* все же повелевает нам начать с вопроса «Что есть роман?». Сугубо теоретический вопрос в действительности оказывается вопросом насущным и практическим

© Пьянкова В.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

в той степени, в которой он является вопросом о собственно *практике мысли*, о способе мыслить о чем-либо. При этом сама структура, конструкция вопроса «что есть X?» не является простым «эвристическим инструментом для извлечения уже имеющегося знания» [1], иначе постановка вопроса была бы простым риторическим актом. Дело вовсе не в дефицитности уже имеющихся понятий или определений романа, а, наоборот, в их дисквалифицирующем себя избыточном количестве. Количество определений при этом, *игнорируя* гегелевский закон, чаще всего не прибавляет нового знания, то есть не переходит в качество. Безусловно, нет нужды в апологетике теории и теоретического (и точнее — филологического) вопрошания как такового, но на фоне огромного количества исследований романа такой вопрос может показаться глупым и амбициозным. Укор в первом не так страшит нас, как подзрение во втором, потому что, в первую очередь, обращение к *самому началу*, обращение к понятию, продиктовано той специфической интенцией, которой обладает теория, а именно — «ратовать против всякой имплицитности», быть «protervus'ом из старинной схоластики» [2].

Возможно, в Мультивселенной не было бы проблемой одновременное существование определений вообще и определений романа в частности. В нашей Вселенной теория допускает релятивизм, но вынужденно, из соображений чисто академических, отказывает в плюрализме, который, как известно, «множил бы сущее без необходимости». Из множественности определений чаще всего делается вывод о *сложности* романа как явления и как жанра. Охватить все характеристики и черты романа, таким образом, оказывается задачей невыполнимой, поэтому границы исследования сужают до того или иного аспекта романа. Итогом таких исследований становится выявление новых характеристик, новых типов, новых структур и т.д., которые в свою очередь должны *дополнить, расширить* уже имеющиеся определения. Встречается также и умолчание, обход вопроса о понятии и взятие в качестве «рабочего» определения популярной бахтинской формулировки о романе как о «единственном становящемся и еще не готовом жанре...» [3].

Однако в итоге мы получаем «теоретического Франкенштейна», а роман оказывается своеобразным жанровым Протеем, который бесконечно меняет свою форму и характеристики, определение же только отражает изменчивую природу определяемого. Так понятие романа становится чем-то похожим на классификацию животных из «Небесной империи благодетельных знаний», где они делятся на а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие и т.д. [4]. Катафатичность таких перечислений романских свойств и признаков оборачивается апофатикой на уровне эпистемологическом. И все-таки в таком контексте есть надежда, что на полях понятийных интерференций можно уловить

«сущность» романа, уловить его терминологический инвариант, поскольку накопление дифференцирующих характеристик в конечном счете усиливает различительную способность. Нам же вместе с этим представляется интересной и продуктивной попытка сделать шаг назад и рассмотреть особенности самой категории жанра для романа.

Ситуация с *жанром* романа аналогична ситуации с языком, который не дан нам в некотором стабильном, зафиксированном виде, где есть постоянство связи между означаемым и означающим. И как язык существует в конкретных актах говорения, так и жанр романа манифестируется в каждом конкретном романе.

Речь идет, конечно, не о том, что давно является общим местом. Категория жанра с исторической точки зрения изменчива, и изменение это движется в направлении от складывания жанрового канона к его разрушению, преодолению, а затем снова — к возрождению. Гетерогенность категории жанра ни в диахроническом, ни даже в синхроническом аспекте (ср. то, что пишет С. Аверинцев о структуре византийской литературе, в которой на разных «ярусах» сосуществовали «разные статусы жанра») не требует комментария и не вызывает сомнения.

Жанр как канон, как эксплицируемое в теории, возникает только в эпоху, которую С. Аверинцев называет эпохой рефлексивного традиционализма (время Аристотеля) [5]. Жанр необходим тогда как способ дистантного состязания, соперничества автора с автором (категория авторства — производное от категории жанра), а соперничество возможно только *по правилам*. И именно *sub specie ludi* (под знаком игры) возникает и понятие канона. Я. Ассман дает прекрасное определение канона как «такой формы в традиции, в которой она достигает высшей внутренней обязательности и крайней формальной устойчивости» [6]. Но эпоха поэт и риторик обходит вниманием жанр романа. Переход от эпохи синкретизма к рефлексии (она же *эйдетическая эпоха* у С. Бройтмана, именно потому что были созданы сами *эйдосы*) повлек за собой тот феномен, который мы можем описать как «обретение маргиналий», как некоторую поляризацию созданного, означенного литературного поля. И маргиналии на полях поэт и риторик были скоро заполнены тем, что не осознавалось как собственно литература. «Неосознавание» это базировалось на отсутствии у эйдетического жанра своего *пражанра* в дорефлексивном традиционализме: «так, элегия возникла из надгробных плачей, баллада — из весенних плясовых и игровых песен, идиллия — из пастушеских песен, газелла — из газала касыды, хокку — из танка, у которой были свои фольклорные источники, новелла — из анекдота и т.д.» [7]. Роман же никому не наследует, а приходит как воплощение народно-смеховой культуры, как *маргинальный жанр*. В «Происхождении романа» В. Кожинев напишет о том, что сходство так называемых «античных романов» с тем, что будет создано

в начале Ренессанса, с *новым романом*, — это ложная, исключительно формальная аналогия, а не сущностное сходство [8].

Так, роман как будто занимает по отношению к литературе и к канону позицию своеобразного Трикстера-Тени. И кому, как не Трикстеру, будет доступно пародирование, М. Бахтин напишет о том, что роман «плохо уживается с другими жанрами. Ни о какой гармонии на основе взаимоограничения и взаимодополнения не может быть и речи. Роман пародирует другие жанры (именно как жанры), разоблачает условность их форм и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их» [3]. Ср. с описанием Трикстера как «духа беспорядка», никому не подчиняющегося (К. Кереньи), который «в своем наиболее ярком проявлении — подлинное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, которое соответствует душе, едва оставившей животный уровень» (К. Юнг). Во избежание недоразумений отметим, что обращение к некоторой терминологии психоанализа нужно нам постольку, поскольку помогает постепенно менять саму оптику для рассмотрения феномена романа и, наконец, позволяет подойти к тому, что будет названо у Н. Рымаря *романным мышлением*.

Переход от синкретизма к традиционализму с его поэтиками, то есть с теорией, традиционно понимается как движение от *мифа* к *логосу*. Как пишет М. Ямпольский, «философия буквально возникает из абстрагирования мифа» [9]. Миф в это время перехода — Другой становящихся истории, философии и поэтики.

Но что будет являться Другим для самой эпохи рефлексивного традиционализма? Поскольку «всякий дискурс вырабатывает альтернативу себе», так литература «для себя», сменив литературу «в себе» [5] обретает в романе свое *парадоксальное Другое* и «как максимально иное, чем она (литература. — Прим. авт.), роман подменяет собой не отдельные жанры художественной словесности (как это наблюдается в фольклорных пародиях на волшебную сказку, былинку и лирическую песню), но дискурс в целом» [10].

То есть, будучи Другим литературы (а по отношению к первобытному сознанию — двойным Другим), роман демонстрирует наличие той имманентной потенции к экстенсивному и интенсивному постоянному расширению. Отсюда же, например, возникает феномен так называемого *великого тотального модернистского романа* (Д. Хаустов), потому что роман *par excellence* утопичен и конституируется своим же перманентным становлением. Но в этом становлении роман способен не просто ассимилировать канонические жанры, но способен их инкорпорировать в свое *тело*, оставляя в присутствии им формально-содержательном единстве.

Но (фиктивная) дуальность романа, как нам представляется, заключается не столько в его способности включать в себя жанры, пародировать их и вклю-

чать уже сами пародии, сколько на способности романного мышления соединять сферы мифа и логоса, сакрального и профанного, то есть соединять то, что перманентно продуцирует бинарное напряжение. Если вернуться к терминам психологическим, то роман, таким образом, есть как бы воплощение, манифестация принципа энантиодромии.

Если «перевести» вышесказанное в термины континентальной философии, то повышенная энтропийность романа, которая и приводит к постоянному изменению объема понятия жанра романа, продиктована тем, что роман — трансгрессивен. По Ж. Батаю, трансгрессия — это нарушение, преступление, выход за предел и преодоление границы, преодоление табу, и в том числе канона. Но что еще важнее, как доказательство наличия механизма трансгрессии в романе, трансгрессия у Батая, и в этом отличие его понимания от трансгрессии М. Фуко, не уничтожает сам запрет, то есть буквально сохраняет внутреннюю диалектику: «Нет нужды подчеркивать здесь гегелевский характер данного рассуждения, где имеется в виду момент диалектики, выражаемый непереводаемым немецким словом *aufheben* (преодолевать, сохранять)» [11].

В механизме трансгрессии с сохранением преодоленной границы угадывается нечто созвучное теории миметического желания Р. Жирара. Его теория не наследует ни платоновскому мимесису, ни гегелевскому *Anerkennung*. Жирар разделяет миметическое подражание на два типа: на *la mimesis d'apprentissage*, мимесис обучения, и на *la mimesis de rivalité*, мимесис соперничества. И последний интересует его намного больше, поскольку именно *мимесис апроприации* (ср. с механизмом трансгрессии) как механизм кладется в основу объяснительной модели фундаментальной антропологии по Жирару. Еще одно важное понятие в жирардианской методологии — понятие треугольника соперничества и схемы, описывающей это соперничество, — треугольного желания — *le désir triangulaire*.

Люди связаны амбивалентными отношениями восторга и вражды, где враги и друзья в сущности желают всегда одного и того же: «Мы хотим иметь то, что есть у другого, или быть тем, кто он есть. Поэтому мы подражаем другим, и неудача наполняет нас негодованием (*resentment*), наши чувства “рикошетят” друг о друга» [12]. Дон Кихот желает того, что желает Амадис — образец подражания для Дон Кихота, Эмма Бовари желает того, что желают героини романов, которыми она зачитывается, — все это механизм *подражательного желания*, желания *от Другого*. По Жирару, миметическое желание — это открытие Шекспира. Так, в «Двух веронцах» образуется миметический треугольник, в котором Валентин – медиатор (модель для подражания), Протей — подражающий, а Сильвия — их общий объект. Работа миметического желания же свертывается именно в том, что «Протей вожделеет Сильвию не потому, что их минутная встреча произвела на него

неотразимое впечатление; он заранее предпочитает все, что желанно Валентину» [12].

Если через пространственную метафору жирардинского треугольника мы попробуем представить роман как жанр, то можно получить следующую схему. Так, вершину треугольника можно соотнести с тем, что можно назвать *жизнью, действительностью*, а в основании расположить *роман и литературу*. Именно в перспективе миметического треугольника становится понятным то напряженное «желание» романа бесконечно апроприировать литературные жанры. Мимесис романа не только в том, что он подражает жизни, а в том, что он соперничает в этом подражании со всей литературой будучи ее Другим.

В свете вышесказанного представляются несколько избыточными встречаемые нами определения романа как мегажанра или как метажанра. Объяснительная сила этих номинаций оказывается все-таки недостаточной, потому что указывает лишь на исключительный *масштаб* жанра романа, а размера как количественной характеристики все еще не хватает для полного описания или терминологического определения.

Как пишет В. Хамахер: «мочь говорить — значит мочь сказать что-то сверх всего сказанного и никогда не мочь сказать достаточно» [1]. Но роман как жанр — сложный объект для того, чтобы смочь сказать что-то *сверх*, и скорее ощущение извечной недосказанности, неполноты и недостаточности будет сопровождать любую попытку описания. Тем не менее именно эту недостаточность стоит воспринимать оптимистично, поскольку она утверждает возможность продолжать исследования романа.

Список литературы

1. Хамахер В. *Minima philologica: 95 тезисов о филологии; За филологию* / пер. с нем. Анны Глазовой; под ред. Ивана Болдырева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021.
2. Компаньон А. Демон теории: Лит. и здравый смысл / Антуан Компаньон; пер. с фр. С. Зенкина. Москва: Изд-во им. Сабашниковых: СЕУ, 2001.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
4. Борхес Х. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения / Хорхе Борхес; пер. с исп.; сост., вступ. ст. Вс. Багно; коммент., аннот. указ. имен. Б. Дубина / Хорхе Борхес. Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1992.
5. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
6. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
8. Кожин В.В. Происхождение романа. М.: Советский писатель, 1963.
9. Ямпольский М.Б. Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022.

10. *Смирнов И.П.* Олитературенное время. (Гипо) теория литературных жанров. СПб.: РХГА, 2008.

11. *Зенкин С.* Послесловие к трансгрессии // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2019. № 2 (129). С. 125–139.

12. *Жиран Р.* Театр зависти. Уильям Шекспир / Рене Жиран; пер. с. англ. М.: Издательство ББИ, 2021.

References

1. Hamacher, W. 2021. *Minima philologica: 95 theses on philology*. On Philology. Translated by Anna Glazova, edited by Ivan Boldyrev. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. Print. (In Russ.)

2. Compagnon, A. 2001. *Demon of Theory: Literature and Rationality*. Translated by Sergey Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publishing House. Print. (In Russ.)

3. Bakhtin, M.M. 1975. *The questions of literature and aesthetics. The researches of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ. Print. (In Russ.)

4. Borges, J. 1992. *Collected works with introduction by Vsevolod Bagno, commentary and annotated index by Boris Dubin*. Saint Petersburg: Severozapad, 1992. Print. (In Russ.)

5. Averintsev, S.S. 1996. *Rhetoric and the origins of the European literary tradition*. Moscow: Yazyki russkoi kultury publ. Print. (In Russ.)

6. Assmann, J. 2004. *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in High Cultures of Antiquity*. Translated by M.M. Sokol'skaya. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury publ. Print. (In Russ.)

7. Broitman, S.N. 2004. *Historical Poetics*. Moscow: Academia. Print. (In Russ.)

8. Kozhinov, V.V. 1963. *Genesis of Novel*. Moscow: Sovetskii pisatel' publ. Print. (In Russ.)

9. Iampol'skii, M.B. 2022. *Return on Adam. Myth, or Archaic Modernity*. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing. Print. (In Russ.)

10. Smirnov, I.P. 2008. *Literary time. (Hupo)theory of literary genres*. Saint Petersburg: RHGA publ. Print. (In Russ.)

11. Zenkin, S. 2019. "Afterword in Transgression." *Filosofsko-literaturnyi zhurnal "Logos"*, no 2, vol. 129, pp. 125–139. Print. (In Russ.)

12. Girard, R. 2021. *A Theatre of Envy: William Shakespeare*. Moscow: BBI publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Пьянкова Валерия Игоревна — магистрант направления «Цифровые инновации в филологии», Институт русского языка, Российский университет дружбы народов. E-mail: valeria.pyankova@mail.ru

Bio note:

Valeriya I. Pyankova is a Graduate Student in the field of «Digital Innovations in Philology», Institute of Russian Language, RUDN University. E-mail: valeria.pyankova@mail.ru.

